Издание для сильных и жестких мужчин

СОЛДАТ УДАЧИ

№ 8 (167)
август 2008

«Вроде воевали, а вроде и нет»

В пустыне Регистан

Лучший ас корейской войны

ISSN 0201-7121
ИНДЕКС 26319
ИНДЕКС 71223
9 770201 712002 08

Телефон/факс редакции:
(495) 958-1699,
(495) 237-6270
Адрес редакции:
115162 Москва, ул. Люсиновская, 68.
E-mail: info@soldat-udachi.com
www.soldat-udachi.com
По вопросам рекламы и распространения звонить:
958-1699, 237-6270.

Приглашаем к сотрудничеству рекламных агентов и частных распространителей.

Учредитель и издатель:
ООО «Интернет-Медиа»

Подписано в печать 03.07.08

Издание зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ, свидетельство ПИ № ФС 77 - 21960 от 15.09.2005

Цена свободная.

Подписные индексы:
71223 по каталогу Роспечати,
99268 по каталогу российской прессы «Почта России»
(адресная подписка)

Допечатный процесс:
дизайн и верстка Петр КОЛОТИЛОВ

Отпечатано в типографии
ОАО «Кострома»
Заказ № 1955
Тираж – 21.500

Точка зрения редакции не обязательно совпадает с мнением авторов

Михаил ЕФИМОВ

На госкаравай рот не разевай...

Недавно в нашей стране произошло весьма знаменательное событие – завершилась пятнадцатилетняя борьба военных пенсионеров с государством. Что поразительно, победили пенсионеры. Правда, после того, как на их сторону встал В.В. Путин, подписавший Указ «О некоторых мерах по обеспечению социальной защиты отдельных категорий пенсионеров».

А начиналась эта полная трагизма история еще в далеком 1994 году. Кто помнит то время, тот помнит дикую инфляцию, маленькое денежное довольствие военнослужащих. Не хватало на самое необходимое. Порой не на что было пообедать.

И вот оказывается, что правительство приняло несколько документов, в которых силовым министрам разрешалось устанавливать ежемесячную надбавку за сложность, напряженность и специальный режим службы в размере 50 процентов оклада по воинской должности, а также устанавливать сами оклады по воинской должности с увеличением на 25 процентов.

Разрешено так разрешено. Министры издали приказы о подобном увеличении. Откровенно говоря, радовались все: и действующие офицеры, прапорщики, и военные пенсионеры. Ведь по Закону РФ от 12 февраля 1993 года «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» пенсии «подлежат пересмотру при увеличении денежного довольствия военнослужащих...». Иными словами, увеличивается денежное довольствие военнослужащих, которые находятся ныне в строю, – на столько же растет и пенсия бывших офицеров и прапорщиков. По-другому и быть не может. Ведь закон есть закон. Но не тут-то было. В своих приказах силовые министры ничего не сказали о пенсионерах.

Естественно, военные комиссариаты пенсии не пересчитали. Они же люди военные, действуют по приказу.

Чем отвечают военные пенсионеры? Нарушены их права, и они идут в суды. Но, увы, суды чаще всего отказывают в рассмотрении исков. На каком, собственно, основании? Находится такое основание. Оказывается, постановлением правительства от 7 декабря 1994 года должностные оклады повышены не были, а лишь дано право министрам их повышать. Мудрые юристы растолковали пенсионерам, что, мол, зря разевали рот на государственный каравай, то постановление совсем не являлось актом прямого действия, а носило лишь разрешительный характер. Отсюда вердикт: постановление правительства не может лежать в основе исков.

Приказ же министра обороны, где говорилось о повышении должностных окладов, решением Верховного суда в 1997 году был и вовсе признан незаконным со дня его создания. Он не прошел госрегистрацию и не был опубликован.

Однако военные пенсионеры продолжали бороться. Через 12 лет, в мае 2006 года, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ рассмотрела иск военных пенсионеров из Калужской области. Она признала, что постановление правительства, изданное в 1994 году, все-таки является правовым основанием для увеличения должностных окладов.

Было вынесено определение и по приказу министра обороны от 10 января 1995 года, и хотя тот был признан незаконным, но тем не менее является основанием для увеличения размера пенсий. Казалось, после вердикта Верховного суда дело сдвинется с мертвой точки. И действительно, суды начали принимать решения, обязывающие военные комиссариаты произвести перерасчет пенсий. Но опять неувязочка. Вердикт есть, а денег в бюджетах силовых министерств нет. И судебные решения оставались нереализованными.

По-настоящему эта «телега» двинулась вперед только после того, как В.В. Путин во время «прямой линии» в октябре 2007 года четко заявил: деньги на реализацию проблемы есть, указ будет подписан.

Владимир Владимирович слово свое сдержал. Деньги нашлись. Правда, те, кто отстоял свои права в судах в прежние годы, получили значительно меньшие доплаты, чем те, кто получает их по президентскому указу. Опять как-то нездорово вышло. Ведь у пенсионеров равные права. Или все-таки кто-то равнее?

Журнал тех, чья работа – защищать

Издается с октября 1994 года

стр. 4

КНИГА БОЕВОГО ОПЫТА

Горы. Дорога. Засада. Бой

Если склон горы порос «зеленкой», для выявления растяжек применяется веревочный трал: простейшее приспособление, состоящее из веревки и привязанного к ней груза весом 1-1,5 кг. Груз на веревке забрасывается через кусты или высокую траву, и веревка тянется на себя.

Алексей ПОТАПОВ, Михаил ЛИТВИНЕНКО

стр. 10

КНИГА БОЕВОГО ОПЫТА

«Вроде воевали, а вроде и нет»

Стоя на блокпосту, противно было смотреть, как некоторые машины и бронетехника войсковых колонн, выводимых из Чечни, были загружены «военными трофеями» – мебелью, коврами и т.п. Среди военнослужащих-контрактников оказалось много лиц из числа ранее судимых, алкоголиков. Неужели в военкоматах нельзя было провести качественный отбор на действительно высокооплачиваемую для «немосковских» регионов работу?

Валерий ДАНИЛЬЧЕНКО

стр. 15

СЫНЫ ОТЧИЗНЫ НА ТАЙНОЙ ВОЙНЕ

Лучший ас корейской войны

Китайская форма, впрочем, не служила спасением от кулаков северокорейских и китайских солдат и местных жителей, когда наш подбитый в бою летчик, на парашюте, оказывался в их расположении. Мало ли какая форма, зато глаза круглые, как у янки, – вот и получай в этот глаз!

Николай ПАЛЬЧИКОВ

стр. 22

ГОРДОСТЬ ОТЕЧЕСТВА

Последняя спецоперация «Нормана»

Уже вскоре после первой встречи Стиг предложил некоторые документы.
– Они в Бейруте? – спросил Никифоров.
– Нет, в Стокгольме, хранятся в сейфе одного из банков. Но я могу доставить их сюда, если вы заинтересованы, – ответил Берлинг.
– Мы заинтересованы, – подтвердил атташе.
На следующий день Стиг приобрел билет на самолет и вылетел в Стокгольм. Там, в банке на улице Эрик Дальбергсгатан, забрал из сейфа документы, заехал на квартиру и вскоре отправился обратно в аэропорт Арланда.

Михаил БОЛТУНОВ

стр. 28

ГАЛЕРЕЯ

5,56-мм автоматическая винтовка «Кольт М16А1»

Вскоре, однако, в войсках стали проявляться недостатки винтовки. В ржавеющем патроннике заклинивало гильзу. Ударник ломался или терялся при чистке. Нагар заклинивал затвор. Ствол мгновенно ржавел. Для чистки множества труднодоступных мест из-за отсутствия нормального инструмента солдатам приходилось использовать свои помазки и зубные щетки.

Дмитрий ШИРЯЕВ

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

№ 8 (167)
август 2008

Фото Виталия АНЬКОВА

В номере использованы фотографии Андрея Кириллова, Сергея Сидорова, Сергея Исакова, Владимира Веленгурина, Виталия Анькова, Сергея Плотникова, Юрия Тутова, Юрия Козырева, из каталога «Оружие России», а также иллюстрации с профильных интернет-сайтов.

(Окончание. Начало в № 7)

Алексей ПОТАПОВ
Михаил ЛИТВИНЕНКО

ГОРЫ. ДОРОГА. ЗАСАДА. БОЙ

Тактика действий при прохождении малой колонны

Колонны МВД обычно малочисленны – от трех до пяти машин – и, как правило, обеспечены одним БТР. Прохождение таких колонн опасно в потенциале, поэтому во избежание неоправданных потерь следует:

– ездить только на оборудованных машинах;

– к маршу допускать сотрудников, натренированных на круговое наблюдение, быстрое спешивание, оборонительное и наступательное развертывание и другие наступательные тактические действия;

– командир малой колонны обязан подготовить маршрут, заранее продумать, что он будет делать в опасных местах: пройдет их на высокой скорости; или же спешит людей и проведет их отдельно, а транспорт – отдельно; или же проведет колонну по частям, под прикрытием друг друга. Командир заранее должен продумать все возможные варианты огневого отражения нападения в таких местах; избегать нахождения внутри малой колонны танков (подбитый танк невозможно сбросить с дороги);

– в местах снижения скорости, особенно перед поворотами, водителям машин рекомендуется увеличить интервал между машинами.

Опасные участки дороги, где затруднено спешивание и невозможно выдвижение в атаку, преодолеваются по одной машине (или по паре машин) в сопровождении БТР. При этом головная и хвостовая часть колонны находятся в защищенных естественными укрытиями местах, в спешенном состоянии, при оборонительном развертывании, с поставленными дымовыми завесами, производят профилактическое разминирование обочин и должны быть готовы атаковать предполагаемые позиции партизанской засады, удерживая их под прицелом. Командирам малых колонн надо учитывать некоторые важные моменты.

1. При малейшем подозрении на засаду высылается разведдозор.

2. При обнаружении передовым разведдозором заваленного участка дороги малой колонне следует как можно быстрее «откатиться» назад, в то место, где можно укрыться за скалами или другими укрытиями.

3. Если при обстреле машина не попала в зону поражения, а огонь противника сильный и плотный, такую машину целесообразно оставить там, где она есть, и не выдвигаться на ней в зону поражения.

4. Рекомендуется ездить на машинах с дизельным двигателем: он не мешает работе радиостанций. Рации должны быть включены постоянно, и постоянно должна идти радиоперекличка.

5. БТР в малой колонне никогда не используется в командирских целях. Командир находится только на открытой машине посреди колонны. БТР

противник старается подбить во что бы то ни стало на первых же секундах нападения. Почему? Потому что в БТР обычно находится командный состав и боевая машина с его КПВТ представляет для противника наибольшую опасность. К тому же в БТР находится мощная рация – противник об этом тоже знает и постарается лишить вас связи. Поэтому ваш бронетранспортер должен использоваться как крепость на колесах – не более того.

6. На важных маршрутах для поддержки часто проходящих малых колонн можно выставлять временные окопавшиеся заставы, усиленные бронетехникой, на расстоянии 4-5 км друг от друга, с устойчивой постоянной радиосвязью между заставами и центральной базой.

7. При неприбытии малой колонны на конечный пункт в назначенное графиком движения время организуются поисково-спасательные мероприятия.

Оборудование грузового транспорта для перевозки личного состава

Самые неоправданные, глупые, бессмысленные потери колонна несет в первые минуты обстрела. Это связано с тем, что бойцы сидят в кузове под тентом, спиной к борту (по сути – к противнику). При этом полностью исключается круговое наблюдение и противник вовремя не обнаруживается. Разумеется, при этом не открывается коллективный встречный огонь на подавление противника (он должен быть открыт прямо на ходу из всех стволов). В случае остановки машины противник переносит огонь к заднему борту – именно там оставшиеся в живых будут спрыгивать на землю. Для остановки машины противник обстреливает кабину водителя и моторную часть. Командир сидит в кабине, и поэтому его команды не слышны в кузове.

Кроме того, высокие дуги, на которых натянут тент, задевают за высоко поставленные (верхние) растяжки и вызывают их срабатывание.

Во избежание ненужных потерь машина должна быть укреплена и оборудована соответствующим образом. К тому же надо помнить, что на голом месте, каким является дорога, наиболее реальное средство укрытия от огня противника – сама машина, больше там укрыться не за чем и негде.

Для обеспечения большей живучести колонны машины в ней надо подготовить. Прежде всего необходимо снять тент и дуги, его поддерживающие (немцы в Югославии, американцы во Вьетнаме и русские в Афганистане никогда не ездили под тентом, ни при каких погодных условиях, езда под тентом строжайше запрещалась специальными приказами). Тент только создает иллюзию безопасности, а в реальности бойцы под ним, как «коты в мешке». Обязательно с трех сторон на бензобаки (топливные баки) навешиваются толстые стальные пуленепробиваемые листы – это в значительной мере препятствует возгоранию машины от бронебойно-зажигательных пуль, а от трассирующих укрепленные таким образом баки не поджигаются вообще. Таким же образом с боков и сверху укрепляется (блиндируется) моторная часть.

На кузове в районе задних колес с каждой стороны кладут 3-4 мешка, туго наполненных песком (можно бы и больше, но машина не потянет). Это укрытие, которое приходится возить с собой, ибо на горной дороге взять его больше негде. Бойцы на марше находятся только лицом к борту, держа оружие наготове. Борта должны легко открываться наружу. По обстановке бойцы в кузове или сидят на мешках с песком, или имеют их перед собой, положенными вдоль борта для укрытия от пуль и осколков.

Задний борт во время движения обязательно открыт и закреплен в горизонтальном положении на цепях, чтобы не болтался. И немцы, и американцы обязательно вынимали стекла в кабинах водителей во избежание ранения осколками стекла. Американцы даже снимали дверцы с кабин для возможности как можно быстрее покинуть машины при необходимости. В кабинах находится по два водителя – основной и запасной. Это делается для того, чтобы при обстреле машина не останавливалась в результате гибели или ранения водителя, а могла вырваться из-под огня. Немцы для этого ставили дублирующие педали – тормоз и сцепление, как на учебных автомашинах.

Антенны стационарных радиостанций обязательно пригибаются во избежание задевания за верхние растяжки.

Порядок спешивания с подбитой машины и оборонительного развертывания

Расположение личного состава в кузове должно быть следующим: бойцы – лицом к бортам, снайперы – в передней части машины, командир – в районе задних колес, между мешками с песком, пулеметчик – рядом с ним со стороны заднего открытого борта. Это самое безопасное место при подрыве машины на фугасе. Пулеметчик должен уцелеть, чтобы первым покинуть машину, установить пулемет у заднего борта, противоположного от противника, прикрываясь задним колесом снизу и мешками с песком сверху, открыть огонь для прикрытия товарищей, рассредотачивающихся за укрытиями. Задача пулеметчика – насколько возможно подавить огнем пулемет противника, ведущий отвлекающую и прикрывающую стрельбу откуда-то издалека сверху.

При остановке машины личный состав открывает боковые борта и спешивается. Задача тех, кто успел спешиться, – рассредоточиться, добежать до ближайших укрытий на местности, укрыться за ними, определить цель и

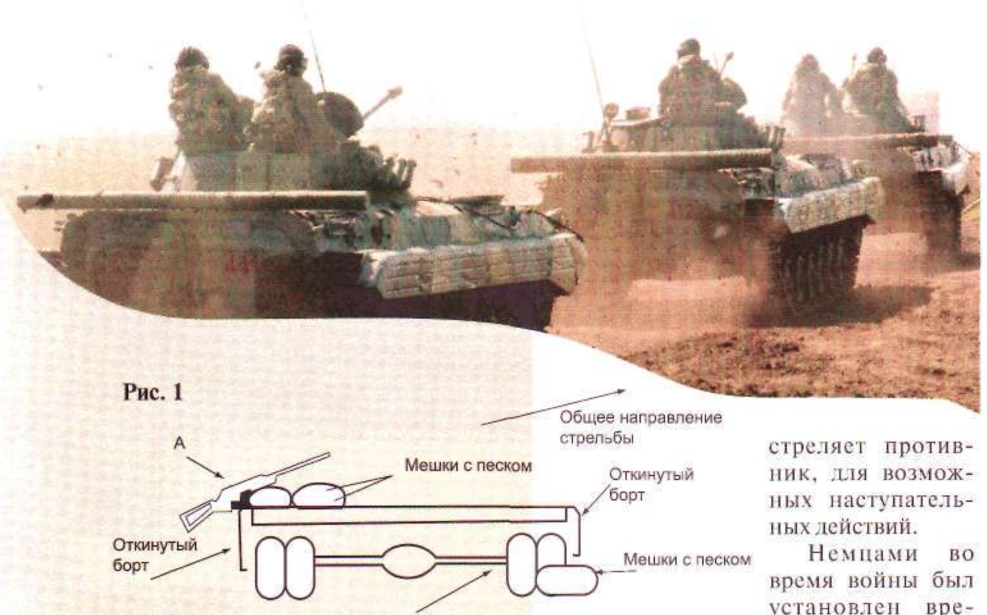

Рис. 1

открыть по ней огонь. Часть спешивающихся и пулеметный расчет укрываются непосредственно за машиной и мешками с песком. При этом наиболее эффективные и надежные места для укрытий — район задних и передних колес, за мотором (при выступающей вперед моторной части).

Пулеметчик стреляет снизу вверх, находясь за машиной с противоположной от противника стороны, укрываясь за задним колесом и мешками с песком, уже находящимися над этим колесом в кузове. При необходимости эти мешки остаются лежать в кузове вдоль откинутого борта, как и были положены друг на друга (**рис. 1**, позиция А).

Со стороны борта, обращенного к противнику, мешки с песком при спешивании сбрасываются на полотно дороги так, чтобы они сразу упали возле заднего колеса и вместе с ним образовали укрытие для стрелка. Этот стрелок, ведущий совместно с пулеметчиком прикрывающий огонь для оборонительного развертывания своих, назначается заранее. Заранее назначаются и те, кто помогает ему сбрасывать и по необходимости укладывать сброшенные мешки. Стрельба «из-под колеса» за мешками производится снизу вверх так, как представлено на **рис. 1**, позиция Б.

Спешивание и последующее оборонительное развертывание необходимо осуществлять быстро, невзирая на потери и другие обстоятельства. Позиции за укрытиями надо стараться занять с той стороны дороги, откуда стреляет противник, для возможных наступательных действий.

Немцами во время войны был установлен временной норматив для спешивания и оборонительного развертывания:

— открыть борта — 2 секунды;

— сбросить мешки с песком и одновременно покинуть машину — 2 секунды.

Итого на спешивание — 4 секунды.

Почему именно 4 секунды? Это время срабатывания осколочной гранаты. Далее:

— пулеметчик под прикрытием мешков с песком открывает огонь — 2 секунды;

— еще через 2 секунды открывает огонь стрелок из-под заднего колеса;

— покинувшим машину добежать до укрытия — 4 секунды с момента спешивания;

— найти цель и открыть огонь — еще 3 секунды.

Итого с момента остановки машины через 6 секунд открывал огонь пулеметчик, а общее огневое организованное сопротивление начиналось не позднее 15 секунд с начала обстрела противником.

Спешивание на ходу под обстрелом затрудняет противнику прицельную стрельбу и уменьшает потери. При спешивании на ходу рассредоточение происходит в обе стороны от дороги и подальше. При таком спешивании пулеметчик и его второй номер обязаны оставаться в кузове и вести огонь по позициям противника для прикрытия спешивающихся товарищей и покидать машины последними. А иногда им следует оставаться на ней и вести огонь, обложившись мешками с песком. В таком случае машина должна двигаться по дороге взад-вперед для затруднения стрельбы боевиков по пулеметчикам.

Чтобы все вышеописанное было осуществлено с наименьшими потерями, с первых секунд обстрела необходимо поставить плотную дымовую завесу. Для постановки дымовой завесы назначаются бойцы, которым выдаются дымовые шашки.

Атакующие действия снизу вверх

Боевая практика показывает, что ведение только одних оборонительных действий приводит к немного большим потерям, чем при действиях наступательно-агрессивных. Если не атаковать противника, стреляющего из засады, а оставаться на месте, это может привести к полному уничтожению вашего личного состава. Случайно при этом уцелеют немногие.

Как показывают боевые действия в Чечне, при агрессивной атаке снизу вверх партизаны, почувствовав тренированного и умелого противника, предпочитают не испытывать судьбу и отходят с позиций. Кроме того, при наступлении снизу вверх вы уходите с открытой дороги и только этим значительно снижаете свои потери.

При ведении атакующих действий снизу вверх в первую очередь необходимо обработать автоматным огнем «зеленку» (если она есть) и забросать гранатами скальные придорожные нагромождения. Это надо сделать обязательно, даже если оттуда и не стреляют. Ваша задача — занять «зеленку» и нагромождения камней под свое укрытие. Этим вы тоже снизите свои потери.

Если из-за кустов или из-за камней в вас полетели гранаты, то вашим единственно правильным действием будет не ложиться, а сделать рывок в ту сторону, откуда брошены гранаты, — там самое безопасное место. Тот, кто бросил гранату, скроется от ее осколков за укрытие, и ему будет не до стрельбы. Ваши действия — натиск огнем на ходу. При непрерывном автоматическом огне из засады бежать вам лучше вправо от себя, так как стрельба очередями уводит ствол противника вправо и вверх от него и он попадает сзади цели, бегущей в противоположную сторону.

Покончив с группой нападения противника, не спешите сразу подниматься снизу вверх в атаку. Поставьте перед подъемом в гору дымовую завесу и разминируйте подступы для продвижения. Практика показывает, что в скальном грунте минные постановки противника встречаются реже,

чем в грунте обычном (мины тяжелее ставить на камнях, труднее закапывать и маскировать). У начала подъема в гору вверх по тропинке, по которой вы будете подниматься, бросьте гранату. Именно в таких местах в скальных лабиринтах чаще всего установлены мины. Их «проявляет» и ликвидирует обвал (осыпь камней), вызванный разрывом вашей гранаты.

Если склон горы порос «зеленкой», для выявления растяжек применяется веревочный трал: простейшее приспособление, состоящее из веревки и привязанного к ней груза весом 1-1,5 кг. Груз на веревке забрасывается через кусты или высокую траву, и веревка тянется на себя. При попадании на растяжку груз повисает на ней и вызывает ее срабатывание **(рис. 2)**.

Наступление в гору ведется двумя подгруппами, примерно на одинаковом уровне. Расстояние между этими подгруппами должно обеспечивать взаимную поддержку огнем, для того чтобы ликвидировать «мертвые», не простреливаемые пространства за камнями. Противник будет в двадцати шагах от вас, за крутым обломком скалы, и вы не сможете его достать. А откуда-то сбоку он будет открыт для огня ваших товарищей из соседней подгруппы.

В свою очередь каждая подгруппа поднимается вверх, разделившись на два «яруса». Нижний «ярус» поддерживает огнем верхний, когда тот делает рывок снизу вверх от укрытия к укрытию. В свою очередь стрелки верхнего «яруса», закрепившись за укрытиями, ведут по противнику прикрывающий (заградительный) огонь, не давая ему стрелять прицельно. Под прикрытием этого огня бойцы нижнего «яруса» в свою очередь делают бросок от своих укрытий к укрытиям, за которыми до того укрывались стрелки верхнего «яруса».

Наступающие снизу вверх ищут цели самостоятельно. Огонь открывается по всем целям независимо от того, где вы их заметили – над собой или где-то сбоку. При этом поддержка всеми возможными огневыми средствами из колонны производится непрерывно снизу вверх через головы своих.

По достижении атакующими группами позиций противника производится наступательное гранатометание. Причем гранаты забрасываются выше позиций, чтобы вызванный взрывом камнепад накрыл конкретную позицию или же чтобы граната скатилась к противнику за его укрытие. По этим же причинам старайтесь забросить гранату вверх, чтобы не попасть под вызванный ею камнепад. Разумеется, надо учитывать и безопасность товарищей, находящихся рядом с вами.

Если есть возможность, следует забраться на смежную (находящуюся рядом) высотку, оказаться выше противника. В таком случае его легко можно подавить огнем снайпера и пулеметчика. В горах кто выше, тот и прав.

Если есть возможность, необходимо вызвать вертолеты огневой поддержки. Это наиболее действенное средство при бое в горах. Важно обозначить себя цветным дымом заранее обусловленного цвета, чтобы вертолетчики не ударили по своим. Обязательно обеспечьте вертолетам точное целеуказание. Это делается или трассирующими, или сигнальными ракетами. Для этой цели в колонне хорошо иметь обученных авианаводчиков и корректировщиков артиллерийской стрельбы.

Штурмовые перемещения снизу вверх желательно (если есть возможность) не проводить строго снизу вверх. Лучше продвигаться наискось, имея скат горы по левую сторону от себя. Так легче и результативнее стрелять с правого плеча снизу вверх налево. Ваши укрытия будут постоянно находиться слева от вас и будут эффективно вас защищать. Вам будет удобнее стрелять с правой руки (правого плеча).

Позиции засады атакуются со всех возможных направлений, иначе бездействующая колонна рано или поздно уничтожается полностью.

ПОДГОТОВКА К ОГНЕВОМУ ОТРАЖЕНИЮ НА МАРШЕ

Для того чтобы правильно организовать подготовку, необходимо ответить на два вопроса:

1) чему учить (то есть разобраться, что мы делаем неправильно);

2) кого учить и как (то есть какие виды занятий и тренировок организуются с командным звеном на подготовительном этапе и каким образом должен учиться личный состав).

Наши просчеты и недоработки, ведущие к неоправданным потерям:

– движение небольшими колоннами без прикрытия должным количеством бронетехники;

– перевозка личного состава в необорудованных, незащищенных и неукрепленных грузовиках, неправильное размещение бойцов в кузове, не позволяющее открывать мгновенный ответный огонь на поражение;

– тактическая безграмотность командиров, неспособность правильно оценивать обстановку и принимать верные тактические решения, незнание методов противодействия нападению;

– тактическая неподготовленность и физическая нетренированность личного состава, а именно: отсутствие понятия о необходимости правильного спешивания, оборонительного и наступательного развертывания из колонны, наступательного продвижения снизу вверх, незнание специфической баллистики стрельбы в горах, неумение стрелять снизу вверх;

– отсутствие связи в нужный момент. Противник прекрасно знает, что федералы на марше оставляют только танковые радиостанции Р-123 и Р-173. Переносные рации в колонне часто бывают выключены из-за помех, генерируемых системой зажигания карбюраторного двигателя. При нападении эти рации не успевают или забывают включать;

– отсутствие связи внутри колонны влечет за собой потерю управления, что вызывает панику и судорожные неорганизованные действия, чем и пользуется противник;

– непродуманность, необеспеченность и неподготовленность маршрута;

– непонимание личным составом реальной опасности и психологическая неготовность к огневому отражению нападения;

– слабое наблюдение за окружающей местностью при движении;

– отсутствие какой бы то ни было предварительной разведки потенциально опасных мест на маршруте и профилактической обработки этих мест;

– нарушение режима секретности, прямое предательство, слишком наглядная подготовка техники и личного состава к маршу (местное население подмечает все и передает неприятелю);

– отсутствие контроля за эфиром и пеленгации чужих средств связи;

– необязательность в исполнении, отсутствие дисциплины, халатность и самонадеянность.

Все это отсутствует у военных и присутствует у милиции. Поэтому на армейские колонны нападают значительно реже, чем на милицейские.

Конечно, перечень этот далеко не полный. Теперь попробуем ответить на второй вопрос.

Командирская учеба

Для успешного ведения боевых действий в горах комсоставу кроме знания топографии необходимо развитие пространственного воображения и чувства ориентации на местности. При штабных тренировках это достигается учебой на рельефных макетах из песка. Во время Второй мировой войны немцы в учебных центрах подготовки горных егерей не поленились изготовить рельефные макеты практически всей горной части Югославии, используя геодезическую практику и данные аэрофотосъемки. Исследуя готовый макет и тут же одновременно сопрягая его с картой, можно заранее научиться ориентироваться и на отдельных участках дороги, и на всем протяжении маршрута. На таких занятиях командир «читает» местность по аэрофотосъемкам и топографической карте, представляет ее абстрактно и только затем визуально сверяет представленное с рельефом макета.

На макетах заранее обозначаются возможные места засад противника, места постановки им огневых позиций и отдельных огневых точек, сектора обстрелов из таких точек и возможные укрытия на местности от таких обстрелов. Коллективно обсуждаются возможные варианты боевых событий в таких местах, решаются вводные и отрабатываются действия при возможных осложнениях обстановки. Обозначаются места для спешивания и прохождения пешим порядком, свои рубежи развертывания для обороны или атаки, ориентиры для авиации огневой поддержки и реперы для корректировки артиллерийского и минометного огня. Определяются зоны непрохождения УКВ-радиосвязи. Определяется порядок выдвижения в атаку снизу вверх, а также нанесения противнику ударов во фланг и в тыл.

Командир подразделения и на макете, и на тактических командирских групповых занятиях обязан научиться быстро определять по рельефу местности и по характеру растительности на ней возможность постановки противником засад, где и на каких «ярусах» возможно оборудование им огневых позиций, возможна ли в таких местах установка растяжек и прочих боевых «сюрпризов», можно ли в конкретном месте наступать снизу вверх или же необходимо перейти к глухой обороне, можно ли отбуксировать подбитый транспорт или же его проще столкнуть с дороги, можно ли под прикрытием дымовой завесы выйти из зон поражения, останавливаться ли за укрытиями или прорываться изо всех сил.

На макете отрабатываются тактический порядок построения колонны, организация огневого отражения, управление при изменении обстановки, порядок взаимодействия с другими подразделениями и родами войск.

Для управления огнем следует определить и утвердить необходимые команды, единые сигналы и ориентиры для себя, артиллерии и авиации. Очень полезны такие занятия совместно с авиаторами и артиллеристами.

По возможности тренировки на макетах командиры проводят затем с бойцами, объясняя им сущность боевой задачи и способы ее выполнения в конкретных опасных местах маршрута.

Подготовка личного состава к огневому отражению на марше

Прежде всего с личным составом проводятся занятия по оборудованию машины мешками с песком, отрабатываются практические нормативы спешивания и оборонительного развертывания, оборудования укрытий из мешков.

Затем проводятся занятия по ведению постоянного коллективного кругового наблюдения по ходу движения из кузова машины. Каждому бойцу определяется сектор наблюдения. Пулеметчику – наблюдать за верхними «ярусами» высот. Снайперу – наблюдать вперед. В качестве основных дозорных назначить снайпера, пулеметчика и разведчиков – у представителей этих воинских профессий повышен уровень тактической наблюдательности из-за постоянного привычного поиска цели. Необходимо научить удваивать бдительность при приближении к поворотам.

В тренировочном порядке личный состав в колонне обстреливается холостыми патронами из учебной засады. Этим проверяются наблюдательность личного состава и быстрота открытия ответного огня, а также реакция командира и правильность подачи им команд. Отрабатываются различные вводные: спешивание с постановкой укрытий; оборонительное развертывание с открытием огня; постановка дымовой завесы; выход из зоны поражения под прикрытием дымовой завесы; разминирование учебных мин на обочине; сталкивание «подбитой» машины с дороги или ее отбуксировка в безопасное место; открытие пулеметчиками прикрывающего огня; выдвижение бойцов, оказавшихся вне зоны поражения, для прикрывающего развертывания; вынос раненого из зоны поражения (для этого назначается стрелок-санитар).

Бойцы обязательно тренируются определять местонахождение стреляющей цели и дистанцию до нее. В горах со всех сторон эхо, поэтому определить по слуху место стрельбы очень трудно. Позиция цели определяется по дымку выстрела и по рикошетам пуль противника. Глазомерное определение дистанции в горах обманчиво. Бойцы должны знать, что на расстоянии до 600 м дистанции до целей будут казаться в горах на 1/8 короче реальных. Дистанции на ту же величину будут казаться короче, если смотреть с нижнего «яруса» на верхний, и будут казаться длиннее, если смотреть с верхнего «яруса» на нижний.

На тренировках отрабатываются групповое выполнение команды, а также индивидуальные действия каждого при различных вводных (изменениях обстановки).

Командир обязательно назнача-

ет себе заместителя и тренирует его в подаче команд при различных вводных. На случай выбытия комсостава личный состав должен быть натренирован до автоматизма действий.

Обязательно отрабатывается огневое наступательное взаимодействие групп: штурмовых – в верхнем «ярусе», поддерживающих – в нижнем, а также огневая взаимоподдержка «крест-накрест» двух групп, наступающих в гору параллельно. Отрабатывается огневое взаимодействие стрелков в группах.

Личный состав обязательно тренируется на штурмовые действия с наступательным продвижением вверх по склону при повышенных нагрузках в полной боевой экипировке. Без привычки пробежать в атаку рывками вверх по крутому склону метров 300 тяжело: вы будете задыхаться, сердце будет «выскакивать» из груди, внимание ослабеет, наступит физическая усталость, и вам будет не до рукопашной схватки, точной стрельбы и гранатометания. У вас все это просто не получится. Тем более бросать гранаты вверх по склону (а их придется бросать!). Вы этого никогда раньше не делали, а вашим противником будут местные жители, для которых все это не в диковинку, и к тому же они будут находиться на позициях отдохнувшими и полностью готовыми к бою. Кроме того, из-за утомления и потери внимания наступает вялость, снижение бдительности и осторожности, и существует реальная опасность оторваться от своих и элементарно потеряться в скальном лабиринте. Поэтому личный состав тренируется на ведение боевых действий в составе боевых троек (двое всегда вынесут одного раненого).

Обязательно проводятся тренировочные стрельбы. У стрелков, хорошо стреляющих на равнине, в горах меткость заметно падает. Это происходит не только по причине разреженного воздуха, но также из-за неровности горизонта и вынужденной стрельбы из неустойчивого положения. В первые 10–12 дней пребывания в горах пульс учащается на 10–20 ударов в минуту и частота дыхания – на 3–5 в минуту. Масса тела в первые дни занятий в горах заметно падает. Эта внутренняя перестройка мешает процессам прицельной стрельбы. К тому же при стрельбе сверху вниз и снизу вверх происходит спрямление траектории, и прицел надо понижать. На больших высотах прицел надо понижать дополнительно (все это описано в наставлениях по стрельбе из СВД, РПК и т.д.). Кроме того, при стрельбе снизу вверх необходимы особые стрелковые изготовки (стрельба стоя на коленях и т.д.).

Сколько нужно тренироваться? Ответ – пока не будет получаться. Действия должны быть натренированы до уровня коллективных рефлексов волчьей стаи, где каждый без команды вожака знает, что надо делать.

Такое специальное обучение личного состава обязательно. Нетренированный и необстрелянный в горах человек при нападении на него сверху впадает в растерянное состояние, делает бессмысленные движения, неосторожно поворачивает оружие по сторонам, что чревато подстрелом своих, а главное – впадает в ступор и становится не восприимчив к командам.

Прибывающие в районы боевых действий сотрудники МВД и военнослужащие Внутренних войск часто не имеют специальной выучки для боевых действий именно в горах, физически не натренированы, тактически и психологически не подготовлены к ведению специфических боевых действий. Поэтому на тактических занятиях личный состав необходимо приучать к мысли, что противник – везде. Жить и выполнять служебные обязанности придется в режиме постоянной опасности и надо быть готовым в рефлекторном режиме подавить огнем эту опасность.

Разумеется, в данной статье изложен далеко не полный материал. Многие ценные тактические приемы открываются в беседах с участниками конкретных событий, при допросах пленных и проведении напряженных тактических тренировок на местности.

Самый больной вопрос: как добиться выполнения вышеизложенного? Ответ: если не желаем неоправданных потерь, это придется делать.

Было бы естественным разработать временную или постоянную инструкцию «О порядке отражения вооруженного нападения на колонну» и объявить ее специальным приказом. Можно также рекомендовать дополнительные профилактические мероприятия:

1. Минировать участки местности, потенциально пригодные для постановки засад. Скрытно выставлять в этих местах в нужное время усиленные контрзасады.

2. При прохождении очень важной колонны скрытно выдвинуть подвижные группы захвата (пешком по горам) в места, которые могут использоваться для постановки засад; прочесать и блокировать эти места в одно и то же назначенное время. Эти позиции удерживать до прохождения колонны.

3. Для поиска средств радиосвязи, мин и оружия выставить блуждающие посты ВАИ (ГАИ), усиленные БТР. Эти посты должны скрытно прикрываться с обеих сторон дороги силами до взвода.

4. Выставлять ночные засады на дорогах с приборами ночного видения (против минирования).

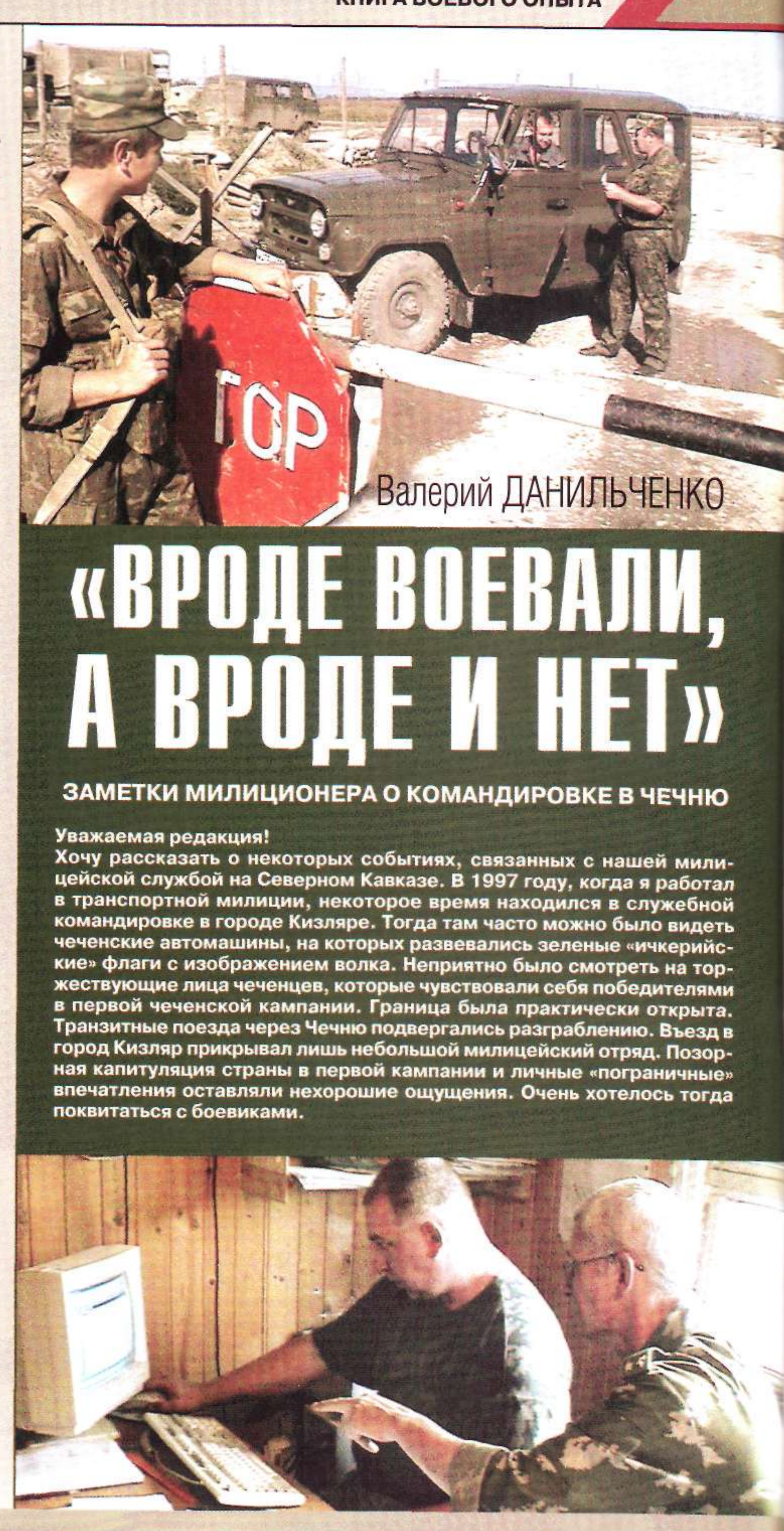
5. Желательно, чтобы колонну проводил по маршруту проводник, знающий опасные места и предупреждающий о них, и т.д.

Кроме всего прочего, нужны четкое взаимодействие различных ведомств и сработанность наземных сил и авиации – это больной вопрос даже внутри Минобороны. Практическое взаимодействие – это активная инициативная поддержка и взаимовыручка соседей и смежников, а не бросание их на произвол судьбы.

Сотрудников милиции надо приучить к мысли, что даже простой переезд с места на место по чужой территории – это марш, выполнение боевой задачи в напряженном режиме, а не скучная турпоездка.

Каждый сотрудник должен знать, что в критической ситуации немало зависит от него самого. Многие начинают в это верить, лишь выполнив задачу и оставшись в живых. Поверь сейчас! Не всегда можно уйти от опасности, но всегда можно уменьшить ее. И это надо уметь.

Валерий ДАНИЛЬЧЕНКО

«ВРОДЕ ВОЕВАЛИ, А ВРОДЕ И НЕТ»

ЗАМЕТКИ МИЛИЦИОНЕРА О КОМАНДИРОВКЕ В ЧЕЧНЮ

Уважаемая редакция!
Хочу рассказать о некоторых событиях, связанных с нашей милицейской службой на Северном Кавказе. В 1997 году, когда я работал в транспортной милиции, некоторое время находился в служебной командировке в городе Кизляре. Тогда там часто можно было видеть чеченские автомашины, на которых развевались зеленые «ичкерийские» флаги с изображением волка. Неприятно было смотреть на торжествующие лица чеченцев, которые чувствовали себя победителями в первой чеченской кампании. Граница была практически открыта. Транзитные поезда через Чечню подвергались разграблению. Въезд в город Кизляр прикрывал лишь небольшой милицейский отряд. Позорная капитуляция страны в первой кампании и личные «пограничные» впечатления оставляли нехорошие ощущения. Очень хотелось тогда поквитаться с боевиками.

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Такая возможность представилась только в 1999 году, когда я уже работал в территориальном отделе милиции г. Ростова-на-Дону. Началась вторая чеченская кампания. Осознав допущенные ошибки в первой кампании, когда борьба с преступностью была возложена на местных сотрудников милиции, руководство страны приняло решение о широком привлечении командированных милиционеров к участию в борьбе с незаконными вооруженными формированиями (НВФ) путем создания на территории Чечни временных отделов внутренних дел (ВОВД). Нашей области выпало создавать такой отдел в Наурском районе. Так получилось, что первые подобные отделы были созданы на территории Наурского и Шелковского районов командированными сотрудниками из Ростовской области и Краснодарского края. Здесь уместно отметить, что в первую кампанию за ГУВД Ростовской области был формально закреплен Веденский район. Несмотря на то, что тогда многие сотрудники рвались туда, направлены были лишь единицы, в основном в оперативное управление МВД в г. Грозном. Потом ситуация изменилась. После подачи рапорта я уже через несколько дней был направлен в учебный центр, где проходило формирование будущего ВОВД. За пять дней пребывания в центре мы практически не получили ничего полезного для предстоящей работы. Никто из преподавателей центра не имел боевого опыта. Из автоматического оружия мы стреляли только один раз. Никаких тактических учений по проведению спецопераций в домах, квартирах, тренировок по отражению нападений на колонны и т.п. тогда не проводилось, впрочем, не проводятся они и по сей день. Интересным было только общение с двумя приглашенными офицерами ОМОНа, которые участвовали в первой чеченской кампании. Подобные сборы оказываются полезными только потому, что позволяют отсеять хотя бы некоторое количество любителей горячительных напитков. В нашей группе было лишь несколько человек, которые имели боевой опыт. В командировку с нами направили также нескольких омоновцев, которые уже участвовали в боевых действиях на Северном Кавказе. Мотивацией большинства сотрудников, стремившихся быть откомандированными в Чечню, было стремление получить материальную выгоду. В то же время имелись милиционеры, которые руководствовались другими мотивами. Один из них на вопрос, почему он поехал в

Наур, просто ответил, что «хотел участвовать в огневых контактах». Многие тогда посмеялись над таким ответом.

Отряд находился на территории Наурского района с ноября 1999 года по март 2000 года. Следует отметить, что информационное обеспечение этой стадии кампании было на высоком уровне. Большинство СМИ, демонстрируя кадры зверств боевиков, взорванные дома, создали ясное понимание целей и смысла военной операции. Обстановка была благоприятной для нас. На каждом блокпосту нам дружески махали руками. Военнослужащие, следовавшие во встречных колоннах, также обязательно приветствовали друг друга. Осознание общности и важности стоявших перед нами задач помогало преодолевать ведомственные различия и преграды. Через два года от этого настроения не осталось и следа: находясь в Чечне, мы видели на постах только хмурые и недовольные лица, до дружеских приветствий дело уже не доходило. Все это объяснялось тем, что эйфория от первых успехов прошла, начиналась активная фаза «чеченизации» конфликта, и вообще, непонятно было, чем мы должны были заниматься.

По прибытии в станицу Наурскую отряд разместился в здании отдела внутренних дел. Встал вопрос об организации обороны. Наши руководители положились в решении этой задачи на омоновцев. Они предложили по периметру здания оборудовать из бетонных блоков и других подручных материалов огневые точки. Получилось как-то ненадежно. Нам со стороны иногда казалось, что сильный порыв ветра может обрушить эти конструкции. Окна были заложены мешками с землей и оборудованы бойницами. На этом подготовка к обороне была завершена. Через несколько месяцев, в связи с практически полным уничтожением боевиками здания Аргунского ВОВД, все отделы были подвергнуты министерской проверке на предмет готовности к обороне. По итогам проверки организации несения службы руководство нашего Наурского временного отдела внутренних дел было подвергнуто резкой критике. Систему обороны здания срочно изменили. Значительная территория вокруг отдела была огорожена проволокой. Первому досмотру посетители подвергались задолго до входа в здание. Были оборудованы заграждения против «таранной» атаки автомашин под управлением смертников. В отличие от нашего отдела районная комендатура представляла в то время настоящую крепость. По периметру были вырыты дзоты, которые соединялись со зданием ходами сообщения.

ПРОВОКАТОРЫ «ДРУЖЕСТВЕННОГО ОГНЯ»

Касаясь непосредственно боевых действий на территории района, следует отметить, что в ходе двух военных кампаний на территории Наурского района значительных боестолкновений не было. Это связано как с равнинным характером местности, так и с тем, что значительная часть местного населения не оказывала поддержку режиму сепаратистов. К моменту прибытия нашего отряда на территории района не было серьезных разрушений. Хотя боевики и готовили район к обороне, заставляя, в частности, русское население строить оборонительные сооружения в районе станицы Ищерской, серьезного противодействия наступающим армейским частям они оказать не смогли. Были отмечены только отдельные очаги сопротивления. Например, в районе железнодорожной станции Ищерская члены НВФ соорудили несколько огневых точек в станционных сооружениях и на водонапорной башне. Однако после того, как они обстреляли передовые армейские подразделения, станция была подвергнута авиационному удару, в результате чего она была практически полностью разрушена. В целом же бандиты старались как можно быстрее покинуть этот равнинный район, спасаясь от действий авиации. Во время совершения своего «драп-марша» они не гнушались использовать ворованный у местных жителей транспорт, вплоть до мотоциклов и велосипедов. После окончания активной фазы конфликта на территории Наурского района вооруженная активность бандподполья в целом была невелика. Как правило, боевики совершали короткие обстрелы блокпостов, комендатур, колонн и одиночных машин. При этом действовали или в одиночку, или мелкими группами, используя в основном легкое стрелковое оружие и подствольные гранатометы. При обстрелах комендатуры в станице Наурской было даже зафиксировано использование малокалиберной винтовки. В тот период имел место только один факт подрыва фугаса при прохождении колонны. Характерной чертой этих нападений было стремление боевиков, используя нашу ведомственную разобщенность, спровоцировать «дружественный огонь» среди различных федеральных подразделений. Так, например, в одну из ночей боевики обстреляли, выпустив несколько очередей, здание колонии в поселке Чернокозово, которое оборонялось подразделением спецназа ГУИН, со стороны, где находился блокпост отряда ОМОН. В ответ спецназ ГУИН более двух часов «поливал» расположение омоновцев пулеметным огнем с огневых точек на крыше господствующего над местностью здания колонии. Милиционеры не могли поднять голову из укрытия. Чудом обошлось без жертв, несколько человек были легко ранены. Со стороны же казалось, что там идет серьезный бой.

В районе моста через реку Терек снайпер боевиков также обстреливал поочередно огневые точки милиционеров на разных берегах. Однако на этот раз спровоцировать «дружественный огонь» не получилось. Можно рассказать и о ряде других, типичных для того времени, диверсионно-террористических актах в Наурском районе. Один из небольших обстрелов районной военной комендатуры попал даже в телевизионные новости. Прозвучало это как «нападение боевиков в станице Наурской на здания комендатуры и военкомата». В действительности же ничего примечательного не произошло. После того как вечером боевики произвели несколько выстрелов по обоим зданиям (в Наурской здания военкомата, комендатуры и РОВД располагались недалеко друг от друга), контрактники комендантской роты, охранявшие каждое из них, находясь, как утверждали очевидцы, в высокой степени алкогольного опьянения,

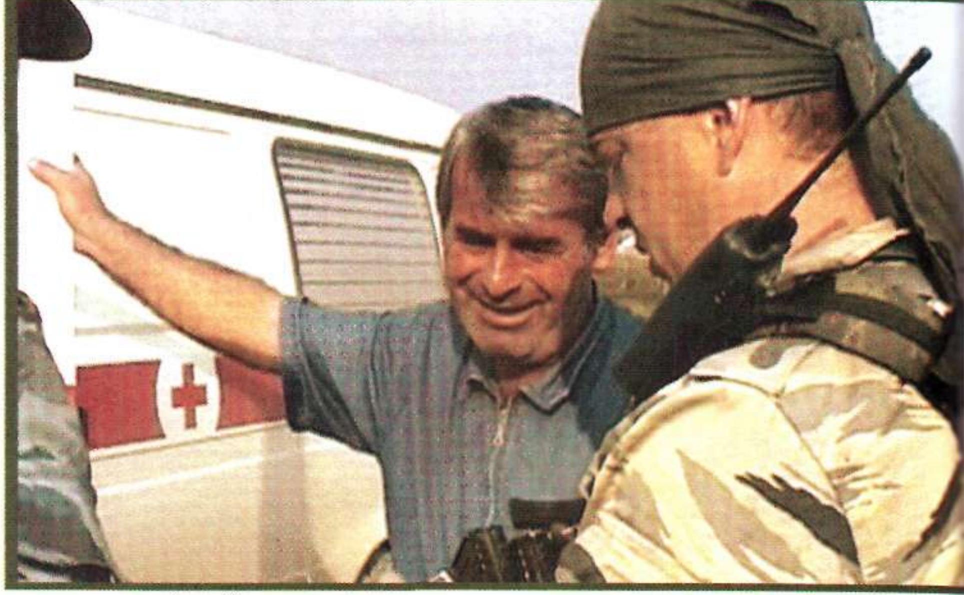
открыли сильный огонь в основном по зданию находившегося рядом универмага, используя пулеметы и гранатометы. Возможно, «военкомат» и «комендатура» соревновались, кто из них нанесет бо́льшие разрушения универмагу. Со стороны казалось, что там идет настоящий бой. Наш ВОВД подняли по тревоге. Тут и выяснилось, что отдел к нападению боевиков не готов. Часть сотрудников «рассыпалась» в цепь по периметру двора, ища укрытия, которых не было, как не было и ходов сообщения. Надо отметить в этой связи и один трагикомичный случай. Когда была объявлена тревога, начальник отдела выбежал во двор и выпустил длинную очередь в воздух из автомата. Часть милиционеров, находившихся в здании, решила, что в отдел ворвались боевики. Эти действия едва не спровоцировали «дружественный огонь». Позднее начальник объяснял свой поступок стремлением «ускорить выдвижение сотрудников по тревоге». Однако поговаривали, что в тот вечер он «близко общался с зеленым змием».

Один из боевиков, решив, что он снайпер, длительное время обстреливал из АКМ наш блокпост при въезде в станицу Наурскую. В том месте тогда располагалось подразделение Внутренних войск, а на посту несли службу смены наших милиционеров. Примерно на расстоянии нескольких сотен метров от поста пролегала лесополоса, которая подходила к крайним домам станицы. С этой посадки боевик вел наблюдение и огонь, оборудуя для себя «лежки» из веток. Огонь с такого значительного расстояния не мог быть эффективным. Хотя 1 января 2000 года было отмечено несколько попаданий в здание поста. Причем при обстрелах использовался прибор для бесшумной стрельбы: сотрудники, которые несли службу на посту ночью, понимали, что в них стреляют, только когда слышали свист пуль.

Очень любили местные члены НВФ обстреливать железнодорожные станции в станице Наурской и в поселке Чернокозово. Здесь они применяли в основном подствольные гранатометы. Бойцы транспортного ОМОНа активно им отвечали из своих гранатометов. Однажды омоновцы сожгли выстрелом огнемета «Шмель» недостроенную мечеть, из которой боевики вели огонь. С нашего блокпоста у въезда в станицу Наурскую часто можно было видеть зарево от вспышек этих взрывов. Позднее оказалось, что один из сотрудников Шалинского ОВД, с которым мы вместе служили, как раз в это время был в составе отряда ОМОН на станции Чернокозово. А другой милиционер, мой будущий сослуживец Сергей из Астрахани (отличный оперативник, он в 2004 году стал одним из руководителей Шалинского ОВД), в тот период времени попал под обстрел, когда в составе колонны следовал через станицу Мекенскую Наурского района. Интересно отметить, что в результате обстрела никто не пострадал, и только один сотрудник, который пытался укрыться за колесами машины, получил довольно тяжелую травму в результате наезда, когда машина начала движение.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ

Если говорить собственно о работе временного отдела внутренних дел, то она в целом оказалась не совсем такой, какой мы ее себе представляли. Одним из главных направлений нашей деятельности, чего точно никто не ожидал, была защита местного населения от...

незаконных действий со стороны военнослужащих армии и Внутренних войск. Стоя на блокпосту, противно было смотреть, как некоторые машины и бронетехника войсковых колонн, выводимых из Чечни, были загружены «военными трофеями» — мебелью, коврами и т.п. Среди военнослужащих-контрактников оказалось много лиц из числа ранее судимых, алкоголиков. Неужели в военкоматах нельзя было провести качественный отбор на действительно высокооплачиваемую для «немосковских» регионов работу? Чего они только не вытворяли. Были и пьяная стрельба, в том числе с применением бронетехники, и чистый грабеж населения, и много чего другого, о чем еще не пришло время писать... Нашими усилиями некоторое количество «конфискованной» мебели было возвращено владельцам. Конечно же имелись такие мерзавцы и среди милиционеров, но в целом с появлением ВОВД в станице Наурской был наведен относительный порядок.

УЧИМСЯ «ЗАЧИЩАТЬ»

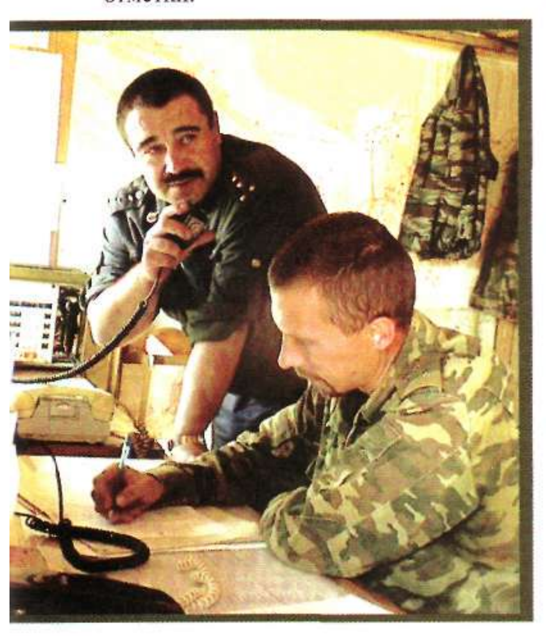
Активно работал отдел и в сфере борьбы с НВФ. Были серьезные задержания, изъято значительное количество оружия. Наурским ВОВД совместно с войсковыми подразделениями были проведены «зачистки» всех населенных пунктов района. Сравнивая их с теми, которые позднее проводились на территории Шалинского района, следует отметить, что «зачистки» в Наурском районе проходили с серьезными ошибками. Как правило, военные блокировали с помощью бронетехники въезд и выезд из села, при этом засады по периметру не организовывались, а милиция проводила осмотры и задержания внутри населенного пункта. В результате боевикам удавалось легко ускользать от преследования.

Вспоминается такой случай. В дневное время колонна нашего отдела возвращалась в станицу Наурскую после очередной, проводимой по указанной схеме, «зачистки». Недалеко от селения, где проводилась операция, колонна была обстреляна из узкой лесополосы, расположенной возле дороги. Несколько пуль попали в автобус с сотрудниками отдела, к счастью, никто не пострадал. Был открыт ответный огонь, но стрелявшие почти сразу же скрылись. Это было не сложно, так как за лесопосадкой находились виноградники, которые подходили к селу. Очевидно, что боевики выскользнули в начале спецоперации из этого

села, пользуясь отсутствием сплошного оцепления.

Трагичной оказалась «зачистка» станицы Мекенской. В данной спецоперации принимали участие и сотрудники ГУВД Ленинградской области. В ходе осмотра брошенного дома один из них приподнял с пола деревянную доску, и в этот момент сработал спусковой рычаг ручной гранаты РГД. Милиционеры среагировали, бросились из дома, но запас времени оказался слишком мал. Один из них получил легкое ранение, другой – смертельно ранен. После этого случая было задержано почти все мужское население «призывного» возраста станицы. Однако установить лиц, причастных к преступлению, не удалось.

В начале 2000 года, после массовых задержаний и последующих арестов среди местного населения, активность боевиков упала почти до нулевой отметки.

«БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ»

А рядом была совсем другая война. Запомнились радиопереговоры, которые мы слушали в течение часа, когда возвращались после очередной «зачистки». В радиоэфире командир подразделения ОМОН настойчиво вызывал вертолет с медиками, чтобы забрать тяжелораненых, которые получили ранения в результате обстрела из танков в селе Комсомольском. Но помощь все это время не появлялась.

Серьезного исследования еще ждет история успешного контрнаступления боевиков в январе 2000 года, когда НВФ, отвлекая федеральные силы от штурма Грозного, нанесли удары по Аргуну, Шали, Гудермесу. Трудно передать, какая неразбериха творилась у местных руководителей различных силовых ведомств. Им понадобилось значительное время на организацию взаимодействия. Целый день ушел на подготовку удара по боевикам, засевшим в здании элеватора в Аргуне. С грустью думалось о том, что могло произойти, если бы нам противостояла современная армия с авиацией и бронетехникой. Комендатуры и ВОВД в других районах постоянно подвергались нападениям в течение нескольких лет. Из чего их только тогда не обстреливали. Ачхой-Мартановский ВОВД – из СПГ, Шалинский – из миномета, установленного на «Газели». Сотрудники Ленинского ВОВД Грозного прозвали свое изрешеченное постоянными обстрелами здание «Брестской крепостью».

Среди милиционеров нашего отдела не было боевых потерь. Многих из нас по возвращении домой не покидали мысли о том, что мы «вроде воевали, а вроде и нет». Думается, что сотрудников из Ростовской области и Краснодарского края, хорошо знающих менталитет местного населения, постоянно соприкасающихся с этнической преступностью, различными группировками, в которые входили и казаки, и представители народностей Северного Кавказа, следовало бы использовать в горных районах. А не направлять туда людей из Перми, Иркутска, Алтая и т.п.

В целом оперативная работа спецслужб и милиции нанесла боевикам огромные потери, намного большие, чем авиация и артиллерия.

ГРЯЗНЫЕ, ХУДЫЕ, ВЕЧНО ГОЛОДНЫЕ…

Хотелось бы несколько слов сказать о практике использования в боевых действиях на Северном Кавказе армейских подразделений из солдат-срочников. Кто хоть раз видел «детей демократии» – 18-летних солдат-срочников в Чечне, никогда этого не забудет. Грязные, худые, вечно голодные (мы часто с ними делились продуктами). Некоторые, выглядевшие моложе своих лет, в бронежилетах, с пулеметами смотрелись просто нелепо, как дети, играющие в войну. Значительное количество потерь в воинских частях, укомплектованных большим процентом срочников, составляли «небоевые». Так, имели место многочисленные случаи гибели из-за неосторожного обращения с оружием (один случайно выстрелил своему соседу в голову, другой стоял на посту и умудрился прострелить себе ногу), в результате ДТП. А с другой стороны необстрелянным юношам противостояли в основном матерые мужики, имевшие значительный боевой опыт.

Нельзя было бросать молодых ребят на войну! Все можно было организовать по-другому. В этой связи вспоминаются события в Баку в 1990 году. Тогда сепаратисты практически полностью захватили город. Нападали на военных, захватывали оружие. Советское военное руководство отреагировало моментально. Для участия в операции по захвату Баку было привлечено значительное количество военнослужащих-резервистов. Оказалось среди них и много жителей Ростовской области. Практически за одни сутки удалось призвать запасников (рабочие завода «Ростсельмаш», моряки торгового флота и т.д.) из числа состоявших на особом учете, прежде всего воинов-«афганцев», десантников, спецназовцев, пограничников и т.п. Эти военнослужащие, имевшие ранее серьезную боевую подготовку, быстро и без больших потерь навели порядок. Советские генералы были намного умнее «демократических полководцев».

Так сложилось, что наш отряд находился в Наурском районе в то время, когда шли бои за Грозный. Ночью можно было видеть зарево, отчетливо слышалась канонада. Часто мы видели части, проходившие мимо нас на Грозный, состоявшие в основном из указанных выше «солдат». Мы думали: зачем же нас держать в Науре, а этих пацанов бросать в самое пекло? Неужели, зная о состоянии современной армии, нельзя было создать, используя резервистов, добровольцев из запасников и силовиков, несколько ударных частей хотя бы для действий в районе Грозного? Ведь был же прекрасный советский опыт.

НЕМНОГО О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Не так давно ознакомился с тематическим сборником НИИ прокуратуры, посвященным анализу передового опыта по борьбе с терроризмом. В сборнике в одной из статей описывалось расследование дела в отношении членов бандгруппы Хатуева, длительное время действовавшей на территории Шалинского района. В этой работе подчеркивалась только успешная работа следователей прокуратуры, которая, по мнению автора, и позволила изобличить бандитов в серии преступлений. При этом о действиях сотрудников милиции в статье не было сказано ни слова. Для понимания сути происходящего необходимо отметить, что сотрудники органов прокуратуры Чечни получают по сравнению с другими силовиками самое высокое денежное содержание. Напри-

мер, если в 2003 году рядовой сапер-контрактник без начисления боевых мог рассчитывать на получение в месяц до 15 тысяч рублей, офицер постоянного РОВД – до 25 тысяч, то средняя зарплата прокурорских работников составляла на тот период 60–70 тысяч. Выпуск же подобных сборников, где подчеркивается прежде всего передовая роль органов прокуратуры в организации борьбы с бандформированиями, должен, вероятно, по мнению авторов, в том числе обосновать и повышенные расходы на содержание этой организации. Однако на примере работы сотрудников Шалинского РОВД по установлению и задержанию бандитов Хатуева можно показать, кому действительно должны быть посвящены в первую очередь такие сборники. Эта банда действовала на территории Шалинского района с 1999 года. Состояла из активных членов НВФ. После уничтожения в городе Шали одного из лидеров местного бандподполья Сапиева главарь этой банды Хатуев стал именовать себя «эмиром» Шали. Бандиты учиняли зверские расправы над местными чеченцами, которые сотрудничали с федеральной властью. В мае 2003 года они пытались убить кадия Шалинского района за критику религиозных идей экстремистов. Ночью бандиты собирались ворваться в его дом, однако во дворе их встретил один из охранников, которого они убили, выпустив несколько пуль в голову. Некоторых местных жителей они убивали зверским способом, отчленяя жертвам головы. Пик активности этой бандгруппы пришелся на 2002–2003 годы. Благодаря сотрудникам уголовного розыска Шалинского РОВД, прежде всего Хусейну Хахаеву, оперативным путем удалось установить поименный состав этой банды. Главная проблема заключалась в обнаружении их местонахождения и задержании. Трудно описать все действия сотрудников РОВД, направленные на решение этой задачи. В частности, в результате проводимых в Шали и прилегающих населенных пунктах спецопераций мы отрабатывали десятки их связей, проверяли дома, постройки, где они могли скрываться, проводили задержания возможных их пособников. При этом подобные операции проводились в районах активных действий членов НВФ. Наконец, в августе 2003 года благодаря Х. Хахаеву удалось установить пособницу Хатуева, которая согласилась указать место, где он скрывался. Его убежище на тот период находилось в кукурузном поле на окраине Шали. С помощью сотрудников временного отдела мы окружили это поле. Однако плотного оцепления не получилось. Х. Хахаев в гражданской одежде выдвинулся с этой женщиной к «лежке», где скрывался Хатуев. Последний же своим звериным чутьем почувствовал неладное и прямо перед ними выбежал с оружием в руках из укрытия, и перебежав дорогу, скрылся в соседнем кукурузном поле. Х. Хахаев, увидев Хатуева, выхватил пистолет и, как нас учили, сделал несколько предупредительных выстрелов вверх. На

эти выстрелы бандит внимания не обратил. Мы стали преследовать Хатуева, обстреливая поле. Однако время было упущено, и он сумел скрыться. Вызвали кинолога с собакой, но и она вскоре потеряла след.

Оценивая со стороны нашу работу, надо понимать, что мы были не спецназовцами. Проведению подобных операций по задержанию боевиков в домах, квартирах сотрудников милиции, кроме бойцов спецназа, никто никогда не учил. Учитывая характер местности при проведении этой операции, необходимо было по-другому организовать оцепление. Хахаева должна была непосредственно прикрывать группа сотрудников, а не находиться на значительном расстоянии. При задержании нужно было сразу применить собаку. Используя же оружие, наши сотрудники прежде всего думали о соблюдении требований закона.

После этого провала снова отрабатывались возможные связи Хатуева, прочесывалась прилегающая к дворам его родственников местность. Однако тогда задержать бандитов не получилось. Только в конце 2003 года удалось взять Хатуева и других членов его банды. В состав группы, которая осуществляла задержание главаря, входили в основном местные сотрудники уголовного розыска. Операция прошла успешно, Хатуева удалось захватить ночью в одном из домов спящим в постели. Далее Х. Хахаев и его коллеги смогли склонить к сотрудничеству со следствием этих бандитов. Так как они совершали свои преступления в масках, в ночное время, не оставляя в живых очевидцев, только их первоначальные признательные показания позволили затем судьям вынести обвинительный приговор. Следователям республиканской прокуратуры Чечни оставалось только провести ряд следственных мероприятий (под охраной опять же сотрудников РОВД) по закреплению результатов действий оперативников. Задержание членов этой бандгруппы стало одной из самых успешных операций сотрудников Шалинского РОВД. Сыгравший главную роль в этом деле Х. Хахаев был назначен начальником отдела уголовного розыска. Однако долго работать в новой должности ему было не суждено. В 2004 году он был расстрелян боевиками из засады. О своем преступлении бандиты сообщили и в сети Интернет. Хусейн был настоящим боевым офицером, каких было совсем немного среди местных сотрудников. Маленького роста, юркий и очень смелый, при проведении спецопераций он всегда шел впереди, действуя первым номером в группе захвата. Весной 2003 года мы совместно с Хусейном участвовали в операции в селе Чири-Юрт по задержанию лиц, причастных к деятельности НВФ, проводившейся на основе информации местного участкового. Одного из бандитов мы брали ночью в многоквартирном жилом доме. Участковые на лестничной клетке «любезно» пропустили нас с Хусейном вперед к входной двери. В моей памяти навсегда остался этот момент, когда мы с ним перед задержанием стояли по краям входной двери, оба в «камуфляже», масках, «набитых» разгрузках, с автоматами и с белыми повязками на левой руке. (Для нас была характерна извинительная слабость. Мы старались немножко походить на серьезный спецназ. Хотя, конечно, до таких бойцов нам было очень далеко). Дело было сделано.

Все это я рассказываю потому, что должна все-таки быть справедливость. И стыдно должно быть тем, кто без зазрения совести приписывает себе чужие подвиги. Да и вообще непонятна ситуация, когда ратный труд людей (военных, милиционеров, прокурорских работников), в одно и то же время находящихся в одних и тех же условиях, оценивается совершенно по-разному, в том числе и в денежном выражении.

Николай ПАЛЬЧИКОВ

ЛУЧШИЙ АС КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ

РАЗГОВОР с Героем Советского Союза полковником в отставке Е.Г. Пепеляевым состоялся в канун Дня Победы. Летчик-ветеран только вернулся из госпиталя имени Вишневского, где ему в очередной раз сделали операцию по замене кардиостимулятора. Дает о себе знать не только возраст (18 марта Евгений Георгиевич перешагнул 90-летний рубеж), но и надорванное годами полетов на первых реактивных МиГах сердце. Он один из первооткрывателей реактивной эры в нашей боевой авиации, которая началась со второй половины 1940-х годов. Память об этом – орден Красной Звезды за участие в воздушном параде над Москвой на освоенной новой технике в мае 1947-го. А летали ведь они тогда без ВКК и ППК (высотно-компенсирующие и противоперегрузочные костюмы). Так что все резкие ускорения и перегрузки воздушного боя на скорости до 1.100 км в час и полеты на высоте до 13 км с одной лишь кислородной маской воспринимались всем организмом напрямую. В войне же с реальным противником эти перегрузки были практически нормой...

Слава Богу, корни у Пепеляева крепкие – он коренной сибиряк, да еще и казацких кровей. Суровую закалку получил с детства – под стать героям Угрюм-реки и Клондайка, золотоискателям Джека Лондона. Впрочем, он и родился на берегу Вилюя, в Бодайбо, этой одноэтажной «столице» золотых приисков Иркутского региона, со своими «Парижем» и «Лондоном» – бараками, в которых жили его родители и их соседи. С детства отец пристрастил его к охоте и рыбалке, трудным переходам и ночевкам в тайге. Научил распознавать зверя по повадкам и опережать его, терпению и настойчивости в поиске, выдержке, быстрой реакции, меткой стрельбе.

В годы службы на Дальнем Востоке после Одесского летного училища, которое он окончил в 1938-м, в общем, голодные годы, Пепеляев нередко охотничьими трофеями поддерживал технический состав и их семьи: летчиков как-никак кормили лучше. С 70 метров пулей из винтовки попадал в шею гуся, а однажды на И-16 выгнал из леса медведя-шатуна к краю аэродрома и там сразил его короткой очередью из пулемета. Порой товарищи по охоте специально шумом отпугивали зверя, чтобы меньше дичи было нести домой: договаривались, что добычу попавшего несут другие. А

перестрелять Пепеляева не удавалось никому.

Он и в училище много практиковался в стрельбе, но уже из самолетного вооружения, на простеньком тренажере. Потом удивлял товарищей умению с первых очередей зажигать лампочки на экране, то есть сбивать противника, пусть пока и условного.

Все это пригодилось ему и в учебных воздушных боях, и при обучении подчиненных, и конечно же на войне в Корее, где охота в воздухе шла на равных.

Выпускники Одесского летного училища. 1938 г. Второй слева – младший лейтенант Е. Пепеляев

А до этого, в марте 1940-го, ему пришлось сойтись в воздушном поединке с будущим дважды Героем Советского Союза (за 22 сбитых лично и 2 в группе самолета немцев) и будущим маршалом авиации, тогда еще капитаном, заместителем командира полка Е.Я. Савицким. Тот сам выбрал соперника – младшего лейтенанта, чьих синих пуль оказалось больше всего в конусе-мишени (у каждого летчика пули были определенного цвета, чтобы различать пробоины при подсчете). Правда, младший лейтенант немного схитрил: попросил техника залить в его самолет только 150 литров бензина, на 30 минут полета, чтобы машина была полегче. Но фора эта была весьма сомнительна по сравнению с опытом замкомполка...

Однако после взлета, набора высоты и двух разворотов истребитель младшего лейтенанта Пепеляева оказался выше и в хвосте у самолета капитана. Видя, что бой будет проигран, недовольный замкомполка тут же взял курс на аэродром второй эскадрильи... После этого поединка он словно перестал видеть Пепеляева.

А тут, как на грех, с этим же младшим лейтенантом произошел случай, который мог обернуться для Савицкого крупными неприятностями. Летом 1940-го замкомандира снова прилетел в 1-ю эскадрилью и устроил летчикам прыжки с парашютом. Надо сказать, что это дело истребители не очень-то любят. Хотя бы потому, что парашют для них подсознательно означает проигрыш в бою и потерю самолета. У Пепеляева, прыгнувшего с 400 метров, купол перехлестнуло стропой. От гибели спасла счастливая случайность – купол все же частично наполнился воздухом, грунт был мягким, вес летчика небольшим. Но приземление было очень стремительным и жестким. Замкомполка от греха подальше тут же улетел и уже с базового аэродрома по телефону осведомился о самочувствии младшего лейтенанта. Серьезная травма у летчика или что похуже могли стоить Савицкому, организовавшему внеплановые прыжки, очень дорого.

Судьба сведет их снова в Корее. Командующий авиацией ПВО страны генерал Савицкий прилетит инспектировать полки 64-го авиакорпуса ПВО, в который оперативно вошла 324-я истребительная авиадивизия (иад) ВВС и ее 196-й истребительный авиаполк (иап) под командованием полковника Пепеляева. Но важные для военной судьбы полковника решения генерал (а потом и маршал авиации) будет принимать в Москве, в Главном штабе ПВО страны.

В КОМАНДИРОВКУ НА ЭТУ ВОЙНУ Пепеляев попал «добровольно-принудительно». Добровольно, потому что сам искренне хотел повоевать. Повоевать за погибшего в бою над озером Ильмень старшего брата летчика Костю, по примеру которого и сам пошел в авиацию, во всем равнялся на него. Просто считал, что офицер, летчик-истребитель, в общем-то и готовится для боя. Всю войну, как ни рвался на фронт, служил на Дальнем Востоке. Только раз на пару месяцев летчика-инспектора дивизии Пепеляева откомандировали в 1-ю воздушную армию – получить боевой опыт для дальнейшего обучения летного состава. Но на 2-м Белорусском фронте в ноябре – декабре 1943-го было затишье, 10 вылетов на разведку прошли без воздушных боев. Так и вернулся, не повоевав, хотя и рапорт его в дивизии приняли, и даже проект приказа о его назначении комэском был составлен. Видно, сама судьба готовила его для других испытаний.

В августе–сентябре 1945-го, уже заместителем командира 300-го иап, Пепеляев выполнил еще около двадцати вылетов на разведку и прикрытие войск Дальневосточного фронта. Это тоже, полагал он, маловато для боевого истребителя...

Первое наступление северной коалиции (июль – август 1950 г.)

После войны, в 1947-м, он окончил годичные высшие летно-тактические курсы для командиров авиачастей

ВВС и получил назначение на должность замкомандира 196-го иап, базировавшегося рядом с подмосковным Чеховым. Из Липецка он увез с собой молодую жену Майю, с которой познакомился еще во время учебы в Одессе: ее отец был инженером их летного училища и жили они по соседству с семьей его брата. С тех пор вот уже 61 год они идут по жизни вместе, и Евгений Георгиевич считает супругу своей высшей наградой. И если сам Пепеляев рассказывает о себе сдержанно и четко, только по сути, без лишних слов, словно продолжает вести радиообмен, управляя полком, то благодаря Майе Константиновне его рассказ оживает и дополняется существенными деталями. В частности, это касается вопроса о «принудительной» поездке на войну: таким было личное решение командующего ВВС Московского округа генерал-лейтенанта авиации В.И. Сталина.

– В командировку в Корею их полк сам Василий Сталин провожал. Он вообще-то жесткий был командующий, к нерадивым даже очень жесткий, но не злой и справедливый, летчиков любил. Это мы все знали.

В этой связи нельзя не вспомнить весьма примечательный эпизод из служебной биографии Е.Г. Пепеляева. В октябре 1950-го, оставаясь за командира 32-го гвардейского иап и руководя ночными полетами, он вылетел на разведку погоды. Убедившись, что на аэродром надвигается с Москвы-реки туман, приказал всем идти на посадку и сам начал заходить на полосу. Уже выпустил шасси, убедился, что «зеленые» на приборной доске горят – шасси выпущены, по инструкции перевел кран в нейтральное положение и... произвел посадку на бетонку с убранными «ногами». Самолет сгорел. Пепеляев, по счастью, остался жив.

В инструкцию по эксплуатации МиГ-15 вскоре после этого внесли соответствующее изменение: кран в нейтральное не ставить, на шасси поставить лампочки, чтобы с земли контролировать их выпуск. Но в соответствии с суровым постановлением ЦК и правительства о борьбе с аварийностью в ВВС от 1948 г. Пепеляев был строго наказан. А Василий Сталин еще и наложил на него начет: по 30 процентов вычетов из месячного содержания в течение полугода – «на строительство нового самолета»!

Правда, это «строительство» сам же командующий вскоре отменил: уже в середине октября началась срочная подготовка 324-й авиадивизии для отправки в Корею. Генерал-лейтенант В.И. Сталин с Пепеляева взыскание и начет снял и, ценя его как летчика и командира, назначил командиром 196-го авиаполка, поручив самому подобрать летчиков-добровольцев – на войну...

Братья Евгений и Константин Пепеляевы с мамой и сестрой. 1938 г.

Контрнаступление войск южной коалиции (сентябрь – ноябрь 1950 г.)

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

После освобождения советскими войсками от японцев и в соответствии с решениями Потсдамской конференции 1945 г. Корея была разделена 38-й параллелью на две временные зоны – для приема военнопленных. Предполагалось в будущем создать единое демократическое государство. Однако вместо этого в мае 1948-го в южной (фактически американской) зоне, администрацией которой руководил Ли Сын Ман, в результате сепаратистских выборов он был «избран» президентом. «Северяне», в свою очередь, в сентябре провели всекорейские выборы и главу своей временной администрации Ким Ир Сена избрали премьер-министром. Оба лидера претендовали на объединение страны под своим началом. Противостояние сторон постоянно нарастало и 25 июня 1950 г. разразилось «июньским инцидентом», как называли его в Южной Корее, или «великой освободительной войной» – в Северной.

Этот «инцидент» унес почти четыре миллиона жизней! Он мог перерасти в мировую атомную войну: на ядерных ударах по Северной Корее настаивал генерал Макартур, командующий объединенными военными силами «южан». Но Макартур запаниковал, когда к августу 1950-го южнокорейские дивизии вместе с американскими и английскими были выбиты с 9/10 территории Кореи силами Корейской народной армии (КНА), – помощь Китая и СССР пришла только в конце октября!

Для спасения ситуации американцам пришлось привлечь 300 кораблей своего 7-го флота, перебросить дополнительно из Японии 14 дивизий, 2 бригады, 500 танков, 1.600 орудий и минометов 8-й армии, десантировать в тыл наступающим дивизиям КНА в Инчхон свой 10-й армейский корпус, привлечь другие силы для организации контрудара.

А перед этим мир вплотную прибли-

зился к ядерной войне: Макартур потребовал у президента Трумэна применить атомное оружие.

Эти атомные бомбы должны были доставить, как на Хиросиму и Нагасаки, В-29 «Суперфортресс» – «суперкрепости», тяжелые бомбардировщики, применявшиеся против Северной Кореи.

Авиация США и Великобритании (1.800, а затем и 2.124 самолета) была главной силой против Северной Кореи. Только с июля 1950-го по 1 января 1952 года на КНДР было сброшено более 150 тысяч тонн авиабомб и 50 млн. литров напалма – по 2,5 литра горючей смеси на человека... Авиация южной стороны вплоть до появления наших истребителей хозяйничала в небе Северной Кореи – проводила массированные ковровые бомбардировки, преимущественно зажигательными бомбами, всей территории страны, включая мирные поселения. Было разрушено более 80 процентов промышленной и транспортной инфраструктуры, три четверти правительственных учреждений, около половины всего жилищного фонда. До самого конца войны американцы не бомбили только электростанции: надеялись использовать их после победы над КНДР. В мае и июне 1953 года, когда стал ясен исход войны, ВВС США стремились уничтожить ключевые ирригационные сооружения и плотины ГЭС, для того чтобы нанести существенный урон сельскому хозяйству и промышленности на севере полуострова. Так, были разрушены плотины на реках Кусонган, Токсанган и Пуджонган, и огромные пространства земли были затоплены, что вызвало голод среди мирного населения.

Зимнее наступление северной коалиции (ноябрь 1950 г. – январь 1951 г.)

ПО ОФИЦИАЛЬНОЙ ВЕРСИИ, наши пилоты только переучивали корейских летчиков на поставляемые Советским Союзом МиГ-15. На заседании в ООН представитель СССР А.Я. Вышинский так и заявил: в Корее воюют не советские летчики, а китайские граждане русского происхождения, из Харбина. Вроде как потомки белогвардейцев и эмигрантов. Нашим офицерам это было очень обидно: если погибнешь, так сообщат родным, что погиб не в бою, а «в командировке», да еще и отпрыском непонятно кого...

Е. Пепеляев. Северная Корея. 1951 г.

– Мы прибыли в Китай в конце ноября – начале декабря 1950 года, было довольно холодно и много снега, – вспоминает Евгений Георгиевич. – Нас переодели в суконные шинели и куртки горчичного цвета, кожаные шапки-ушанки с козырьком, тоже светло-коричневые, в синие хлопчатобумажные штаны, и летчикам выдали хромовые сапоги – красные!

Эти сапоги во время прыжков с парашютом сразу слетали с ног. Поэтому летчики быстро поменялись сапогами с модниками из технических служб – на солдатские меховые высокие ботинки со шнуровкой, грубые, но теплые и надежные.

Китайская форма, впрочем, не служила спасением от кулаков северокорейских и китайских солдат и местных жителей, когда наш подбитый в бою летчик, на парашюте, оказывался в их расположении. Мало ли какая форма, зато глаза круглые, как у янки, – вот и получай в этот глаз!

Коллеги по 324-й иад из 176-го гвардейского иап быстро усвоили эти уроки и накупили здоровенные значки с портретом Мао Цзэдуна, которые прикрепили как опознавательные знаки на шинели и кители. Правда, и после этого они не стали походить на китайцев.

А летчики из 196-го предпочитали летать в своих куртках, а «гражданку» и прочее необходимое для работы и обихода приобретали в частных магазинчиках и мастерских по пошиву, которыми вмиг оброс китайский аэродром Дунфын, в 60 км от северокорейской границы.

– Еще не прибыли контейнеры с фюзеляжами наших МиГ-15, а американцы уже разбросали над китайскими приграничными аэродромами листовки с призывами перегнать к ним новый реактивный русский истребитель за премию в 100 тысяч долларов.

В 1953 году это и сделал северокорейский лейтенант Ким Сок Но. Всю войну за МиГ-15 шла охота. Как и наши летчики охотились за появившимся в Корее «Сейбром» – F-86. Из Москвы прибыла даже специальная группа «охотников» во главе с генерал-лейтенантом авиации А. Благовещенским. Им требовалось получить образцы радиолокационного и пилотажно-навигационного оборудования, систем жизнеобеспечения летчика (ВКК и ППК), других новаций американских конструкторов. А тех, в свою очередь, интересовал простой и надежный, живучий и мощный советский «самолет-солдат». Московские «охотники» через пару месяцев уехали ни с чем. Удалось подбить и посадить «Сейбр» на северокорейской территории только полковнику Пепеляеву. Но об этом чуть позже.

...Уже через месяц после начала войны, спасаясь от непрестанных американских ударов с воздуха, не только войска, но и жители Северной Кореи стали рыть окопы, траншеи, убежища и целые подземные галереи (как тогда говорили, «от моря и до моря») для укрытия, доставки продуктов, медикаментов, боеприпасов и эвакуации раненых.

Этими галереями и тоннелями была изрыта почти вся Северная Корея. По ним и доставили в октябре 1951 года, обрезав крылья, «Сейбр», который удалось подбить полковнику Пепеляеву.

Нашей истребительной авиации ставилась одна задача: не допускать бомбардировок охраняемых объектов в расположении войск «северян». Оборона! Вытеснять самолеты противника из охраняемого воздушного пространства!

– Для нас, истребителей ВВС, психологически это была нехорошая установка. Одно дело – идти в бой, чтобы атаковать, завоевывать господство в воздухе, наступать! Этому мы учились. И совсем другое – только обороняться, причем «от сих до сих».

С психологией своих летчиков Пепеляеву пришлось немало и серьезно заниматься. Уже после первого боя в соседнем полку, да и у него выявились «заболевшие ностальгией по родине». Среди них оказались даже те, кто воевал и имел сбитые самолеты еще во время Великой Отечественной. Но тут, в Корее, выяснилось, что пятилетний перерыв на мирную боевую учебу отразился на них отрицательно: снова идти в бой, рискуя жизнью, некоторым ветеранам было гораздо труднее, чем молодым, не нюхавшим пороху пилотам.

Пепеляев никого не неволил. Даже сам говорил своим летчикам, что воюют не за Родину, но воевать должны честно, с полной отдачей, и чтобы с победой все вернулись живыми, это главное.

Однажды Пепеляев подвернул ногу на ступеньках столовой. Лодыжка распухла и здорово болела. Однако полковник на следующий день, туго перебинтовав ногу, с помощью техника залез в кабину и вылетел с группой на боевое задание. Полк смотрел на командира и... «не болел».

Он очень тщательно готовил свой полк на тыловом китайском аэродроме к предстоящим боевым действиям.

Для самоутверждения летчиков он даже отступал от установленных правил. Если в Союзе, к примеру, облет самолетов после сборки, ремонта или «на валежку» считался делом опытных летчиков-командиров, то здесь он доверил каждому летчику его самолет.

Полет «на валежку» – это когда машину разгоняют до ее критической скорости. Каждый самолет имеет свои, хоть и небольшие, отличия и особенности. И летчик должен их знать и уметь либо не разгонять до срыва самолета в «валежку», либо уметь спокойно вывести из нее.

При проведении учебных воздушных боев – одиночных и парой – Пепеляев разрешал свободу маневра и выбора тактических приемов каждому летчику, каждому ведущему. Единственный предел – по высотам и скоростям в соответствии с инструкцией по эксплуатации и технике пилотирования МиГ-15. Эти пределы жизнью испытателей установлены.

Он учил их также пилотировать самолет на всех высотах и особенно в воздушном бою, не глядя на приборы. С арматурой кабины требовал работать «наизусть», чтобы и ночью, и при задымленности, в других особых условиях летчик мог уверенно пилотировать машину «с закрытыми глазами».

Учил меньше говорить в воздухе, не давать волю эмоциям: при сборе группы и поиске противника – полное молчание, в эфир выходит только ведущий, исключение – сообщение о противнике или особый случай в полете. Команды подаются ведущим четкие и короткие, только при необходимости, без лишних и тем более непонятных слов. Частица «не» исключается: вместо «не разрешаю» – «запрещаю», вместо «не понял» – «повторите» и т.п. И вообще, болтуны не только засоряют эфир и мешают вести бой, они могут «забить» просьбу о помощи своего товарища, указание о появлении противника. Короче говоря, он и на земле чересчур говорливых приструнивал: отвыкайте!

Пепеляев произвел расчеты стрельбы по американским самолетам при ракурсе, близком к 1/4, и дальностях от 150 до 600 метров, изобразил их положение в сетке прицела АСП-3Н. Размноженные в штабе «картинки снайпера» висели всюду, где работали и отдыхали летчики его полка. И это тоже сказывалось на их выучке.

За три месяца напряженной подготовки он обучал летчиков правильно и разумно маневрировать, находить свое место при ведении группового маневра и боя, не терять пространственной ориентировки, грамотно вести стрельбу по наземным и воздушным целям и свободный воздушный бой – одиночный и групповой. Результаты оправдали его старания.

НА БОЕВОЙ АЭРОДРОМ Андун, приграничный с Северной Кореей, 30 самолетов МиГ-15 полка перебазировались 1 апреля 1951 года. Вместе с ними перелетел и 176-й гвардейский иап. И уже через пару часов с аэродрома спешно убыли десять оставшихся экипажей 151-й авиадивизии, которую сменила их 324-я иад. Передача боевого опыта не состоялась.

Уже на следующий день над аэродромом появилось до тридцати F-86. На перехват были подняты по две эскадрильи из обоих полков. Прямо над Андуном завязался групповой воздушный бой на высотах от 1.000 до 8.000 метров. То, что говорили нашим летчикам на тыловом аэродроме до этого, на деле оказалось отличным от реальности. Так, их уверяли, что американцы вступают в бой только при большом численном превосходстве, бой ведут вяло, без тактического преимущества в бой не вступают, стремятся атаковать из-за облаков, со стороны солнца. А тут все видели: американцы дрались умело и напористо. И в 176-м в тот день был сбит один МиГ-15.

Летчики 196-го иап после вылета. Снимок любительский, сделан в обход особого отдела

Настоящий разгром американцам 324-я иад устроила 12 апреля 1951-го, день, названный в ВВС США «черным четвергом». Налет на Северную Корею совершили 48 «суперкрепостей» под прикрытием до 100 истребителей, в том числе 50 «Сейбров». Было сбито 10 B-29 и несколько истребителей. После этого энергичного отпора янки на аэродром Андун не прилетали. И вообще до августа прекратились массированные налеты «суперкрепостей» – американцы анализировали причины поражения. Возможно, именно тогда и был поставлен в Пентагоне крест на применении ядерной бомбы.

Почему летчики предыдущей смены занижали оценку американских пилотов? Возможны разные причины. Главная, видимо, в том, что их

шестимесячная командировка и полеты пришлись на начальный период войны, когда противник тоже действовал недостаточно слаженно и организованно. И «Сейбры» только начали поступать в Корею, не раскрыв всех своих возможностей.

Кстати говоря, ни Пепеляев, ни другие авторитетные ветераны корейской войны не отдают «Сейбру» предпочтения. Да, на нем было гораздо лучше электронное оборудование. Но потом и на МиГ-15 поставили приборы радиолокационного предупреждения. Да, их пилоты летали комфортнее, легче переносили перегрузки благодаря специальным костюмам и системе жизнеобеспечения. И крыло у «Сейбра» было с лучшей механикой, оборудовано подвижным предкрылком, поэтому он лучше скользил. А у МиГ-15 для лучшей поперечной устойчивости на малых и особенно на больших скоростях на плоскостях стояли «ножи», правда, притормаживающие машину при скольжении и снижающие маневренность. Да, при критической скорости 0,92 М у МиГа начиналась «валежка». А у «Сейбра» при 0,95 М начиналась тряска, так что разница невелика. Зато МиГ-15 был лучше вооружен, мог забраться на километр выше «Сейбра», был надежен и прост, за что и окрещен «солдатом». Короче говоря, по техническим характеристикам оба самолета были примерно равны. Так что в бою победа доставалась более сильному и умелому воздушному бойцу.

Лучший из американских асов корейской войны Джозеф Макконнелл одержал 16 побед. Его, как и Джеймса Джабара, называли среди своих «тройным асом»: асом американские летчики называли сбившего пять самолетов противника. Макконнелл был удостоен второй по значимости в США военной награды «За выдающуюся службу». Он погиб в августе 1954-го, через год после окончания войны, испытывая новый F-86H. А Джабара, если судить по бортовому номеру его «Сейбра», рядом с которым он был сфотографирован для журнала, сбил Пепеляев!

Полковник Е.Г. Пепеляев сбил, как было записано в штабе дивизии и утверждено в штабе корпуса, 19 американских самолетов: F-80 «Шутинг Стар», 2 F-84G «Тандерджет», 2 F-94 «Старфайр» и 14 F-86 «Сейбр». Однако в Подольском архиве нашлись документы с подтверждением на еще четыре сбитых им самолета. К тому же от его однополчан известно, что два своих сбитых он приказал записать на счет своего погибшего ведомого старшего лейтенанта А. Рыжкова.

Полковник Е. Пепеляев

Такая традиция шла еще с Великой Отечественной, когда асы передавали на счет ведомых часть сбитых самолетов: победа пары всегда общая, если ведомый умел и надежен. Не случайно трижды Герой Советского Союза А. Покрышкин до конца войны не менял ведомого Ивана Труда, который в итоге тоже получил Звезду Героя. «Без Труда побед не бывает», – шутил ас...

Но тут речь вообще-то о другом: боевые донесения о сбитых самолетах, поступавшие из штаба полка, корректировались в штабах дивизии и особенно корпуса ПВО и только после этого направлялись в Москву, опять же через Главный штаб ПВО. Именно там и оставались под сукном представления к званию Героя на самого Пепеляева и его подчиненных, имевших по пять и более сбитых самолетов. Так, Золотой Звезды Пепеляев был удостоен только 22 апреля 1952 года, а вернулись они из Кореи еще в феврале!

Кроме того, за 10 месяцев той войны (324-я иад воевала в Корее дольше, чем другие авиадивизии) его полк сбил 108 американских самолетов, потеряв 10 своих машин и четырех летчиков. Получается, 10:1 в нашу пользу, хотя американцы считают с точностью до наоборот – 13:1 – в свою.

– КОГДА Я В АМЕРИКЕ об этом начал говорить собравшимся, на меня смотрели, как на Мюнхгаузена! – рассказывает Евгений Георгиевич о своем участии во встрече лучших воздушных бойцов Второй мировой и корейской войн международного общества «Слет Орлов», проводившейся на авиабазе Максвел под Атлантой, в штате Алабама.

Первый «Слет Орлов» состоялся еще в 1982 году. В корейской войне США участвовали открыто, возглавив под эгидой ООН «освободительный поход сил демократии против агрессоров-коммунистов». В западной печати – в Советском Союзе замалчивалось участие в этой войне, – понятно, превозносились победы американцев. Они в 1995 году и мемориал себе поставили в Вашингтоне – не на собранные средства, а государство воздало должное своим героям.

Пепеляев был приглашен на слет в 1994-м, но сумел попасть туда только в 1995-м. Его рассказ был откровением даже для участников корейской войны. Однако приведенные нашим асом факты опровергнуть было невозможно. Тем более что им показали подготовленный добросовестными организаторами фильм, сделанный на основе документальных материалов. Это было как бомба! (Выступление супруга Майя Константиновна слушала из зала и передает бурную реакцию собравшихся очень эмоционально). Получалось, что при обилии всего напечатанного с июня 1950 года в прессе и показанного в кино и по телевидению, рассказанного в радиоэфире война в Корее для американцев была малоизвестной...

Очевидно, еще и поэтому после официальной части и выступлений ветеранов фотографироваться с Пепеляевым поспешили и американский ас корейской войны Робинсон Разнер, и японский ас Второй мировой войны Табуро Такан («Этот все время к нам подходил!» – комментирует снимок супруга Пепеляева), и первый астронавт США Джон Гленн, и первый в Америке пилот, преодолевший сверхзвуковой барьер, и рекордсмен по сверхзвуковому налету Чарльз Ягер, а также многие другие известные в авиации люди.

На личном счету самого Пепеляева 23 официальные личные победы. Обращаю внимание: у дважды Героя Советского Союза Савицкого было 22+2. Возможно, это тоже было причиной, по которой в Главном штабе ПВО не дали хода представлению Пепеляева ко второй Звезде Героя, написанному командиром 324-й иад И.Н. Кожедубом. Хотя Иван Никитович, как он лично говорил Евгению Георгиевичу, подавал представление на Пепеляева за боевые успехи возглавляемого им полка...

Но все равно – 23 лично сбитых! Это при том, что в Корее даже по фотоконтролю (лентам фотокинопулемета – ФКП) и докладам самого летчика и других участников воздушного боя, и даже по наблюдениям с земли победа могла быть не засчитана.

Требовались подтверждение наземных поисковых команд и принесенные детали и предметы с заводскими номерами сбитого самолета. А ФКП, между прочим, фиксировал только те секунды боя, в течение которых летчик нажимал на гашетку пушек и пулеметов. А Пепеляев и сам стрелял из всех бортовых средств, и подчиненных учил: бей сразу всеми, но поближе и короткими очередями! Вот и получалось, что очередь из пяти снарядов еще летит к цели, а ФКП уже «отстрелялся» за 0,5 секунды до ее поражения. Факт сбития или подбития фотокамера не фиксирует – отключена. И еще. На больших высотах – на восьми тысячах метров, где холодно и воздух разреженный, – керосин не горит. Видишь, как он хлещет из пробитых плоскостей, а не горит! А расходовать весь боекомплект «на кино», ради «фиксации» – этак и самого «зафиксируют», безоружного.

Противник там был очень серьезный. Пользуясь численным превосходством, янки получали хороший предбоевой и боевой опыт. Воевать с ними было непросто. Победы давались нелегко.

К тому же самолеты противника, сбитые или подбитые, но упавшие в море или южнее 38-й параллели, нашим летчикам в зачет не шли. Впрочем, и к самой-то 38-й параллели ближе чем на 100 км нашим запрещалось подлетать: «Южнее Пхеньяна не заходить!» Американцы это знали и в случае чего сразу уходили в безопасные зоны. А Пепеляев, бывало, вел бои и над морем, и сбивал, хотя это запрещалось из соображений секретности участия наших летчиков в воздушных боях. И свой первый «F» он сбил уже через месяц после перебазирования на боевой аэродром.

Боевые действия последнего периода войны (февраль 1951 г. – июль 1953 г.)

Кроме того, 6 октября 1951 года ему выпало подбить один «Сейбр», который вынужден был приземлиться на самой кромке морского берега. И начавшийся прилив стал накрывать самолет водой... Пепеляев засек координаты и даже успел увидеть, как летчика тут же подобрал вертолет спасательной службы. У американцев это дело было налажено отлично, а вот у нас практиковалось «самоспасение»: не было ни спасательных команд с вертолетами, ни сигнализации, ни маячков, ни даже инструкции...

Гоняться за «вертушкой» он не стал: у наших не было принято добивать экипажи противника. Остался жив – ну и Бог с тобой. А вот американские летчики грешили. Именно так, под парашютом, 29 июня 1953 года ими был расстрелян Герой Советского Союза подполковник И.М. Горбунов.

...Американские бомбардировщики, прилетевшие уничтожить свой подбитый «Сейбр», под волнами его не нашли. После отлива корейцы вытащили машину в поле и замаскировали. Потом отпилили крылья и по подземным тоннелям доставили нашим на аэродром. Крылья были с черно-белыми полосами. Но толку-то: передокладывать в Москву из штаба корпуса не стали. И сбитый самолет записали на счет бойкого гвардейца...

На приеме в Пхеньяне (1993 г.) в честь 40-летия завершения войны в Корее. Слева направо – Е.Г. Пепеляев, Д.П. Оськин, П.Н. Лащенко, Ким Ир Сен, В.И. Попков, корейский генерал, С.М. Крамаренко

...В штабе дивизии Пепеляев с удивлением узнал, что на сбитый им «Сейбр» претендуют майор и капитан из гвардейского 176-го. И что оставшийся за комдива И.Н. Кожедуба полковник уже доложил об удаче в штаб корпуса, а те – в Москву!

– Как же так? Давайте смотреть пленки ФКП!

Посмотрели: майор стрелял с дальности 2 км, а Пепеляев – со 130 метров!

И все равно гвардейцы стояли на своем: «Мы сбили!»

– Ладно, майор, а какого цвета были полосы на крыльях у твоего?

– Желтые!

– А у моего – черно-белые. Вот привезут его, тогда и поговорим.

Вторую Звезду Героя, представление на которую отправил комдив И.Н. Кожедуб (даже не за лично сбитые, а за победы его полка), полковник Пепеляев не получил. «Сам знаешь, кто не дал хода», – сказал ему комдив. А может, в Главном штабе ПВО посчитали, что тогда и Кожедубу надо было давать четвертую Золотую Звезду – ведь 324-я дивизия сбила 239 самолетов! Могло быть и так, что резон был другой: Хрущев начинал сокращение авиации и флота, какие тут звезды для авиаторов, на службе оставили – и за это благодари...

В армии после войны Е.Г. Пепеляев прослужил еще 30 лет. Окончил Академию Генерального штаба, получил авиадивизию (правда, в ПВО, опять под придирчивым приглядом давнего соперника по воздушному бою). Потом снова его повысили – назначили начальником авиации Брянского корпуса ПВО, комдивы-генералы в подчинении. А сам Пепеляев так и не получил заслуженного генеральского звания.

Но лучшим из первых реактивных асов и героем корейской войны он был, есть и останется навсегда.

Михаил БОЛТУНОВ

Последняя спецоперация «Нормана»

(Окончание. Начало в № 6, 7)

А что же Стиг Берлинг? Неужто шведское правосудие допустило такую трагическую ошибку и приговорило к пожизненному заключению невиновного человека? И по какому поводу неистовствовала пресса, пытаясь лепить из «пустышки» крупнейшего в истории страны шпиона?

Выходит, зря корпел над своей книгой «Враг врага» писатель Я. Гиллоу, выписывая характер главного героя Сандстрема – рубахи-парня, выпивохи, охотника за женщинами, в котором так угадывался Стиг Берлинг.

Нет, все обстояло конечно же иначе. Шведское правосудие не ошиблось, и пресса была недалека от истины. Стиг Берлинг работал на советскую военную разведку и работал весьма эффективно. Да, он не занимал крупных государственных постов, и его служебный рост ограничился всего лишь званием капитана. Но как говорят в разведке: не надо вербовать министра, достаточно, чтобы на нас работал скромный шифровальщик министерства.

В армии Стиг служил в полку береговой артиллерии, а через несколько лет, уже работая в полиции, поступил в элитный вуз – военно-морское училище в Нэсбю.

«Впервые в истории полицейский, – напишет позже о себе Берлинг, – стал слушателем престижного вуза, победив в большом конкурсе других кандидатов». Правда, после окончания училища ему не нашлось должности в армии, но образование Стиг получил основательное.

Потом в течение последующих лет он постоянно будет возвращаться в армию – стажироваться в 10-м танковом полку, учиться на курсах офицеров резерва, где проходил подготовку по разведке и безопасности в высшей военной школе в Стокгольме.

В 1971–1972 годах Стиг Берлинг работает в штабе обороны вооруженных сил Швеции. Если его должность в полиции называлась всего лишь «криминальный ассистент», то теперь он был «первым чиновником». Да еще каким чиновником – Стиг трудился в отделе безопасности.

Это что касается армии. В полиции Берлинг тоже прошел немалый путь и обрел солидный опыт. Начав с рядового полицейского на участке Естермальм в Стокгольме, Стиг учился в высшей полицейской школе, служил в главном полицейском управлении в отделе пикетов, в международном отделе, в паспортном контроле, в охране аэропорта. Так что и полицейскую службу он знал неплохо.

Не чурался он и отношений со спецслужбами. Еще в 1968 году перед отъездом на Кипр в составе шведского батальона ООН от сотрудников СЭПО получил задачу: информировать их о незаконной деятельности шведского персонала войск ООН. И Стиг делал это добросовестно.

А по возвращении на родину без особых проволочек он был зачислен непосредственно в штат СЭПО, в отдел контрразведки, который, кстати говоря, работал против СССР. В обязанности Берлинга входила слежка за сотрудниками советских диппредставительств в Стокгольме.

После очередной командировки он в январе 1974 года вновь возвратится в СЭПО.

Так что можно с уверенностью констатировать: Стиг Берлинг отлич-

но изучил и работу шведской контрразведки.

И наконец, его деятельность за рубежом. В 1968 году служил в войсках ООН на Кипре в звании лейтенанта. В 1969–1970 годах – шеф военной полиции шведского ооновского батальона. В 1972–1973 годах Берлинг – военный наблюдатель на Ближнем Востоке, уже капитан. Следующий, 1974 год он проводит тоже на Ближнем Востоке, заключив контракт с транспортной службой ООН. Таким образом Стиг Берлинг за время своих командировок прекрасно изучил Ближний Восток, Кипр, посетил другие страны, такие как Эфиопия, Танзания, Кения.

Возникает естественный вопрос: какая же разведка не обратит внимание на человека с таким жизненным и профессиональным опытом? И советские военные разведчики были не первыми, кто привлек Берлинга к работе.

Еще в 1968 году, в свою первую командировку на Кипр, он познакомился с военным атташе США полковником Гильдерсливом и даже просил его содействия в поступлении на службу в армию США. Однако из этого ничего не получилось.

В 1969–1970 годах, опять же на Кипре, будучи шефом военной полиции шведского батальона ООН, он поддерживал тесные контакты с западными разведслужбами, особенно с английскими СИС и МИ-6. Выполнял их задание: совершая морское путешествие на советском туристическом лайнере «Украина», следил за британским военнослужащим.

Однако по-настоящему завербовать Стига Берлинга удалось советским разведчикам, и в частности полковнику Александру Никифорову.

В своих воспоминаниях Берлинг пишет: «Здесь все продавалось и покупалось, от ковров до орудий и ракет. Разведслужбы различных стран имели в Бейруте свои резидентуры, а разведчики действовали как с легальных, так и с нелегальных позиций. Этому способствовало то, что ливанская служба безопасности практически не чинила им препятствий.

Некоторые разведслужбы пытались открыто вербовать офицеров войск ООН, так как именно они имели право неограниченного передвижения в регионе и посещения различных военных и закрытых объектов и территорий. Прежде всего этим занимались американцы.

Примечательно, что американские офицеры-наблюдатели не имели разрешения на посещение территории Сирии, а советские наблюдатели ООН, находившиеся в Сирии и Египте, не могли посещать Ливан и Израиль».

Далее Стиг Берлинг рассказывает, как он сам, инициативно, обратился к советским дипломатам и предложил свои услуги.

«В период службы в Бейруте, – рассказывает Берлинг, – я неоднократно слышал, что в советском посольстве работает очень симпатичный и активный военный атташе, который имеет контакты с персоналом ООН. Выяснил его имя – Алекс, узнал, что он был объявлен персоной нон грата в США. Октябрьская война заканчивалась, и я решил, что имею все основания встретиться с советским военным атташе».

А. Никифоров (в центре) с военными атташе

Алекс, как называет его Стиг, или Александр Никифоров, трактует те события несколько по-иному.

«Я Берлинга приметил давно. Он общительный, хотя в кругу разных людей нередко говорил такое, что ему, как офицеру ООН, говорить не положено. Это нацелило меня на него. Как-то на приеме подошел к нему, предложил встретиться, поговорить. Он не отказался.

Откровенно говоря, для меня Стиг был очень важен. Он вхож в разные места, как офицер ООН».

Так или иначе, они встретились, и Берлинг начал работать на военную разведку Советского Союза.

Уже вскоре после первой встречи Стиг предложил некоторые документы.

– Они в Бейруте? – спросил Никифоров.

– Нет, в Стокгольме, хранятся в сейфе одного из банков. Но я могу доставить их сюда, если вы заинтересованы, – ответил Берлинг.

– Мы заинтересованы, – подтвердил атташе.

На следующий день Стиг приобрел билет на самолет и вылетел в Стокгольм. Там, в банке на улице Эрик Дальбергсгатан, забрал из сейфа документы, заехал на квартиру и вскоре отправился обратно в аэропорт Арланда. Через Копенгаген, Амстердам и Будапешт возвратился в Бейрут. И тут узнал, что как раз в тот день, когда он находился в Стокгольме, умер его отец. Но возможности лететь обратно в Стокгольм уже не было.

Документы он передал Никифорову.

Через неделю состоялась их новая встреча на квартире Алекса. Стиг познакомился с женой атташе – Татьяной. Никифоров сказал, что Москва довольна полученными материалами и надеется на дальнейшее сотрудничество. Затем вручил Стигу 8 тысяч ливанских фунтов, что соответствовало 18 тысячам шведских крон.

Позже Берлинг напишет, вспоминая эту встречу:

«Моя тайная жизнь началась. Теперь я стал настоящим шпионом».

«Я ВСЕГДА ЗА ТВОЕЙ СПИНОЙ...»

1973 год подходил к завершению. Заканчивалась командировка Стига на Ближнем Востоке. Вскоре ему предстояло убыть на родину. Но для Александра Никифорова Берлинг необходим был в Бейруте. В ноябре они встречались несколько раз, обсуждали перспективы сотрудничества. Выход был найден. Договорились, что Стиг возвращается в Швецию, оформляет отпуск, подает заявление в Женеву с просьбой на работу по линии ООН.

Так он и сделал. В начале января нового, 1974 года Стиг вышел на службу в СЭПО, а уже 22 января выехал на машине обратно в Бейрут.

Через неделю Берлинг позвонил Никифорову. Они встретились. Александр был рад возвращению агента. «Однако время шло, – скажет потом Стиг, – а ответа из Женевы не было. За

время вынужденного бездействия мы сблизились с Алексом. Мы стали действительно друзьями».

Чтобы подтолкнуть контракт с транспортной службой ООН, Берлингу пришлось слетать в Женеву. Проблема разрешилась. Стиг получил дипломатический паспорт ООН и мог беспрепятственно передвигаться по всему Ближнему Востоку. В его обязанности входило сопровождение большегрузных автомашин в Ливан, Иорданию, Израиль.

Теперь Стиг имел широкие возможности для разведработы, и, несомненно, вместе с полковником Никифоровым руководителем будет хуже. На мои комментарии Алекс заметил: «Не беспокойся, Александр Никифоров всегда за твоей спиной».

Скорее всего эти слова были сказаны, чтобы успокоить Стига, настроить на перспективную работу. В конце концов резидент военной разведки в Ливане потратил немало сил на то, чтобы заполучить такого агента. Теперь этот агент должен был хорошо потрудиться, пусть не с ним, под руководством другого разведчика, но во имя и во благо Советского государства.

Вряд ли полковник, покидая Бейрут, рассчитывал когда-нибудь еще встретиться со Стигом Берлингом. В 1979 году Никифорову исполнялось 55 лет, и он уходил в запас. Но слова: «Я всегда за твоей спиной», как ни странно, оказались пророческими.

Встреча ветеранов спецрадиосвязи ГРУ. 8 мая 1990 г. Ватутинки. 45 лет Победы в Великой Отечественной войне. Второй справа – И. Петров, третий справа – А. Никифоров

они сделали бы многое, но судьба распорядилась по-своему.

Александра Никифоровича и его супругу постиг неожиданный и страшный удар – в Москве при родах умерла их единственная дочь. Ребенка удалось спасти. Предстояло срочно возвратиться домой и заняться внуком. Кстати говоря, Никифоровы воспитали внука как собственного сына, но боль утраты всю жизнь преследовала их. Как истинный военный, боевой офицер, Александр Никифорович не любил жаловаться, но однажды с горечью признался: «Моя жизнь – бесконечные командировки. Помотался по свету порядком. Дочь потерял. Будь я в Москве, а не в далеком Бейруте, все было бы по-иному».

Возможно, и так. Кто знает? Но тогда ему пришлось попрощаться со Стигом и передать агента другому офицеру.

«Алекс сообщил, что завершает свою командировку в Ливане, – напишет в своих воспоминаниях Берлинг. – *Для меня это было неожиданно и тяжело.* Инстинктивно я чувствовал, что с новым

Стиг Берлинг неплохо поработал, особенно по военным объектам Израиля, таким как военно-воздушные базы, научные учреждения. Например, по секретной лаборатории биологического оружия. «Как-то на одном дипломатическом приеме, в туалете, – рассказывает в своем интервью Берлинг, – Сергей Ермолаев (он принял на связь Берлинга у Никифорова. – **Авт.**) передал мне записку. Там было написано: «Сверхсекретная лаборатория Несс Зиона, ЦРУ, но ведут дела израильтяне. Исследования биологического оружия».

Мне предлагалось съездить в этот городок и разузнать о лаборатории подробнее. Легче сказать, чем сделать. Но я все же отправился туда. Подъехал к ограде с надписью: «Ness Ziona Research *Institute». Выходит охранник, я представился* исследователем из Каролинского института в Стокгольме, сказал, что хотел бы поговорить с кем-нибудь из коллег... Прием глупый, но именно потому, возможно, и сработал.

Охранник попросил подождать в комнате для гостей, позвонил куда-то, ко мне явился ученый, похожий на молодого Эйнштейна. Ему я сообщил, что мой брат работает в Каролинке, хотел бы завязать научные контакты. «Эйнштейн» жутко заинтересовался. Весь научный мир, связанный с медициной и биологией, знает, что Каролинка выдвигает на Нобелевскую премию, и этот парень решил, что такой полезной связью нельзя пренебрегать...

Он притащил целую кипу бумаг. В том числе отчет о годовой деятельности института! Он рассказал, что они экспериментируют с африканскими болезнями.

Когда я привез Сергею документы, он был поражен...»

Стиг Берлинг продолжал работать на военную разведку Советского Союза и после своего возвращения с Ближнего Востока в конце 1974 года. Тем более что он опять трудился в шведской контрразведке. И судя по всему, делал это неплохо. В 1976 году он получает повышение по службе – теперь Стиг начальник группы контрразведки, работающей против СССР. Отныне все доклады, сообщения по этой теме проходят через него.

Вскоре одно такое сообщение заставило его порядком понервничать. В одном из документов он прочел: «Советский военный атташе в Стокгольме полковник Георгий Федосов планирует перейти на сторону НАТО». Более того, Берлингу и его подчиненным предписывалось не препятствовать выезду советского атташе из столицы.

«А если атташе что-то знает об агенте Берлинге?» – возник закономерный вопрос, и Стига прошиб холодный пот.

Переход Федосова на Запад планировался на 7 мая. Отправлять письменное сообщение не было времени, ехать в ГДР, где находился теперешний его куратор, далеко, да и небезопасно, об обращении в советское посольство в Стокгольме не могло быть и речи.

Стиг решил двинуть в Польшу. Прикинувшись больным, взял билет до г. Юстада, затем пересел на паром до Польши. В Варшаву прибыл 6 мая, приехал в советское посольство.

Его приняли. Капитан, помощник военного атташе, сказал, что с ним будет беседовать представитель Центра. Стиг обо всем рассказал этому представителю, показал копию телеграммы, которую привез с собой из СЭПО.

...По возвращении в Швецию Бер-

линг узнал, что советского военного атташе неожиданно арестовали и ближайшим рейсом «Аэрофлота» он был отправлен в Советский Союз.

До марта 1979 года, когда Берлинг окажется в руках агентов Шин Бет, остается еще три года. Стиг успеет поработать в СЭПО, послужить сменным начальником полиции в аэропорту Арланда, пройти курсы военной полиции в Дании и уедет в штаб-квартиру ООН в Египте. Будучи начальником военной полиции, он вновь обретает право свободного передвижения. Посещает Иерусалим, Бейрут, провозит контрабандой золото. В это время он замечает за собой «хвост». После окончания командировки в Египте уже в Европе, в Брюсселе, снова «вскрывает» слежку. Его очередная подружка Тамар Голан, израильская журналистка, признается: ее допрашивали в МОССАД, интересовались их отношениями. Она советует Стигу не ездить в Израиль.

Далее события развивались так: допросы в израильских спецслужбах, возвращение в Швецию, суд, пожизненное заключение.

Первые три года Берлинг провел в камере-одиночке как особо опасный преступник. У него начались психические расстройства, он неоднократно лежал в тюремном лазарете, лечился в психбольнице, протестовал против такого жестокого содержания, объявлял голодовку, но его упорно держали в одиночке. Такой режим предписывала его бывшая «контора» – СЭПО. Она же строго следила за исполнением этого режима.

Только через пять лет, в 1984 году, он был переведен на содержание общего режима, получил возможность общаться с заключенными тюрьмы в г. Норчёпинг. На следующий год Стига стали отпускать из тюрьмы на свидания с матерью. Однако при этом контрразведка всегда очень пристально следила за его передвижениями.

В 1986 году Берлинг стал планировать побег в Советский Союз.

Когда-то один из его руководителей заверил Стига, что ГРУ никогда не бросает своих агентов. Что ж, теперь Берлинг решил проверить правдивость этого заявления. Он не знал, где находится его первый резидент Алекс, чем занимается, но верил: Никифоров всегда за его спиной.

Военный атташе А. Никифоров в минуты отдыха

Побег Стиг планировал совершить во время суточного увольнения – либо из квартиры матери, либо из дома своей нынешней подружки Элизабет. К лету 1987 года он уже продумал маршрут побега через Финляндию. Был еще один вариант – через Данию, ГДР, но Берлинг отказался от него. В этих странах существовал более строгий паспортный контроль.

Во время своих увольнений из тюрьмы Стиг хорошо изучил особенности наружного наблюдения у дома Элизабет. Можно считать, ему повезло: стационарных постов Берлинг не обнаружил. Это означало, что до момента обнаружения побега у него будет около 12 часов. Неплохая фора.

В это время он подает второе прошение о помиловании, но получает отказ. Такой ответ шведских властей окончательно утвердил его в правильности выбранного решения.

Вместе с Элизабет начали активную подготовку к побегу. Она приобрела контактные линзы, парик, скромную, неброскую одежду, коротковолновый приемник, арендовала три машины – «Форд Эскорд», «Опель-Аскания», «Вольво-344».

5 октября Стиг получил увольнение. Его сопровождал надзиратель тюрьмы Янне Естер. Они добрались на такси до железнодорожной станции, потом на поезде от Норчёпинга до Стокгольма. Остановились в гостинице «Англаис».

Берлинг сразу же определил слежку: две машины столичного отдела СЭПО заняли место на стоянке у главного входа в отель.

Из гостиницы Стиг отправился в сопровождении надзирателя на квартиру Элизабет. Потом надзиратель уехал, но к вечеру возвратился, чтобы сопровождать Стига и его подружку на ужин в ресторан. По дороге Берлинг заметил машины СЭПО.

После ужина они возвратились домой к Элизабет. В 23 часа Естер уехал. Очередная встреча была намечена на 13 часов следующего дня. Сам Берлинг без надзирателя покидать квартиру не имел права.

Около часа ночи 6 октября Элизабет, переодетая, в парике, покинула квартиру. Она вышла из подъезда и двинулась к автомобилю «Вольво», который был припаркован в двух километрах от дома. Стиг наблюдал за ней. Ничего настораживающего не произошло, и тогда через 15 минут он спустился в гараж под домом и направился к выездным воротам, выходящим на другую сторону здания.

Выждав несколько минут, выбежал, замер у кустов. И вовремя. Совсем рядом стояли трое агентов контрразведки. Они обсуждали, почему Стиг не ложится спать. Берлинг забыл выключить на кухне свет.

Вскоре агенты ушли, и он продолжил путь. Элизабет ждала его в машине. Стиг издали осмотрелся, хотел было двинуться, но вдруг заметил машину СЭПО. Автомобиль остановился невдалеке от «Вольво», контрразведчики включили фары, но Элизабет сделала вид, что смотрит на подъезд соседнего дома, курит, ждет кого-то. Машина с контрразведчиками уехала. Стиг вышел из кустов и прошел рядом с автомобилем Элизабет, не останавливаясь. Это был заранее оговоренный сигнал: машина «засвечена», встречаемся у другого авто – «Опель-Аскания».

Он добрался до места парковки «Опеля», Элизабет уже ждала его за рулем автомобиля. Они двинулись в сторону Грисслехамна, что примерно в ста километрах от Стокгольма.

Оттуда утром уходил паром на Аландские острова.

На Аландах тут же отправились в советское консульство. Здесь их встретил молодой дипломат, который очень разволновался, услышав, что Стиг – агент ГРУ и он просит политическое убежище в СССР.

Вскоре из Хельсинки прибыл советский генконсул. Стиг вместе с Элизабет

■ **На торжественном мероприятии. Справа – А. Никифоров**

на пароме «Викинг Лайн» переправились в Новендаль, оттуда – в Хельсинки. По дороге они услышали сообщение о своем побеге.

Их разместили в советском торгпредстве, и пока повар готовил обед, накрывали на стол, Стиг рассказал помощнику военного атташе обстоятельства своего побега. По телевизору в это время тоже сообщали о побеге «крупнейшего шпиона» и говорили, что полиция оцепила район Юрхольм, обнаружила машину «Вольво», а стало быть, поимка Стига Берлинга – дело времени.

В последующие дни по телевидению, радио Стиг и Элизабет слушали, как полицейские чины рассказывали об успехах в их поимке. Тиражи шведских газет сильно выросли за одни сутки. Теперь они только и делали, что писали о государственном преступнике, шпионе и враге Швеции номер один Стиге Берлинге. «Его нужно взять живым или мертвым», – заявил один из полицейских чиновников.

Четыре дня находились они в посольстве. Перед отъездом Элизабет вручили советский дипломатический паспорт, на Стига документы не готовились, его собирались вывезти в багажнике автомобиля.

Операция началась. Посольские машины стали выезжать и въезжать с повышенной частотой. «Хонда», в которой сидели водитель, военный атташе с супругой и Элизабет, также выехала в этом потоке машин. Стиг расположился в багажнике. В его распоряжение предоставили подушку и одеяло. Так что ему было вполне комфортно.

Через некоторое время, уже за городом, Стиг пересел в салон. За пять километров до границы он вновь занял место в багажнике. Пограничный контроль прошли быстро и спокойно. Уже на советской территории автомобиль остановился, военный атташе открыл багажник и молча вытащил портфель. Стиг похолодел: «Сейчас убьют», – подумал он.

Но полковник с легким поклоном вынул из портфеля бутылку водки, разложил на капоте закуску.

Холодной октябрьской ночью состоялся этот необычный пикник. Все были возбуждены, смеялись. Атташе наполнил бокалы и сказал: «Добро пожаловать в Советский Союз, Стиг!» Берлинг почувствовал, как перехватывает горло и влажнеют глаза.

Так агент военной разведки бежал из тюрьмы и оказался в Москве. Здесь его встретил генерал ГРУ. Их поселили в большой квартире. За ними ухаживала домработница, а холодильник был забит отборными винами, шампанским, деликатесами: вырезкой, икрой, лососем.

Вскоре им сделали советские паспорта. Он – Ивар Страутс, рожденный в Риге, она – Элизабет Страутс, из Клайпеды. По легенде ГРУ, семья переехала из Прибалтики, из района, где был совершенно утрачен русский язык.

«На семью выдавалось 350 рублей в месяц, – напишет позже Стиг Берлинг, – этого вполне хватало. Такой уровень имели генеральские семьи. Деликатесные продукты всегда были на столе, причем в основном зарубежного производства».

А однажды дверь квартиры открылась, и на пороге предстал... Александр Никифоров. Это была встреча! Старые друзья обнялись. Александру Никифоровичу было уже 68 лет, он страдал болезнью Паркинсона, но мужественно скрывал это. Сбылось его собственное предсказание: жизнь сделала фантастический кульбит – Никифоров вновь был рядом со своим агентом.

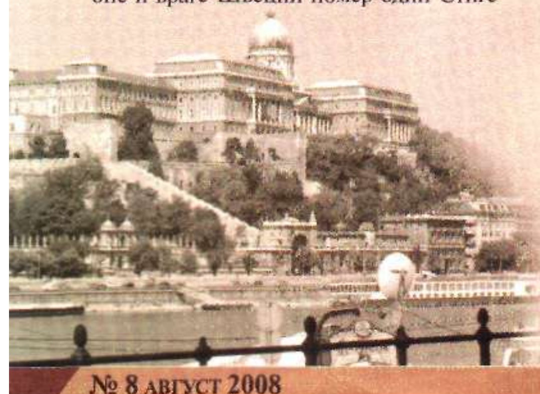
Вчерашние агенты – люди сложные. Завербованные там, на Западе, многие из них лишь отдаленно представляли жизнь в Советском Союзе. Да и представления были, как правило, далеки от истины. Попадая в страну, которой служили, ради которой работали, они оказывались в другом мире. Неведомом, незнакомом. Родственники, друзья остались там, куда уже нет возврата. Дело, подобающее их образованию, опыту, интеллекту, найти было очень трудно. Многие из них не знали русского языка. Как их вписать в советскую действительность? Особенно если эта действительность конца 80-х годов прошлого столетия. Ведь речь идет о горбачевском времени с его пустыми прилавками, с обозленными тяготами и невзгодами людьми.

Вот в такую жизнь и предстояло Никифорову «внедрить» своего бывшего агента. Думаю, это было намного сложнее, чем из ооновского офицера сделать агента советской военной разведки.

Не будем забывать, что к тому времени Никифорову уже под семьдесят и он серьезно болен. Откажись, сошлись на возраст, состояние здоровья (а это вполне соответствовало действительности) – его бы поняли, поручили бы Берлинга молодым коллегам. Но он не отказался. «Это ведь мой агент», – признается однажды Александр Никифорович в разговоре со мной.

Поняла, поддержала мужа и Татьяна Ивановна.

А проблем было немало. Кроме сугубо бытовых (а они в ту пору решались крайне сложно) – хорошего питания, благоустроенного жилья, подбора одежды для самого Стига и особенно для Элизабет, возникали и другие: где их

поселить на постоянное место жительства, чем занять, ведь они не говорят по-русски. Поэтому после первых их встреч Алекс сказал Стигу: «Теперь займемся вашим будущим». А пока, откровенно говоря, занять Стига и Элизабет было нечем. Алекс иногда давал Берлингу для перевода какие-то справки об австрийской пенсионной системе, инструкции по шведским лекарствам. В конце концов Берлингу это надоело, и он сказал Никифорову: «Должно найтись более серьезное занятие в соответствии с моими знаниями». Никифоров это понимал, но поделать ничего не мог.

Они встречались семьями, ходили вместе в цирк.

В своих воспоминаниях Берлинг напишет, что интересной поездкой стало для них посещение Загорска. Но чего стоила эта «интересная поездка» Никифорову...

После осмотра прекрасных церквей Загорска Стиг и Элизабет, естественно, захотели перекусить. Понятно, в Швеции это обычное дело. Но у нас в горбачевские времена было большой проблемой.

«Пришли мы в закусочную, – рассказывал мне о той поездке Никифоров, – а там пустые полки, водка в разлив, вобла с загнутыми хвостами. Ею хоть гвозди забивай. Да еще яйца вкрутую. Вот такая наша жизнь.

Пошел я искать что-нибудь. Встретил священника, объяснил: мол, нельзя ли купить покушать, со мной иностранцы. Сжалился батюшка, отвел в трапезную. Там удалось купить несколько пирожков».

Что и говорить, к такой жизни Берлинг и Элизабет привыкали трудно.

Однако надо было заниматься будущим агентов. Сначала решили показать им Прибалтику. Никифоров сопровождал их в поездках по Эстонии, Латвии, Литве. Позже, летом, еще один визит в Латвию, в Ригу, отрабатывали легенду четы Страутсов. Когда-то настоящий Ивар Страутс жил в Латвии, но исчез во время войны. Теперь Стиг вместе с сотрудником ГРУ искал свои «корни»: они были у дома, где жил Ивар, делали снимки, изготовляли фото семьи, свадебных торжеств, школы, где он учился. Стиг заучивал даты, имена, адреса. Алекс проверял Стига, заставлял работать, пока тот не усваивал мельчайшие подробности легенды.

Потом они уезжают в Литву, в Клайпеду. Теперь «оживляют» легенду Элизабет.

Однажды после возвращения в Москву их спросили: «Где бы они хотели жить?» Стиг ответил, что в Венгрии или в ГДР.

В сентябре 1988 года Стиг и Элизабет в сопровождении Никифорова и его жены Татьяны выезжают в Венгрию. Они поселились в Будапеште. Поначалу все шло неплохо, но потом отношения с соседями испортились. Прямо напротив балкона их квартиры появилась надпись: «Страутс – еврейская свинья. Русские евреи, убирайтесь домой!»

Иногда в Будапешт к ним приезжал Алекс.

Тем временем обстановка в Венгрии осложнялась, и ГРУ стало беспокоиться за безопасность Стига и Элизабет. 9 ноября на советском военном самолете они вылетели в Москву. Их новая квартира располагалась на улице В. Ульбрихта. Вскоре получили новые паспорта. Теперь они были Артуром и Эммой Шнайдер, немцами с Поволжья.

Опять встречались с Алексом и Татьяной. У Стига и Элизабет была новая служанка и деликатесы со склада ГРУ. Но денег уже не хватало. Вскоре Берлингу поднимают зарплату до 500 рублей в месяц.

Наступает 1990 год. Принято решение о выезде Стига и Элизабет за границу. Куда? Им предлагают три страны: ЮАР, Египет, Ливан. Берлинг останавливается на Ливане. Начинается подготовка к отъезду. Вновь идет работа по легенде. Теперь Стиг – выходец с Британских островов, воевал в Родезии, был ранен. С Элизабет они познакомились в госпитале, где она работала санитаркой.

«23 ноября 1990 года, – напишет потом Берлинг, – квартира была полна генералами, которые давали советы, шла погрузка багажа. Алекс предупредил меня воздержаться от контактов с западными посольствами, в противном случае ГРУ ничем не сможет помочь.

Я понимал, что Алекс сыт по горло заботами обо мне и Элизабет...»

Да, это действительно так. Три года полковник в отставке Никифоров старался накормить, напоить, одеть, обуть, развлечь, найти занятие, поселить своего бывшего агента и его гражданскую жену. Это было целое оперативное мероприятие, которое не так уж часто проводят наши спецслужбы. Ко времени убытия Стига и Элизабет в Ливан Александру Никифоровичу исполнился 71 год.

Хотел было написать, что это последняя, заключительная спецоперация военного разведчика, но на всякий случай решил проверить. Спросил об этом самого Никифорова. Тот улыбнулся, вытащил из шкафа коробочку, открыл. На красном сукне лежал орден Мужества.

– За прошлые заслуги, Александр Никифорович?

Он молча выложил на стол еще несколько орденов – два Красной Звезды, Отечественной войны.

■ **Встреча ветеранов. Шестой во втором ряду – А. Никифоров**

– Вот эти – за прежние заслуги, а орден Мужества – за нынешние.

Право, странно слышать такое. Передо мной сидел человек, которому было за восемьдесят. Видимо, Александр Никифорович почувствовал мое замешательство и постарался успокоить:

– Орден Мужества мне вручил помощник Президента России в 1998 году.

– За что? – не удержался я, в ту же минуту осознав несусветную глупость своего вопроса.

Ни один мускул не дрогнул на лице старого, мудрого разведчика.

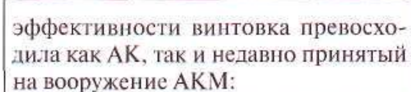
– За выполнение специального задания Главного разведывательного управления.

Что ж, теперь по крайней мере все стало на свои места. Остальное – государственная тайна. Пока.

ГАЛЕРЕЯ

В конце 1940-х годов американские специалисты начали понимать, что существующая в США технология изготовления стрелкового оружия перестала соответствовать требованиям времени.

Перспективным будущие разработчики нового оружия считали применение алюминиевых сплавов и литьевых пластмасс.

В 1954 году по решению президента фирмы Fairchild Engine and Airplane Corp. было создано подразделение ArmaLite, предназначенное для разработки новых, современных видов стрелкового оружия.

В ArmaLite образовалась группа единомышленников во главе с конструктором оружия Юджином Стоунером (Eugene Stoner).

В 1956 г. к руководству ArmaLite обратился официальный представитель вооруженных сил генерал Виллард Д. Виман (Willard G. Wyman). Он предложил разработать экспериментальную автоматическую винтовку .22 калибра, обладающую следующими характеристиками:

– масса с полным магазином на 20 патронов не более 3 кг;

– два режима стрельбы (одиночный и автоматический);

– на дистанциях до 500 м пуля винтовки должна пробивать стальной лист толщиной 3–4 мм, бронежилет, стандартную стальную каску.

Будущей автоматической винтовке в подразделении ArmaLite присвоили индекс AR15. Чтобы уменьшить затраты на ее разработку, в качестве прототипа взяли конструкцию AR10.

Но требовался новый боеприпас. Задание на его разработку ArmaLite направил на фирмы Remington Arms Company и Sierra Bullets. Специалисты справились с этой задачей, взяв за основу охотничьи патроны .222 Remington и .222 Remington Magnum.

В начале лета 1962 года 1.000 винтовок AR15 проданы агентству по изучению перспективных проектов (ARPA), которое тут же направило их в действующую армию Южного Вьетнама.

Изучив результаты применения AR15 в боевых действиях, ARPA выпустило отчет, в котором утверждалось, что принятие на вооружение AR15 позволит пехоте получить оружие, превосходящее оружие вероятного противника, под которым, естественно, подразумевался СССР. И действительно, по боевой эффективности винтовка превосходила как АК, так и недавно принятый на вооружение АКМ:

1. Дальность прямого выстрела по грудной фигуре (высота 0,5 м) больше в 1,22 раза – 426 м по сравнению с 350 м.

2. Импульс отдачи почти в 1,5 раза меньше.

3. Начальная скорость пули больше примерно в 1,4 раза.

4. Превосходство по кучности стрельбы в 1,5 раза.

5. Диоптрический прицел с длиной линии прицеливания 510 мм (почти как у спортивных винтовок) значительно уменьшал погрешность наводки. Для сравнения – у АКМ эта величина составляет 378 мм.

6. При равной массе экипировки (если принять, что на долю оружия с боеприпасами у бойца приходится 7 кг) у американского пехотинца с AR15 было на 110 патронов больше, чем у его противника с АКМ (260 и 150 соответственно, то есть в 1,7 раза больше).

Вскоре, однако, в войсках стали проявляться недостатки винтовки. В ржавеющем патроннике заклинивало гильзу. Ударник ломался или терялся при чистке. Нагар заклинивал затвор. Ствол мгновенно ржавел. Для чистки множества труднодоступных мест из-за отсутствия нормального инструмента солдатам приходилось использовать свои помазки и зубные щетки, так как штатными принадлежностями этого сделать было нельзя. Как насмешка было положение инструкции, что винтовка является самоочищающейся, для подготовки к стрельбе ее достаточно протереть чистой тряпкой, и ни одно известное оружие не может так долго стрелять без чистки и смазки. Солдаты очень скоро возненавидели новое оружие. Все возвращенные с войны AR15 были в негодном состоянии.

В конце 1959 года малоизвестная компания Colt Patent Firearms Manufacturing Company, используя сложившуюся ситуацию, за 75.000 долларов и 4,5 процента роялти (процент с дохода от будущих продаж) приобрела у корпорации Fairchild права на AR15.

Часть ведущих сотрудников ArmaLite, включая Стоунера, перешла на Colt.

С 1962 года винтовка принята на вооружение ВС США под названием модель М16.

В мае 1967 выходит доклад комиссии Ричарда Ичорда (Richard Ichord), которая провела опрос 250 солдат и морских пехотинцев, президента компании Colt Пауля Бенке (Paul Benke) и конструктора Юджина Стоунера. Приговор комиссии – вопиющие ошибочные решения и безответственность.

Но изменить уже ничего нельзя. Шла война, оружия не хватало. До 1985 г. было выпущено около 6 миллионов винтовок M16A1.

По принципу автоматики M16A1 относится к оружию газоотводного типа с отводом газов через боковое отверстие в стенке ствола. Коренным отличием газоотводного устройства винтовки от всех известных образцов оружия такого типа является то, что оно не имеет газового цилиндра и поршня. По длинной стальной трубке пороховые газы отводятся в пространство между поворотной боевой личинкой и стеблем затвора. Специальных отверстий для выхлопа пороховых газов наружу винтовка не имеет.

В основном из-за этого крайне нелогичного конструктивного решения сведены на нет использованные в винтовке передовые технологические идеи.

Возвратная пружина находится в

5,56-мм автоматическая винтовка

«Кольт М16А1»

приkладе, что не позволяет сделать приклад складным.

Ударно-спусковой механизм винтовки куркового типа с перехватом курка позволяет вести одиночный огонь и огонь очередями.

Предохранитель-переводчик находится с левой стороны над рукояткой управления, в положении, удобном для воздействия на него большим пальцем.

Прицельными приспособлениями служат мушка и диоптрический прицел. Прицел перекидной на два положения и с возможностью установки дальности стрельбы. Она устанавливается поворотом дистанционного диска с помощью носика пули.

Низкая эксплуатационная надежность винтовки М16А1 была подтверждена при испытании ее в ЦНИИТочМаш. При этом наблюдались частые отказы из-за сильного загрязнения пороховым нагаром полости стебля затвора и боевой личинки. Этот нагар мог быть устранен немедленной чисткой после каждой стрельбы, в противном случае для чистки деталей затвора требовалось обильное применение щелочи и проволочной щетки.

В истории принятия М16А1 на вооружение решающую роль сыграли финансовые интересы чиновников военно-промышленных структур.

Основные характеристики

Калибр, мм	5,56
Начальная скорость пули, м/с	990
Тип патрона	5,56x45
Вес винтовки с магазином на 30 патронов без патронов, кг	3,3
Длина винтовки, мм	991
Длина ствола, мм	508
Темп стрельбы, выстр./мин.	850
Емкость магазина, патр.	20 и 30
Вес снаряженного магазина на 30 патронов, кг	0,46
Вес пустого магазина на 30 патронов, кг	0,27

Автор этих строк не претендует на какие-то «всеобъемлющие» выводы в отношении реформирования армии, ведь всесторонний анализ, прогнозы – в компетенции тех, кто на то и поставлен.

Это, скажем так, всего лишь личные рассуждения, воспоминания... Мне кажется, любой человек имеет на это право, тем более если он прослужил в армии двадцать «календарей».

Может быть, в чем-то мои заметки покажутся вам сумбурными, несколько хаотическими. Пожалуй, это действительно так, не судите строго. Просто многое, как говорится, «накипело», о многом хочется сказать. И прежде всего о том, почему у нас так мало учитываются уроки прошлого. И в связи с этим – почему само слово «реформа» у многих зрелых офицеров, давно служащих в армии, зачастую вызывает, мягко говоря, некоторый протест. Этакое подозрительное отношение: ну что вы нам на этот раз подкинете, чем обрадуете, уважаемые реформаторы? То есть хорошего заранее не ждут. Хотя по идее должно быть наоборот, ведь слово «реформа» подразумевает процесс коренных улучшений. Но мы уже научены другими «процессами»... Мне хочется немного рассказать о том, чему сам был свидетелем, что происходило на моих глазах.

Олег КОЛОМИЕЦ

«И БУДУТ ПИТЕКАНТРОПЫ ГУЛЯТЬ ПО ПУСТЫРЯМ...»

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ РЕФОРМИРОВАНИЯ АРМИИ

НОЖНИЦАМИ – ПО ЖИВОМУ

По сути дела, Российская армия находится в непрерывной стадии реформирования с момента своего образования после развала СССР, то есть с 1991 года. Никто не станет отрицать того факта, что она является основной наследницей былой непобедимой Советской Армии, канувшей в Лету. И основы той армии рушились буквально на глазах.

Время 1990-х годов, практически от начала до конца, запомнилось мне сплошными сокращениями. Больно было видеть, как распадается, разваливается то, что было создано неимоверным трудом наших предшественников. Насколько помнится, с самого начала сокращение «ножницами» преподносилось как реформирование. Дескать, идет оптимизация (с тех пор это слово приобрело некий роковой оттенок).

В городе Завитинске Амурской *области Дальневосточного военного* округа, куда я прибыл служить после замены из Западной группы войск (Германия), были дислоцированы учебная танковая дивизия, вскоре переименованная в ОУЦ – окружной учебный центр по подготовке младших специалистов, и два авиационных полка – транспортной и дальней авиации. Аэродром, который существует конечно же и сегодня, отвечал всем современным требованиям. Он мог принять даже самолет «Руслан». На нем базировались ракетоносцы и транспортные Ан-12. Сегодня, когда

все эти части сокращены, никакой тайны тут нет.

Старожилы рассказывали мне, как тяжело приходилось строить военный городок, в котором вместе жили и сухопутчики, и летчики (было еще два, но маленьких, чисто «летных»). Место отдаленное, почвы там болотистые, все создавалось почти с нуля на окраине Завитинска, который был весьма небольшим городком. В условиях сурового климата Дальнего Востока были в кратчайшие сроки построены военные объекты, жилые дома для семей военнослужащих, инфраструктура. Это создавалось, еще раз подчеркну, грандиозным трудом военных строителей (доводилось общаться с теми, кто участвовал в этом процессе, месил грязь и жил в палатках).

Как бы мы (и летчики, и офицеры ОУЦ) ни относились к условиям жизни в нашем городке, он стал для нас родным на время службы. Да, здесь не было горячей воды. Но выручали титаны, у кого электрические, у кого – отапливаемые углем. Да, в жутко холодные (до –40°С) здешние зимние ночи нередко горела электропроводка из-за того, что люди, спасаясь от холода, включали обогреватели, а электросеть не выдерживала нагрузки. На этой почве случались пожары. Помню, как сгорела квартира под нами, когда зимой, после суток сидения без электричества, хозяйка неумело воспользовалась керосиновой лампой. Помню, как нам приходилось мотаться с ведрами на здешнюю кочегарку, когда вода поступала с большими перебоями, а случалось, ее не было по несколько дней. Зачастую купание ребенка становилось проблемой. Зимой в квартирах было довольно холодно, а на первых этажах просто «дубак». Перечислять бытовые «прелести» можно долго. Дальний Восток есть Дальний Восток

Но суть не в этом. Наш военный человек – человек особой породы и выживает, на удивление, всюду... Мы и наши драгоценные жены привыкали к бытовым неурядицам, растили детей, справляли праздники. Жизнь шла своим чередом.

Словом, жили, а главное, служили и не были «лишними» в этой жизни. Извините за избитые слова, но действительно ревели моторы боевых машин на полигоне ОУЦ, гремела стрельба, а в небе то и дело слышался гул двигателей самолетов, пока не настали черные дни с катастрофической нехваткой горючего.

Находилось время и для романтики. У меня до сих пор хранится старая видеокассета с фильмом летчиков завитинского полка дальней авиации о своих полетах, который они создали сами. Не просто фильм – там были великолепные песни здешних романтиков, не мыслящих себя без неба. Сегодня иногда включаю его по «видику», смотрю на взлетающие в небо ракетоносцы, вижу съемку летчиков из кабины самолета, слышу песни, сочиненные и исполняемые командиром экипажа дальнего бомбардировщика. Они то лирические, то боевые – в них есть, например, строки «и будут питекантропы гулять по пустырям»... В смысле, после нанесения ракетоносцами удара... Понятно, что это всего лишь образ. Однако не стоит забывать, для чего предназначены дальние бомбардировщики. Это один из сдерживающих факторов для потенциальных агрессоров, козырная карта обороноспособности страны, и нужно представлять себе, какая мощь сосредоточена в руках экипажа только одного ракетоносца... Грозная, очень грозная сила стояла на нашем аэродроме. Тогда я еще не представлял себе, какой двойной смысл может обрести вышеназванная фраза после сокращения...

Столь же заслуженным был и «именной» – Трансильванский орденоносный полк транспортной авиации, созданный еще в 1943 году. У него богатая биография. Этот полк прошел Великую Отечественную войну, выполнял боевые задачи в период войны в Афганистане, в других «горячих точках». Например, я общался с летчиком, который стал орденоносцем еще в Афганистане, когда посадил самолет после прямого попадания в него «стингера». В последний момент отказали рулевые тяги, но он сумел спасти пассажиров и экипаж. Подобных случаев в афганской летописи полка немало. Капитан Цараев, вывозя людей, взлетал под шквальным обстрелом душманов. Во время взлета получил ранение. Погиб один из членов экипажа, другой был тяжело ранен. Порядком досталось и самолету: вышел из строя один из четырех двигателей. Но летчик сумел поднять Ан-12 в воздух, хотя при таких повреждениях это казалось невозможным. Во время полета перед Цараевым, управлявшим самолетом, держали склянку с нашатырным спиртом, чтобы его не покинуло сознание от кровопотери. Капитан сумел посадить самолет на родном аэродроме, спас всех пассажиров.

Летчики этого транспортного полка вывозили людей из районов Дальнего Востока, пострадавших от стихийных бедствий, в экстремальных условиях, взлетая, бывало, даже во время землетрясения... А на совместных международных учениях в 1996 году по спасению потерпевших бедствие людей экипажи завитинского полка показали настолько высокую точность действий по выброске спасательной платформы и парашютистов, что американцы и канадцы были несказанно удивлены...

Не хочу развивать дальше эту тему, о многом можно было бы рассказать, вспомнить. Точно так же не знали покоя и офицеры учебного центра, обучающие молодых бойцов. Дневные, ночные стрельбы, вождения. Работа, работа... ОУЦ полностью выполнял возложенные на него функции, в первую очередь потому, что весьма неплохо была налажена боевая учеба. Проблем, конечно, хватало, но о специалистах, выпущенных завитинским ОУЦ, в войсках отзывались одобрительно. В 1995 году, когда началась первая чеченская война, здесь в сокращенные сроки готовили воинов для последующей отправки в зону боевых действий.

Все это я рассказываю, чтобы подчеркнуть: тяжелые климатические условия службы, отдаленность не имели принципиального значения. Да человеку военному и не приходится выбирать. Он делал свое дело, в воздухе и на земле, верил, что он нужен стране. А это самое главное. Дальнейшие планы у многих были связаны с заменой на «запад» (так для нас называлась земля, расположенная до Урала), ведь подавляющее большинство офицеров местного гарнизона были родом из европейской части. То есть все шло по накатанному сценарию: отслужил свое в «отдаленке», отдал долг – получи заслуженное назначение. Ну а там, на «западе», «засветит» наконец хотя бы под «дембель» и заслуженное жилье в нормальном месте.

Тогда, в начале 1990-х, офицеры не могли знать, как страна может обойтись со своими защитниками...

Вскоре все мы в одночасье оказались в «новых реалиях» так называемых реформ того времени. Сейчас я отвлекусь конкретно от Завитинска, так как на протяжении 1990-х годов мне довелось служить в трех дальневосточных гарнизонах. Повсюду месяцами задерживали выплату денежного содержания. Для многих офицерских семей паек стал основным способом существования. На простой до одури вопрос жен, когда наконец выплатят деньги, не было ответа. И гораздо больнее было видеть этот немой вопрос в глазах наших детей, для которых

яблоко или шоколад в то время стали роскошью...

В то же самое время, как известно, президентом страны была объявлена очередная «суперзадача» – создать контрактную армию до 2000 года. Что ж, указ надо выполнять. В гарнизонах Дальнего Востока набирали в «добровольцы» кого попало, лишь бы выполнить план. Командирам просто некуда было деться, с них требовали отчет. Каким «пшиком» обернулась эта непонятная попытка создания «профессиональной армии» – известно всем. Полный штопор. В то же самое время сокращались целые соединения и части – это называлось «оптимизацией».

«Оптимизация» до сих пор ассоциируется у меня с руинами на месте былых военных городков, с изломанными судьбами людей в погонах и их семей, увольнениями настоящих профессионалов – офицеров.

...Вернемся к Завитинску. Сегодня можно оценить масштаб «военной реформы», безжалостным катком прокатившейся по этому отдаленному, но когда-то нужному стране гарнизону. Оба авиаполка были сокращены. Судьбы офицеров, разбросанных со своими семьями по стране, мне неизвестны. Естественно, работали кадровики, предлагали различные должности. Рассказывали, что многие переехали к новым местам службы на «запад», и это было выгодным выходом из положения. Но многие и уволились, получив сертификаты на жилье. Короче, у кого как. Факт тот, что сокращение – это всегда большой бардак, и тут уж спасайся, кто как может...

Перестали существовать два полка элиты войск – авиации. Напомню, что подготовка летчика и доведение его до высокой классной квалификации, как известно, стоит огромных денег. Еще при мне, в начале 1990-х, там служило много высококлассных летчиков. Сколько из них осталось в боевом строю, а сколько уволилось, сегодня уже сказать трудно.

Примерно (точно уже не скажу) в 1998 году было окончательно сокращено и то, что осталось от ОУЦ. Почему окончательно и почему «то, что осталось»? Дело в том, что сам окружной учебный центр подготовки младших специалистов прекратил свое существование еще в 1996 году. Он был преобразован (можно читать языком «реформаторов» – «оптимизирован») в базу хранения военной техники (БХВТ). Но тогда в составе БХВТ все же оставили один учебный полк для подготовки младших специалистов. В нем продолжали обучать и мотострелков, и танкистов.

Хорошо помню тот период. Это, конечно, было уже больше похоже на мучения – учить будущих механиков-водителей, наводчиков-операторов и командиров боевых машин в условиях тотального дефицита топлива, при поистине нищенском обеспечении денежными и материальными ресурсами. Не говоря о том, что офицеры не получали вовремя «получки», женам негде было в этой глухомани устроиться на работу. Но служба есть служба, от нее при любом раскладе, хоть живи на один паек, никуда не денешься. И полк жил, полк выполнял свои функции. Могу это сказать с уверенностью, ведь не раз бывал там в командировках (я уже служил в другом гарнизоне). Однако эта часть оставалась единственным среди других бывших учебных полков «обитаемым островом». Те, другие, были по сути уже руинами. Сразу и не скажешь, ведь все учебные корпуса, здания стояли с виду целыми. Разумеется, ведь бомб, как в Сталинграде, в них никто не кидал. Но внутри – хаос, разгром и запустение. Все, что было создано, у нас задушили своими же руками. И мертвая тишина на месте, где когда-то готовили будущих младших специалистов для войск Дальневосточного военного округа... По возвращении с «экскурсии» по соседям (все полки стояли в одну линию вдоль дороги) «оставшийся в живых», «дышащий» и действующий полк показался мне центром цивилизации...

А потом, как было сказано выше, «отмучился» и этот полк. Все было сокращено. Не так давно встретил одного офицера, тоже ранее служившего в Завитинске и несколько лет назад волею судьбы побывавшего там. Он поведал, что в некоторых домах нашего бывшего военного городка живут местные жители, в том числе немало «бичей», остальные дома – нежилые. На месте расположения былых полков – запустение. Что касается аэродрома, то он, конечно, поддерживается в рабочем состоянии, при нем есть комендатура.

Многие офицеры, пережившие то время, смогли бы рассказать схожие истории про реформы, да еще похлеще. Причем, думаю, практически из любого округа. Развал «оптимизации» шел повсюду. И казалось бы, к чему эти воспоминания?

Да к тому, уважаемый читатель, что как аукнется, так и откликнется. Многие наши проблемы, которые армия имеет в нынешние дни, родом оттуда, из 1990-х годов, когда на постсоветском пространстве рушилась бывшая «несокрушимая и легендарная» Советская Армия. Мы – ее главные наследники. И у нас не смогли сохранить того, что было создано целыми поколениями. Говорили – реформируем, а резали по живому. А сегодня вроде как возрождаем все заново. Но хочется спросить: неужели, к примеру, окружной учебный центр ДВО, созданный такими грандиозными трудами, не имел права на свое существование? Да, есть окружной учебный центр в городе Хабаровске, на который после сокращения завитинского «собрата» легла основная тяжесть подготовки младших специалистов. Но от этой «оптимизации» кому-то стало легче? Хватает ли сил хабаровского ОУЦ для подготовки специалистов?

Мы сегодня идем по пути создания профессиональной армии (к этой теме вернемся чуть дальше). А откуда их брать, контрактников? С улицы, как в 1993 году? Или, может быть, сначала «обкатать» их в учебных подразделениях, произвести отбор по итогам практики, отсеять случайных людей и оставить достойных? Возникает вопрос: а где «обкатывать»? Может быть, для

этой цели и пригодился бы ныне разрушенный дотла окружной учебный центр в Завитинске, где была соответствующая хорошо налаженная база? Значит, со временем придется создавать что-то новое, подобное уничтоженному. Это в наших традициях.

...Помню, в те, 1990-е годы общался с командиром одного из «реформируемых» мотострелковых соединений (там же, в Дальневосточном военном округе). На вопрос о его личном отношении к «оптимизации» он вздохнул, помолчал, а потом произнес фразу, навсегда врезавшуюся мне в память: «Что нового я могу вам сказать об этом огромном испытательном полигоне под названием Россия?»

Впоследствии, присутствуя на сборах командующих армий и командиров соединений ДВО, я услышал в ответ на свой вопрос об оценке «реформ» 1990-х более лаконичное и прямое определение от одного высокопоставленного начальника: «Десять лет дури».

После этого он добавил, что в результате повальных сокращений теперь даже на уровне командиров соединений редко можно встретить начальника, имеющего полноценную практику командования личным составом, то есть прошедшего все ступени должностей в полнокровных частях. Они проходили эти «ступеньки» в кадрированных (их называли «кастрированными») частях.

С тех пор, конечно, многое изменилось. Безусловно, хорошо, что у нас теперь существуют полнокровные части и соединения постоянной готовности, что на их дальнейшее развитие брошены основные силы. Ну и, наконец, общеизвестно, что эти части и соединения или уже переведены, или находятся в процессе перевода на профессиональную основу. Но, говорят, с решением одной проблемы приходит несколько других. Это, на мой взгляд, касается и создания контрактной армии, о чем и поговорим дальше.

СОЗДАЕМ НОВУЮ АРМИЮ...

Итак, ныне уже другие реформы. Создается профессиональная армия. Но что-то есть в этих реформах общее, если они даже противоположны по содержанию. Раньше сокращали повально, теперь набирают в «новую армию» тоже повально...

Может быть, само понятие «повально» и является в наших реформах общим? Ведь у нас как делается? «Все, поехали, давай, давай! Быстренько реформируемся, разговорчики отставить!!! Это – немедленно! То – к исходу месяца! Третье – к концу года, кровь из носу!» И так далее, примерно в том же темпе.

Нет слов, реформа нужна. Настоящая реформа. Это требование самого времени. Но разумно ли бешеными темпами целые соединения в полном составе превращать в контрактные?! Кстати, один из военных экспертов, с которым я общался по данному поводу, высказал свое мнение коротко и однозначно: «Переходить на контрактную основу необходимо, но не в той мере, как это делается у нас, когда переводят целые дивизии. Эта мысль кажется мне бесперспективной, если не сказать, гибельной».

История повторяется в характерных чертах реформирования «по-русски». В 1990-е годы – «создать профессиональную армию до 2000 года»! Чистая кампанейщина. Почему именно до 2000-го? Где соответствующие рассчеты, где база, где кадры? Результат – даже не ноль, а отрицательный, то есть значительные материальные, финансовые и моральные потери.

Нынче уже который год создаются контрактные части и соединения, но опять мы видим все те же признаки кампанейщины: до такого-то года – столько-то соединений, до такого-то – столько-то. Это можно было бы назвать планированием, обязательным в любом деле, если бы сроки были тщательно продуманы, просчитаны, обоснованы и отвечали реалиям жизни. У меня лично нет никаких сомнений в том, что эти набранные бешеные темпы, эти сроки просто нереальны для того, чтобы создать именно профессиональный кадровый контингент контрактных частей. То есть в полном понимании этого слова – тщательно отобранный, обученный, всесторонне обеспеченный и мотивированный на долгую службу (как минимум хотя бы на два контракта). Для того, чтобы было именно так, нужно не количество, а качество.

У нас, как это было в 1993 году, при упоминавшейся мною выше провальной попытке создания профессиональной армии, изначально ставят

командиров и начальников в условия, когда они стараются любой ценой «дать план», а уже во вторую очередь (или в десятую, по мере возможности) думают о качестве кадрового контингента. Не потому что командиры плохие, отнюдь нет. Они, повторим, поставлены в такие условия. У них и других проблем с горой — кроме выполнения плана по набору, нужно заниматься обустройством контрактников, перестройкой материальной базы и т.д. Командир ведь у нас, как известно, отвечает за все!

Давайте, наглядности ради, попробуем поставить себя на место любого командира части, которому дали задачу заменить свой штат, до этого состоящий из солдат по призыву, контрактниками. У него никто не спрашивает мнения по поводу как целесообразности данного решения для его конкретно взятой части, так и того, в какие реальные сроки это возможно сделать. Задача не обсуждается, а сроки указывают сверху. И, как говорится, процесс пошел.

До нынешнего года командиру в такой ситуации было гораздо легче, чем теперь. Почему? Потому что до 2008-го солдаты по призыву служили два (полтора) года, и многих из них было достаточно легко убедить подписать первый контракт на три года. В желающих особого недостатка не было, ведь для самого бойца выгода налицо. Подписал контракт через шесть месяцев — и получаешь разом все преимущества по сравнению со срочной службой — «зарплата», отпуск, льготы и т.д. Да, прослужить придется дольше, но это гораздо лучше, если и дальше продолжать «трубить» по призыву, оставаясь в казарме. Мы говорим, конечно, упрощенно, но так оно и было в большинстве случаев. Об этом свидетельствует та же статистика. Как известно, уже на всех уровнях неоднократно говорилось, что подавляющее большинство контингента профессионалов составляют те, кто подписал первый контракт во время службы по призыву, меньшинство — те, кто призван через военкомат.

Начиная с этого года ситуация если не кардинально, то существенно изменилась. Источник кандидатов на контрактную службу наверняка значительно иссякнет, вопрос лишь в том — на сколько. Объяснение тому элементарное. Солдата, которому служить всего год, уже гораздо сложнее, а во многих случаях просто невозможно убедить подписать контракт на три года. Через шесть месяцев службы ему до «дембеля» всего-то полгода останется, и ему проще дослужить их. По данной проблеме, кстати, уже был материал в одном из номеров «Солдата удачи» за 2007 год. Тогда же, в прошлом году, озабоченность таким положением дел высказывалась на высоком должностном уровне в Минобороны.

Может быть, вся надежда возлагается на то, что профессионалы, отслужившие первый контракт, подпишут очередной? Но ведь всем отлично известно, что контрактников, остающихся на второй или тем более третий срок, на общем фоне абсолютное меньшинство. Это, кстати, также не раз признавалось на уровне руководства Минобороны. Причем на протяжении уже не одного года.

Вот лишь один факт на примере одной из дивизий ВДВ. В 2008 году заканчивается срок первого контракта у основной массы солдат и сержантов. Но уже заранее (еще в 2006 году) прогнозировалось, что повторный контракт подпишут не более двадцати процентов профессионалов. И это еще бралось по максимуму. Сколько из них останется в этом году на самом деле — неизвестно...

Рассчитывать на заполнение штатов профессионалов теми, кто «подпишется» повторно, по крайней мере, наивно. Не тот у нас сейчас престиж контрактной службы, чтобы народ держался за нее. К глубокому и великому сожалению. Тогда вообще на что у нас рассчитывают? Ведь профессиональная армия как раз и создается с той целью, чтобы люди служили в ней долго и устойчиво, как минимум по шесть–десять лет! Потому и название такое — профессиональная.

Словом, какие приняты решения, чтобы стабилизировать ситуацию с кадрами, пока неясно.

Естественно, и среди тех призывников, кто в этом году призвался на год, добровольцы на контрактную службу найдутся. Более того, это, скорее всего, будут как раз те люди, которые нужны армии. Потому что они сознательно, а не ради сиюминутной выгоды делают свой выбор.

Но все дело в том, что таких людей, мотивированных на профессиональную службу, наберется, по всей видимости, не так уж много. Целые соединения из данного контингента не наберешь. Выходит, главным источником кадров должны стать те, кто еще несколько месяцев назад составлял в контингенте добровольцев меньшинство. То есть призванные на профессиональную службу через военкоматы. Но как из меньшинства в одночасье «сделать» большинство? У нас что, вдруг ситуация разом изменилась, и сейчас, ни с того ни с сего, выстроятся очереди у военкоматов? Но такого просто не бывает.

Таким образом, все «громадье» планов с замахом на повальную контрактизацию десятков и сотен частей и соединений может быть значительно «подкорректировано» самими реалиями нашей жизни. Во что это может вылиться? Да в то, что возможна еще более худшая ситуация с набором кадров, прямое повторение 1993 года — брать кандидатов без особого разбора. Отбор кандидатов, сегодня и без того весьма условный, может стать вообще формальностью. Лишь бы любой ценой пополнить штаты. А вот о том, какая «цена» будет профессионалам, набранным «любой ценой», у нас, похоже, до сих пор особо не задумываются.

Ситуация с качеством контингента контрактников и сейчас-то не внушает особого оптимизма по причинам, изложенным мною выше. Слишком уж быстро и повально все делается!

Не в моей компетенции делать выводы, я приведу всего лишь несколько известных мне примеров.

Один из них поистине анекдотичен. В одной из дивизий постоянной готовности, переведенной на профессиональную основу, во время ночного обхода расположения контрактников (по-моему, какая-то комиссия знакомилась с их бытом) было обнаружено несколько пустых кроватей. После недолгого разбирательства выяснилось, что контрактники из недавно прибывшего пополнения, которые должны спать на этих койках, скрутили свои матрацы и ушли спать... на теплотрассу! Почему? Потому что им так привычнее. Эти, с позволения сказать, «профессионалы» до прихода в армию были бомжами...

Признаться, я сперва сам принял этот рассказ знакомого старшего офицера за анекдот. Но дело в том, что он услышал о данном случае на служебном совещании от одного достаточно высокопоставленного начальника. А на совещаниях, как известно, анекдотов не рассказывают. Да и смех по этому поводу, откровенно говоря, с оттенком горечи...

Хорошо знакомый мне еще со времен лейтенантской службы полковник часто бывает в командировках в составе проверяющих комиссий. Ему есть что и с чем сравнивать, он воевал еще в Афганистане, имеет награды. На вопрос о его оценке качества контингента контрактников при посещении различных частей округа он мне сказал, что примерно (ориентировочно, конечно) тридцать процентов — «серьезных», семьдесят процентов — «перекати-поле». То есть те, кого лишь с большой натяжкой можно назвать профессионалами и кто в армии, скорее всего, долго не задержится.

Конечно, это его субъективное мнение. Но, еще раз повторю, это мнение заслуженного и знающего ситуацию офицера.

Следующий красноречивый пример. О нем мне рассказал офицер с немалым опытом за плечами, воевавший в Чечне. Он проходит службу в учебном центре ракетных войск и артиллерии. «К нам на переподготовку прислали контрактников, — поведал майор. — Из ста процентов, с которыми мы начинали обучение, осталось только двадцать. То есть отсев составил восемьдесят процентов! Это те, кто в силу своих способностей не в состоянии был усвоить программу обучения, кто нарушал дисциплину и т.д. Все они были отправлены назад, в свои части».

Вот и говори после этого о высоких морально-деловых качествах контрактников, о строгом отборе кандидатов и т.д.

И еще один пример «под занавес», тоже сродни анекдоту. Это откровения контрактника одной из профессиональных частей, дислоцированных в отдаленном округе. «У нас ведь как нередко бывает, — рассказывал он, — придут в «контрабасы» ребята из местных деревень, а таких много. Для них и та сумма, что им здесь платят, — большие «бабки», они и денег-то в своих деревнях не видят, работать негде. А выпить любят! Дали получку — эх, гуляй, рванина! Пропил зарплату за несколько дней, сам того не заметив. Проснулся с больной головой и без денег. Благо, питание бесплатное. Ну что ж, остается ждать следующей получки. И занимать на выпивку. Так и служит. Поставь сеть круглосуточных ларьков вокруг части, и он так годами служить будет. От получки до получки...»

Подобных примеров можно было бы привести немало, но остановимся на этом. Правда, добавлю еще один штрих. Опытнейший офицер спецназа, один из моих знакомых, в нашем разговоре заметил, что многие контрактники, пришедшие служить в специальную разведку, «пачками» увольняются после первой же командировки в Чечню...

А статистику трогать не будем. Ее пусть приводят те, кто уверяет нас, что все «идет по плану», все «под контролем». Однако, видно, далеко не все «под контролем»...

Понятно, что есть много профессионалов, которые служат с желанием, добросовестно. Но есть определенная масса и других, кто армии по большому счету совершенно не нужен. Но ведь контрактная армия как раз и создается с той целью, чтобы любой, кто называется профессионалом, соответствовал своему предназначению. Только в этом случае оправдают себя все усилия и все грандиозные расходы, которые тратятся на создание профессиональной армии. А иначе к чему было отказываться от старой, десятилетиями проверенной системы срочной службы?

И сейчас, перед лицом реалий, наверное, придется что-то действительно серьезно менять. Былая ситуация (если не сказать, «халява») с переводом массы солдат по призыву в профессионалы уже не пройдет. Теперь нужно в первую очередь рассчитывать на тех, кто придет с «гражданки». А за нынешнюю «зарплату» охотников служить найдется, мягко говоря, недостаточно, если говорить о наполнении кадрами целых соединений. И уж тем более, если говорить о действительно качественном отборе кандидатов (хотя возникает глубокое сомнение в том, что сегодня у нас это возможно). В перспективе, если мы хотим создать по-настоящему профессиональную армию, придется, наверное, сменить некоторые ориентиры. Не гнаться за численностью, за срочным наполнением целых соединений, а сделать так, чтобы у военкоматов стояли очереди желающих стать добровольцами. Чтобы был жесткий конкурсный отбор, чтобы кандидат был счастлив, что попал в профессионалы, и служил не один контракт, а как минимум несколько. Чтобы служба стала его образом жизни. Но для этого нужно сделать денежное содержание и условия жизни человека в погонах действительно достойными не на словах, а на деле.

Материал, предлагаемый вашему, уважаемые читатели, вниманию, необычен. Его автор в 1987–1988 годах командовал в Афганистане 6-м отдельным мотострелковым батальоном специального назначения (омсб) и выводил его в Советский Союз. На боевом счету батальона было немало славных дел. Об этом и пойдет речь. Редакция посчитала нужным сохранить оригинальный стиль повествования автора.

Владислав ЕРЕМЕЕВ

В ПУСТЫНЕ

КОМАНДИР БАТАЛЬОНА СПЕЦНАЗА РАССКАЗЫВАЕТ...

«ХОЧУ БЫТЬ КОМАНДИРОМ»

Прошло двадцать лет со дня вывода 6-го отдельного мотострелкового батальона специального назначения из Афганистана. В восьмидесятые годы большинство офицеров и солдат рассматривали события в Афганистане не только как выполнение интернационального долга. Они ехали туда за военной романтикой, за боевым опытом. Многие офицеры и солдаты сами стремились попасть в Афганистан, и я был одним из них. После окончания с отличием Военной академии имени М.В. Фрунзе мне предлагали высокие должности в Москве. А я от них отказался и сказал: «Хочу быть командиром». Меня и назначили командиром отряда в одну из бригад спецназа в Прибалтику.

Сразу после прибытия в Вильянди я попросил комбрига Александра Завьялова направить меня в Афганистан. Сначала вопрос никак не решался – дескать, ты нам и здесь нужен. Но потом пришла телеграмма и начались собеседования с разными начальниками-«фотографами». Всех их я внимательно слушал, а они мне говорили одно и то же: «Смотри там!.. Если что, мы тебя снимем!..» Я сижу, головой киваю, уши прижимаю: «Да-да, обязательно... конечно...» И нас троих – меня, Валеру Горатенкова (заменил Сережу Бохана в Кандагаре) и Сашу Клочкова (заменил Гришу Быкова в Асадабаде) – однокашников по Рязанскому воздушно-десантному училищу и академии – направили на собеседование в Генеральный штаб. Там под руководством Олега Швеца дали подготовку конкретно по Афганистану. Готовили меня на восьмой батальон в Фарахруд, вместо Анатолия Юрченко, а назначили на шестой в Лашкаргах, вместо Александра Фомина.

В Афганистане я командовал 6-м отдельным мотострелковым батальоном специального назначения, он же – 370-й отдельный отряд, который дислоцировался в городе Лашкаргах, провинция Гильменд. Ввел его в Афганистан в 1985 году Иван Крот, я в то время как раз заканчивал академию. Незадолго до этого приезжает он из Чучково и говорит: «Я ввожу отряд в Афганистан, в Лашкаргах. Учи, Влад, переброску частей и соединений на большие расстояния». Послушал его и огромный конспект для себя написал на эту тему. И точно – в мае 1987 года был назначен командиром именно в этот отряд, а конспекты мне пригодились при выводе его из

Афганистана в Союз. Отряд, как уже сказал, принимал у капитана Фомина. Встретились мы с ним в Ташкенте, а в Лашкаргахе личный состав и имущество передал мне замкомбата Володя Чернышов. Командирами рот были старшие лейтенанты Сережа Бреславский (БМП), Петя Михалев (БТР), Миша Федин (БТР), рота минирования – Саша Фоменков, зенитно-артиллерийская группа – Женя Матяш (ЗСУ-23-4 «Шилка»), группа связи – Женя Плужников, рота обеспечения – Витя Немушков (Урал-4320).

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА – БОРЬБА С КАРАВАНАМИ

В мое время в Афганистане активно воевал в основном армейский спецназ, который и был главной «рабочей лошадкой» в системе «Завеса». Все остальные – охраняли инфраструктуру, гарнизоны, дороги, сопровождали грузы и иногда проводили крупные операции. Готовится колонна к маршу – это уже событие! Танки, пушки, каски, бронежилеты!!! Масштабные операции проводились относительно редко.

Главными задачами спецназа в Афганистане были борьба с караванами с оружием, боеприпасами, наркотиками, а также уничтожение бандгрупп, проникающих с территории Пакистана и Ирана. Задачи эти очень трудные, ведь как таковой оборудованной границы у Афганистана с Пакистаном и Ираном не было. Кроме борьбы с боевыми караванами и бандгруппами проводились и другие операции. Выполняли задачи по поисково-спасательному обеспечению. Осуществляли личную охрану командующего 40-й армией генерала Б. Громова и других ВИП-персон – от Кандагара до Фараха. Если становилось известно, что в том или ином кишлаке выявлен центр сопротивления, так называемый Исламский комитет, или, проще говоря, «духи», то производился налет, ликвидировали центр и восстанавливали правительственную власть. Бывало, захватывали склады с оружием, печати, документы Исламской партии Афганистана (ИПА), Движения исламской революции Афганистана (ДИРА), Национального исламского фронта Афганистана (НИФА), знамена, партийные кассы.

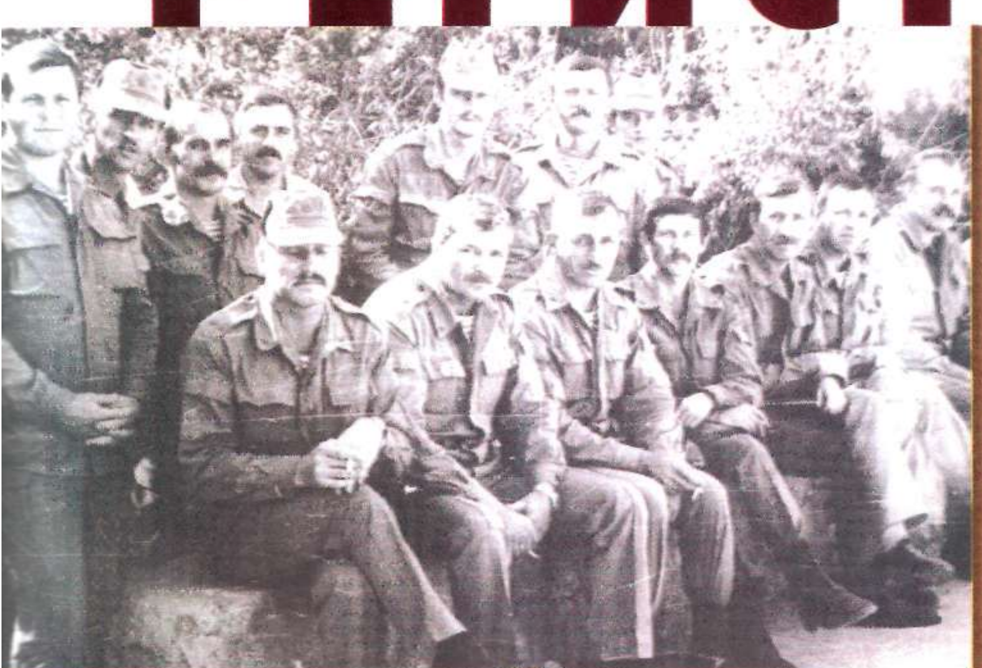
Территориально зона ответственности у моего отряда была огромная: правый фланг – в межозерье Хамун, провинция Фарах, а левый фланг – город Кандагар. В эту зону входили провинции Гильменд, Нимруз и часть провинции Кандагар, песчаная пустыня Регистан с главным ориентиром – горой Маликдукан, зеленая зона реки Гильменд, каменистая пустыня Дашти-Марго и горы Хашруд с главным ориентиром – горой Казагар, горы Чари-гар, Трушбаб-гар.

В гарнизоне Лашкаргах дислоцировались управление 2-й бригады, управление 205-й отдельной вертолетной эскадрильи, десантно-штурмовой батальон 70-й дшбр, который охранял городок, плюс артиллерийские батареи «гиацинтов» и «гвоздик» (крупнокалиберные самоходные гаубицы), взвод установок залпового огня «Град» и 6-й омсб – позывной «Зима», полевая почта 83428.

6-му омсб были приданы отряд вертолетов (два Ми-8 и два Ми-24МТ), батарея десантных 120-миллиметровых гаубиц Д-30, минометная батарея, танковый взвод и разведывательный взвод, для авиационной поддержки – пара «грачей» (штурмовики Су-25) из Кандагара.

Когда я только принял отряд, в роте старшего лейтенанта Сергея Бреславского подорвались две бээмпэ. Я принял решение об эвакуации группы и приказал Саше Семинашу – командиру группы – идти через второй канал у кишлака Марджи. А он хочет идти через кишлак Систанай, что не менее опасно! По молодости я ведь упертый был, настоял-таки на своем. Навстречу группе отправил ремонтно-эвакуационную группу (РЭГ). Так она в засаду попала! Я тотчас с дежурной группой Саши Гончаренко на помощь

РЕГИСТАН

■ Комбаты спецназа. В первом ряду – А. Нечитайло, А. Худяков, В. Горошко, С. Кочергин, В. Еремеев, В. Горатенков, В. Гилуч

помчался. Расстояние было километров сорок, но добрались мы быстро. На подходе к месту боя нас прилично обстреляли, один бэтээр подорвался на мине-«итальянке».

Я сразу понял, что без поддержки авиации здесь не обойтись: «Связь мне!» Вызвали «вертушки», огонь артиллерии. «Вертушки» на предельно малой высоте отстреляли «асошки» (АСО, тепловые ловушки для защиты от ракет с тепловой головкой наведения) и зажгли камыши, чтобы выдавить «духов» на открытое пространство. Не всем бандитам удалось уйти в Марджу. В бою уничтожили безоткатное орудие, из которого «духи» стреляли по нашей броне. На этот раз все закончилось благополучно, не считая оторванного колеса у БТР и нескольких контуженных бойцов и офицеров.

Самое неприятное для меня как для командира было то, что прошло всего несколько дней, как я принял отряд, а тут подрыв. Получилось

■ Регистан. Начальник разведки лейтенант Слава Безматерых (справа)

«шашкомахательство» какое-то... В то же время пустить группу по другому маршруту через Систанай было равносильно самоубийству. Этот вражеский кишлак прижимает дорогу к такому же кишлаку Марджи. И если бы наши стали пробираться между кишлаками, их бы там всех грохнули. За подрыв БТР на итальянской мине в том бою мне крепко досталось от командира бригады Дмитрия Герасимова.

В пустыне стояла страшная жара. Броня и стволы обжигали руки. После боя только подошли к каналу с водой, бойцы рассудок потеряли, бросились в канал – и давай пить! Я кричу командирам: «Хоть охранение выставьте!» Какое там!.. Стреляю в воздух, снова кричу – ноль внимания! В такую жару начинаются галлюцинации, люди нередко полностью теряют контроль над собой и ничего не боятся, ничто не может их остановить – такое неудержимое желание напиться. Так я и охранял их, пока не напились, не стали хоть чуть-чуть соображать, и вспомнили наконец, что жизнь в опасности.

Через зону ответственности отряда проходили условно восемь караванных маршрутов, по которым шли банды и осуществлялись поставки оружия, боеприпасов, перевозились наркотики и медикаменты. На моем участке караваны прорывались в центральные районы Афганистана со стороны Пакистана через перевал Шебиян по пустыне Регистан, со стороны Ирана – по пустыне Дашти-Марго. Бандгруппы передвигались в составе караванов с оружием, боеприпасами и наркотиками в основном ночью. Нередко они вклинивались в состав мирных караванов с товаром или маскировали свой караван под мирный.

Если говорить о караванах, то они были или вьючные, или автомобильные. Автомобильный караван обычно состоял из двух–двенадцати легковых «тойот»-полугрузок, очень редко попадались грузовые «бурбухайки». Вьючный караван – это, как правило, десять–двадцать одногорбых верблюдов. В типичном боевом караване процентов тридцать–сорок груза составляли промышленные и продовольственные товары, еще тридцать–сорок процентов – оружие и боеприпасы, а остальное – медикаменты и наркотики, в основном «ханка» (опиум-сырец в мешках), реже – гашиш. Конечно, «духи» всеми способами маскировали оружие, боеприпасы и наркотики под мирные грузы.

Обычно впереди боевого каравана пускали мирный караван из шести–восьми верблюдов, а через некоторое время уже шел основной, боевой караван. Охрану осуществляла, как правило, банда из пятнадцати–двадцати человек. Кроме них были погонщики верблюдов. Непосредственно перед караваном шла группа из пяти–шести человек на «вьюках» – головной дозор. В ядре каравана, где находился груз, обычно было человек пятнадцать. Все вооружены автоматами и гранатометами. Это были достаточно подготовленные «духи», но нельзя сказать, чтобы слишком хорошо. Однако на расстоянии сто–двести метров стреляли они довольно метко. Плюс к этому они были знакомы с тактикой действий мелких подразделений. Если надо было сосредоточить огонь всей бандгруппы на одном нашем солдате, который стрелял по ним, то с этим они вполне справлялись. Тренировали душманов на территории Пакистана в учебных лагерях, в так называемых «школах талибов». Оружие у душманов было в основном китайского, арабского и румынского производства, мины – итальянские, пластмассовые, радиостанции и оптика – американские и японские, а экипировка – куртки, спальники – американская.

ТУШЕНКА, ТУШЕНКА, ТУШЕНКА!..

Сам отряд спецназа у нас был большой – более пятисот человек по штату и большое количество заштатников на восполнение текущего некомплекта бригады. Ведь люди болели, погибали... Мы стояли практически на самом юге, наши самолеты к нам не летали, добраться до батальона можно было через Кандагар. Каждые две недели я направлял колонну порядка сорока машин под командованием командира роты Вити Немушкова, замптеха Равиля Зайнулина или зампотылу Ильи Петовраджи в Туругунди, на границу с Союзом, через Гиришк, Диларам, Шинданд, Герат за имуществом и продовольствием. Это примерно тысяча сто километров. Ведь холодильников у нас не было, кондиционеров – тоже. Поэтому все время нас кормили одной тушенкой. Тушенка, тушенка, тушенка!.. Сколько я ни пытался добиться чего-то еще, удавалось улучшить питание всего на неделю–две. Потом все возвращалось на круги своя. Это же не Кабул, а самая окраина Афганистана. А вообще, полет из Кабула до Лашкаргаха – это меньше часа на афганском Ан-26 – у арбатско-кабульских деятелей считался чуть ли не боевым выходом: они сразу требовали награды, «горку», «песочку», тельник, трофейный американский спальник, «бакшиш» (подарок). Для них это было целое событие – боевой выход, командировка на войну! Для создания боевой обстановки (чтобы комиссия побыстрее покинула расположение отряда) я устраивал ночью боевые тревоги по отражению нападения со стрельбой, шумом, артиллерийской иллюминацией. Эффект был неотразимый, комиссия улетала в Кандагар первым же бортом.

Помню, как-то прилетела к нам комиссия больших арбатско-кабульских партийно-политических военачальников со своими помощниками. Все такие вальяжные, чистенькие, важные! А ребята наши только что с боевых вернулись – грязные, оборванные, просоленные, пулемет за ствол тащат. И тут началось: «Да что ты за командир?! Ты посмотри, как они у тебя ходят: рвань, в кроссовках, автоматы и пулеметы за стволы тащат! Да как ты позволяешь?!» А выглядели бойцы так потому, что на боевые (боевой выход) мы старались ходить в КЗС (комплект защитный сетчатый) и в кроссовках. Прикид весь в сеточку, в жару хорошо продувается, но одноразового использования. А кроссов-

ки нам комсомольцы из ЦК ВЛКСМ подарили – 200 пар московских «адидасов». Весь отряд ходил на боевые в кроссовках, очень удобная обувь. Боевое напряжение групп было очень высоким, и, к сожалению, «горка», «песочка» и «эксперименталка» быстро превращались в лохмотья в ходе боевых действий, а новое обмундирование поступало по установленным нормам нóски и не выдерживало экстремальной эксплуатации.

Я стою и понять не могу: что тут такого необычного? Ведь люди с войны вернулись. Меня это тогда здорово задело: «А вы что, хотите, чтобы после пятнадцати суток войны в пустыне, на сухпайке, без воды, они строевым шагом, с песней шли и подтянутыми были при этом? Да не бывает такого!» С боевых бойцы все возвращались *обветренные, прожаренные*, черные от пыли и грязи, вшивые, изодранные. Живая, реальная жизнь сильно отличалась от киношной.

БУДНИ ВОЙНЫ

«Духи» иногда обстреливали гарнизон эрэсами (РС – реактивный снаряд) из района Калабуст, где находилась арка Александра Македонского. Из минометов не дотреливали, хотя и пытались. Однажды случилась страшная трагедия. Сидят ребята из отряда спецрадиосвязи в курилке, и прямо в центр курилки прилетает эрэс. Трое были убиты, восемь ранены. На такие обстрелы мы очень резко реагировали – поднимались все сразу (артиллерия, авиация, дежурная группа), находили огневые точки противника и уничтожали по максимуму. Так что местное население из ближайших кишлаков изо всех сил старалось держаться от злых «духов» подальше – себе дороже обходилось.

Местные по отношению к нам вообще-то вели себя довольно дружелюбно. Торговцы на рынке нас приветствовали и очень ждали, когда мы у них что-нибудь купим, за покупку давали «бакшиш». Мальчишки пытались всучить солдатикам «чарс» (слабый наркотик), что-нибудь купить-продать или что-нибудь открутить у техники. Местные жители приходили к нам лечиться. К 1988 году обстрелы гарнизона прекратились.

Мы вели разведывательно-боевые действия в основном на автомобильной технике, на броне или пешком при поддержке авиации и артиллерии. На «вертушках» контролировали караванные маршруты в горах и в пустыне, выводили группы в засады. Вели поиск бандгрупп на трофейных автомашинах «тойота» и мотоциклах «ямаха». В каждой роте было по три–пять таких «тойот», «ниссанов», «доджей», «симургов». Нередко наши группы переодевались в национальную одежду, пристраивались к караванам белуджей, с которыми мы были дружны. Вождь племени белуджей с чудесной бородой и его сын Мираджи иногда приглашали наших представителей в гости.

Были у меня в отряде два замечательных старших лейтенанта – Сергей Зверев и Сергей Дымов, командиры групп. Эти уникальные спецназовцы нередко захватывали по несколько машин с оружием, а в апреле 1987 года умудрились с боем взять караван из двенадцати (!) таких машин. Очень удачливым командиром был капитан Сергей Бреславский, кроме оружия и боеприпасов он пару раз захватывал кассу ИПА, нередко выручал меня в критических ситуациях. Блестяще выполняли боевые задачи старшие лейтенанты Юра Швыдкий, Алексей Панин, Юра Мокров, Миша Федин, Саша Назаров, Валера Травкин, Слава Безматерых. Отлично воевали сержанты Товкес, Оспанов, Ксенофонтов, Бощенко, Жунусов, Кимбаев, Завгородний и многие другие. Особая благодарность нашим вертолетчикам комэску Сергею Косенкову, Мише Азанову, Илье Рыжкину и всей 205-й отдельной вертолетной эскадрилье. Вертолетчики для спецназовцев были полубогами. Без них мы не смогли бы успешно выполнять боевые задачи. Только они могли в критической ситуации спасти группу за многие километры от пункта постоянной дислокации (ППД).

Сам я на боевые летал раза два-три в неделю, а раз в два-три месяца выводил отряд в рейд на перехват караванов дней на десять–пятнадцать. В день мы совершали два-три вылета на досмотр караванов. Бывало, и ночью летали на воздушную охоту на боевых вертолетах Ми-24. Как правило, на ночную охоту летали Панин, Швыдкий, Мокров.

Утро начиналось в четыре часа. Я инструктировал и отправлял на караванные маршруты досмотровую группу на двух вертолетах. С ними поднимались две «вертушки» прикрытия – Ми-24. Командир группы располагался между левым и правым летчиками, борттехник – за курсовым пулеметом в носовом блистере, в открытую боковую дверь и в хвостовой части вертолета на турель устанавливались ПКМы, открывались иллюминаторы, и в каждое окно устанавливался ствол. В пять утра досмотровая разведывательная группа (ДРГр) улетала на воздушную разведку местности. Мы взлетали так рано потому, что уже к девяти утра температура воздуха поднималась настолько, что «вертушкам» сложно было летать. Караваны шли примерно в это же время. Ближе к полудню они вставали на дневку, потому что днем невозможно передвигаться по пустыне в такую жару никому – ни людям, ни даже верблюдам. Чтобы сократить потери от тепловых ударов, с 12.00 до 16.00 в отряде прекращались полевые занятия и работы, людям предоставлялся отдых. А я вместе с вертолетчиками просил Всевышнего не посылать

С. Дымов, Э. Фидаров, В. Еремеев с вертолетчиками в Кандагаре

врагов моим командирам в это время. К сожалению, нередко Он не внимал нашим просьбам.

Летаем мы над своей зоной и смотрим по сторонам. Видим – караван. Разворачиваемся. Даем предупредительную очередь с борта. Караван останавливается. Все машут руками, кричат: «Палуч, палуч» – мы, мол, мирные белуджи, летите дальше! Решаем – будем все-таки досматривать. Снижаются Ми-8 с досмотровой группой. Ми-24 кружат в боевом охранении. Подсели, выпрыгиваем. Из вертолета первыми идут пулеметчики, затем командир с досмотровой группой, из второго вертолета выпрыгивает и занимает позиции огневая подгруппа прикрытия. И очень часто бывало так: мы начинаем приближаться к каравану, а тот, кто только что махал нам руками, достает ствол – и давай нас «мочить»! Начинается бой.

Как-то раз в такой ситуации командиру группы Андрею Перемитину пуля попала в «лифчик» на груди и застряла в снаряженном магазине. Удар был такой силы, что чуть сердце не остановилось у парня, синяк был на всю грудь. Только выскочили, побежали на досмотр каравана – «дух» достает свой «карамультук» и начинает стрелять. Если в группу начали стрелять, тут уж нет прощения никому. Досмотрели караван. Все у них было – оружие, боеприпасы, наркотики. Загрузили «результат» в вертолет и улетели.

С захваченным трофейным оружием, боеприпасами и медикаментами все было понятно, а куда девать наркоту? Медики отказались организовывать переработку наркотиков в болеутоляющие средства. Командование требовало уничтожать наркоту на месте, но наркотики не тонут, при подрыве только разлетаются. Приходилось сжигать – резины и соляры не хватало на такие объемы.

Однажды, после выполнения боевой задачи в районе колодца Галачах, пустыня Регистан, возвращаемся с ротой Миши Федина в ППД. И вдруг со стороны «зеленки» (зеленая непросматриваемая зона из кустарников и деревьев) из кишлака нас плотно стали обстреливать из «безоткаток» (безоткатное орудие). Я отряд в пустыню отвел, артиллерию развернул – мы в этот раз выходили на броне и даже с гаубицами Д-30. Артиллеристам нужно было обнаружить цель. Для этого мы с артиллерийским наводчиком на броне стали передвигаться на видном месте вблизи «зеленки». И «духи» не выдержали, начали по нам стрелять! Артнаводчик засек цели и передал координаты. В результате «духовские» «безоткатки» были уничтожены, но и кишлаку, из которого по нам стреляли, здорово досталось.

Основную часть караванов и бандгрупп, что шли из Пакистана, наши спецназовцы брали в районе Багата на Сарбанадирской тропе. Но бывало и по-другому. Однажды мы очень жестоко бились с «духами» в горах, в районе перевала Шебиян. Вертолетчики были не в восторге от вылета на Шебиян – далеко, летать в горах сложно, жара, воздух разрежен, топлива не хватает, нужно дополнительные баки устанавливать на борт. И вот что придумали: в районе глинистых озер в пустыне Регистан, примерно на середине пути, сделали площадку подскока вертолетов. Там ровное-ровное, как зеркало, место километров на десять–пятнадцать, твердая, как хороший бетон, почва, тяжелые самолеты принимать можно. Мы туда выгоняли авиационную «землю» под прикрытием брони, ставили охранение. Потом на броне подходил сам отряд, прилетали вертолеты. Они здесь дозаправлялись, загружали группу и летали вдоль гор вплоть до стыка трех границ у кишлака Рабати-Джали, куда одним перелетом с группой на борту не долететь.

■ Комбриг А. Гордеев вручает орден Ю. Мокрову

Как-то вылетели мы на разведку караванных маршрутов в сторону Рабати-Джали. С нами был комбриг Юрий Сапалов и хадовец (сотрудник афганских спецслужб). Летим, летим – вроде никого нет. Вдруг в районе перевала Шебиян боковым зрением замечаю – стоит в мандехе (небольшое узкое ущелье) синяя «тойота», значит, где-то рядом и остальной караван. Не хотелось ввязываться в бой, имея командира бригады на борту, да и группа была сборная. Я сделал вид, что не вижу каравана. Летим дальше. А начальник разведки Леша Панин кричит и руками размахивает: «Караван, командир, караван! Ты что, не видишь, что ли?» Я ему: «Да вижу я, Леша, вижу!» Крутнулись, подсаживаемся, и начинается долбежка.

Летчики, да и командиры на борту плохо себя чувствовали. «Двадцатьчетверки» подавили ДШК, «восьмерки» высадили нас метрах в ста от «духовских» кладок и улетели на дозаправку. У душманов в горах не окопы были вырыты, а сложены кладки из камней – почти что крепость, укрепленный район. Лезем мы на эти горушки, а «душки» по нам постреливают из-за кладок. Мы развернули АГС и обработали «духовские» кладки. Вижу – «душки» побежали. Я трассой Лехе цель показываю, кричу: «Леша, смотри!» Он – дынь-дынь-дынь, и... «духи» попрятались. Поднялись мы на одну горушку быстренько, на другую – и вышли к ущелью. Смотрим сверху – «духовский» лагерь: палатки, костер горит, оружие и боеприпасы разбросаны и никого нет. Мы прикрытие наверху поставили, а сами – я да Алексей – вниз пошли посмотреть, что там такое. Трынь-трынь-трынь – спускаемся. Все тихо. Я говорю Лехе: «Смотри, что мы здесь взяли!» Вокруг – оружие, боеприпасы, чуть поодаль «тойоты» стоят. Леха начал в первую очередь скручивать с машины магнитофон (в то время

был такой дефицит!). Я ему: «Давай стволы собирать!» А он: «Подожди, командир, успеем, пока «вертушки» прилетят». И тут – такой залп по нам сосредоточенным огнем из автоматов с горы напротив! Бросили мы все магнитофоны – и дунули к своим. Так быстро я даже сотку никогда не бегал! А Леха ведь опытный офицер, старается изо всех сил прикрыть наш отход, настоящий герой! Я ему: «Ты в сторону от меня беги, труднее будет в нас попасть». А он все равно пытается прикрыть меня. На наше счастье, не попали: мы очень быстро бежали. Я петлял и еще Леху отталкивал, а он все равно прикрывал меня. Короче, запутали мы «духов». Бежим. Язык на плече, в глазах красные круги – ведь стояла жуткая жара! До кладки добежали чуть живые, но целые.

Вызвали авиацию. Для авиационной поддержки отряда в Кандагаре всегда была дежурная пара «грачей» в пятиминутной готовности. Но в этот раз прилетели МиГи. Пилот мне: «Восьмисотый», ты меня наблюдаешь?» – «Наблюдаю». – «Обозначьте себя». Зажигаем красный дым. Себя обозначили. «Наблюдаешь?» – «Наблюдаю». Я ему даю азимут, дальность, цель – караван с оружием. А МиГи где-то на семи тысячах метров барражируют. Я командиру: «Ты спустись хотя бы до трех». Он: «Нет, запретили нам ниже семи работать». Летчики не хотели нарушать наставление по полетам и попадать в зону поражения «стингера».

Начали они бомбить. А по науке нельзя наводить авиацию на цель ближе пятисот метров от группы. У меня с Лехой такое впечатление, что они прямо на нас бомбы бросают. На самом деле они отбомбились подальше от нас, где тоже были «духи». С командиром кандагарского авиаполка у меня были приватные отношения. Я ведущему: «Воздух»! Я – «Земля». Отличная работа! Передайте командиру, что «Мираж» (это мой позывной был) в трудную ситуацию попал, пусть еще пару «грачей» пришлет на поддержку». Сами бьемся с «духами», перестреливаемся, пытаемся их «мухами» пошугать. Минут через сорок приходят «грачи». «Восьмисотый», наблюдаем тебя...» «Азимут... дальность... цель...» Пришли они тоже высоко – на семи тысячах. Но потом с боевого разворота с кабрированием (кабрирование – поворот летящего самолета вокруг поперечной оси, при котором поднимается нос самолета) как пошли вниз! Сначала один бросил бомбы, потом другой... В ущелье – дым, огонь, взрывы! Разбомбили все. После этого мы уже спокойно с группой спускаемся. Нормально идем, никто нас не обстреливает. Леха все-таки скрутил магнитофон с машины. Пока он двигался в ее сторону, я с группой досмотра шел прямо по ущелью. Вдруг боковым зрением вижу «духа», который из-за укрытия показывает, что намерен сдаться. Слышу очередь из автомата – та-да-да! А это боец за камень падает и в падении этого «духа» бьет. Досматриваем убитого. Ходовец установил по документам, что уничтожен командир бандгруппы ИПА. Я стал бойца воспитывать: «Ты зачем стрелял, его в плен надо было взять?!» А он в ответ: «Командир, а если бы «дух» успел первым в меня выстрелить?» Это все в доли секунды произошло. Да, пожалуй, боец был прав. В бою прав тот, кто первым уничтожит угрозу своей жизни и жизни товарищей, «цинки» нам не нужны. В этом бою у нас обошлось без потерь, даже раненых не было. Уничтожили мы крупный караван и взяли пленных.

Я думаю, что душманы просто одурели, когда нас увидели, – слишком далеко мы были от наших коммуникаций, километров двести пятьдесят – триста от Лашкаргаха. Они, скорее всего, надеялись, что мы не будем в бой ввязываться и досматривать караван. Но Леху не обманешь! А вот то, что «духи» не попали по нам с Лехой, – это большая удача, могло закончиться все очень плачевно. Мы были уверены, что «духи» бросили караван и разбежались, но мы ошиблись.

Удовольствия, конечно, во всей этой истории мало. В горячке боя не чувствуешь страха, не замечаешь ничего. А потом, когда возвращаешься, начинаешь чувствовать боль, растрескавшиеся губы, снимать полосами обгоревшую кожу с открытых частей тела, видеть, что у тебя сбиты колени, порваны локти, разбиты пальцы. Идет отходняк, отдача в чисто психологическом плане... И думаешь: «А тебе это надо?..»

Кроме поиска противника с вертолетов мы проводили и засады. Ведь через нашу зону по пустыне Регистан проходила знаменитая Сарбанадирская (Багатская) тропа в зеленую зону Гильменда. Регистан – это голая пустыня, раскаленные сыпучие пески, лунный пейзаж и жуткое испепеляющее солнце. Жара страшная... Поэтому мы заранее пролетали вдоль тропы на «вертушках» и смотрели, где лучше посадить группу, чтобы колодец был или хотя бы какая-то растительность. Высаживаем группу, командир организует наблюдение по кругу на вероятных направлениях движения караванов. Часто сидели в этом пекле по трое–пятеро суток – никого нет. Ведь разведка у душманов тоже работает. Поэтому я обычно одновременно высаживал по три–пять групп, чтобы перекрыть сразу несколько маршрутов в полосе тридцать–сорок километров. Конечно, просочиться через эту полосу было можно. Но нам везло, и на нашу долю приходилось самое большое количество перехваченных боевых караванов.

(Продолжение следует)

■ **Казагар. Комбриг Ю. Сапалов, комбат В. Еремеев**

НАШЕ МНЕНИЕ БУДЕТ УСЛЫШАНО? ВОЗМОЖНО...

Сразу скажу – самого проекта новых ПС и УО я пока не видел, хотя в вашей статье упомянуто, что он разослан по воинским частям. Таким образом, будем полностью исходить из приведенного вами текста о содержании нового документа.

Но начнем с самого отношения в войсках к артиллерии. Вы абсолютно правильно пишете: *«На практике, к сожалению, об артиллерии и артиллеристах вспоминают лишь тогда, когда надо воевать. В мирное время общевойсковые командиры всех уровней (прежде всего те, кто не проходил суровую школу боевых действий) относятся к артиллерии, мягко выражаясь, без должного уважения»*.

Но это действительно «мягко выражаясь». К величайшему сожалению, дело обстоит гораздо хуже. Не только общевойсковые командиры, «не прошедшие суровую школу боевых действий», но и даже артиллерийские начальники (!) не продвигают боевой опыт, более того, не препятствуют тому, чтобы он был забыт. Иначе чем объяснить то, что в ныне действующих ПС и УО-96 по сути нет места боевому опыту, хотя на момент их ввода в действие такового было более чем предостаточно! Чего стоит только боевой опыт десятилетней войны в Афганистане... Вот уж действительно, никогда не скажешь, что ныне действующие правила «вобрали в себя все самое боевое»...

В «Солдате удачи» за апрель 2008 г. прочитал статью А. Карповича и Р. Спирина «Не держаться устава, яко слепой стены». Напомню, в ней говорилось о том, что подготовлен проект новых Правил стрельбы и управления огнем (ПС и УО) артиллерии, были опубликованы основные отличия данного проекта от действующих ПС и УО-96.

Авторы данного материала, они же, как следует из текста статьи, – разработчики нового проекта ПС и УО, предлагают принять участие в обсуждении этого документа. Приятно то, что они в своем материале упоминают и мою статью «Книжечка кровью написана» («Солдат удачи» № 10, 2007 г.), с одобрением отозвавшись о ней. Важно и другое, что теперь разработкой нового проекта ПС и УО занимаются офицеры, имеющие реальный боевой опыт (в предисловии к их статье было отмечено, что оба автора являются ветеранами боевых действий). Думается, это пойдет на пользу.

Ну а теперь не о слишком приятном. Имеется в виду то, что мое личное мнение, которое хочется высказать в ответ на призыв авторов к обсуждению проекта ПС и УО, далеко не так оптимистично. Почему? Давайте по порядку. В своем отклике я непосредственно обращаюсь к разработчикам – А. Карповичу и Р. Спирину, поэтому мой материал будет построен в форме своеобразного диалога.

Вы пишете, что то, каким будет проект новых ПС и УО в окончательном варианте, *«зависит от вас, уважаемые читатели»*. Насколько ясно из текста, прежде всего имеются в виду командиры артиллерийских батарей, взводов. То есть, выходит, их мнение будет учтено в создании нового документа.

Интересно посмотреть, как это будет выглядеть. Где это вы видели в нашей стране, чтобы мнение командира взвода или командира батареи чего-то стоило при разработке каких-то важных документов, чтобы к нему прислушивались и (уж совсем фантастика!) чтобы оно было решающим?!

Я не хочу сказать, что документ не надо обсуждать, поскольку только в споре рождается истина, но ведь и не надо изначально вводить нас в заблуждение. В нашем государстве нет уважения к авторским правам, нет эффективного механизма их защиты. То же самое происходит и в армии, только здесь все еще более усугубляется... Представьте, например, ситуацию, когда командир взвода или командир батареи изложит свои мысли на бумаге в вышестоящую инстанцию, а к нему не только не прислушаются, но и назовут «нехорошим человеком». В часть придет целая петиция, объявят выговор, а все, что он писал, заставят забыть. К сожалению, у меня имеется в

«ВОЗВЕДЕНИЕ СОВЕТОВ В ПРАВИЛА ВРЕДНО»

этом плане некоторый личный опыт...

Прежде всего, вам, как авторам, необходимо разобраться, какую цель вы преследуете: написать документ для артиллеристов, действительно необходимый для стрельбы, или, образно говоря, «пособие для мучения офицеров на проверках». Это вопрос принципиальный. Если вы пишете документ для начальников, а, по большому счету, так и будет, то не нужно спрашивать нашего мнения, поскольку, что бы мы ни говорили и ни писали, решение все равно принято.

Вы спросите: «Почему так?» А я отвечу: потому что толщина вашего документа такова. Почему ПСНА-45 (Правила стрельбы наземной артиллерии 1945 года) читать интересно, почему вообще их и сегодня ищут и читают? Потому что в этих правилах нет воды, а есть то, что действительно нужно. Вот почему они свободно помещаются в нагрудном кармане. Информация доходит до человека только тогда, когда она коротка и проста для понимания – это аксиома. Такова психология человека.

ЭТО ВООБЩЕ-ТО НЕ СОВСЕМ ПРАВИЛА...

Я согласен с приведенными в вашей статье высказываниями автора первых отечественных Правил стрельбы артиллерии генерал-лейтенанта В. Шклаpeвича. То, что он пишет, абсолютно верно и в наши дни: *«Правила стрельбы должны быть выполнимы «по духу», а не «по букве». Назначение подобных сочинений: советовать, но не предписывать. Возведение советов в безусловные правила положительно вредно...»*

Это высказывание В. Шклаpeвича стоило бы поставить в самое начало документа, который вы разрабатываете. И любой артиллерист за это сказал бы вам искреннее спасибо.

Но, приводя его актуальные слова о том, что *«возведение советов в безусловные правила положительно вредно»*, вы сами же называете свои советы правилами...

Мое мнение следующее. Называться документ, определяющий положения стрельбы артиллерии, должен не правилами, а *наставлением, руководством* или как-нибудь иначе в этом роде.

Почему я так считаю? Очень просто. Невозможно предусмотреть все возможные варианты действий, документ может только предписывать в рекомендательном характере, как нам поступать в той или иной ситуации боя. Но тогда получается, что это уже не правила...

Правила – это то, что должно выполняться без обсуждения и без вариантов. Возьмем самый наглядный пример – Правила дорожного движения. В них все расписано до мелочей и обязательно для исполнения. Невыполнение требований этих правил грозит либо смертью, либо штрафом, либо лишением прав и т.д. И это совершенно обоснованно.

Но вот документ о стрельбе артиллерии пишется, прежде всего, для того, чтобы воевать. А бой – это не дорога с двусторонним движением, где все расписано. Однако вы, как разработчики, иногда сами же себе противоречите. Вот цитата из вашего краткого описания одного из разделов, а именно «Стрельба и управление огнем в особых условиях»: *«Раздел включает предусмотренные Боевым уставом главы...* (далее следует перечисление этих глав. – **Р. К.**)». Выходит, то, что Боевым уставом не предусматривается, уже и не должно учитываться и рассматриваться. То есть получается картина – «держаться устава, яко слепой стены» не надо, но придется держаться, потому что таковы правила...

Мое мнение: документ по стрельбе артиллерии должен быть не учебником, а именно тем документом, которым должны пользоваться и который должен быть под рукой. Чем чаще будут им пользоваться, тем больше будут знать. Но в последнее время почему-то становится модным превращать документы в учебники.

«СЛИТЬ ВОДУ», ОСТАВИТЬ СУТЬ И ВСЕ РАЗЛОЖИТЬ ПО ПОЛОЧКАМ

Теперь будем говорить конкретно. Считаю, что для реактивных систем залпового огня (РСЗО) стоило бы отдельные инструкции написать. Точнее, свести в один отдельный документ все то, что наработано по РСЗО. А наработок немало, и не только за последнее время. То же самое нужно сделать в отношении высокоточных боеприпасов (ВТБ). Также должно быть сведено в

отдельный документ и то, что касается *управления огнем артиллерии,* – чтобы пользовались те, кого это касается.

Если бы так произошло на самом деле, вы бы обратили внимание на то, что документ по стрельбе артиллерии получился бы маленьким, тоненьким и ужасно интересным. И читали бы его намного чаще...

Управление огнем артиллерии больше зависит от имеющихся в подразделении средств связи и от того, рабочие они или нерабочие, имеется закрытый канал связи или его нет. Вот этим и будет определяться на практике надежность *системы управления огнем.* Конечно, можно мне возразить, но я считаю, что преждевременно писать о системе управления, пока нет радиостанций с закрытым каналом связи между старшим офицером батареи и командиром орудия. Поскольку именно от этих двух должностных лиц зависит, будет открыт огонь по цели или нет. Остальное – второстепенно.

Необходимо «слить воду» – убрать из документа все то, что к стрельбе не имеет никакого отношения и расписано в учебниках, о чем все и без того прекрасно знают. Например, определения *«поражение», «изнурение», «уничтожение»*, как и вообще все «общие положения».

Если говорить о существующих способах пристрелки, то, по самым скромным подсчетам, наберется около четырехсот. Какие-то из них используются, какие-то забываются. Считаю, что все эти способы, даже применяемые постоянно, вовсе не обязательно расписывать в ПС и УО. Лучше всего их все собрать воедино в одном отдельном документе. К примеру, пусть это будет учебник или *некое пособие по изучению видов пристрелок* – название не суть важно. Главное же то, что чем большее количество способов пристрелки знакомо офицеру, тем легче ему действовать на практике. Данное учебное пособие должно быть не только в военных училищах и на военных кафедрах, но и в каждой части, в каждом артиллерийском дивизионе, в каждой батарее.

НЕ БУДЕМ ЗАБЫВАТЬ ПРО ЭЛЕКТРОНИКУ

Теперь о способах определения установок для стрельбы. Все те, что перечислены в проекте ПС и УО, имеют практическое применение и являются актуальными. Особенно это касается глазомерной подготовки данных. Однако, на мой взгляд, необходимо добавить сюда еще способ, когда установки для стрельбы определяются с помощью программируемого МК или карманного компьютера, а сам данный метод подробно описать в пособии по изучению ПС и УО с примерами расчетов.

Имеется в виду способ, когда данные по цели готовятся на основе расчета баллистической траектории полета снаряда, по тем формулам, по которым происходит составление таблиц стрельбы. Если у конкретного офицера имеется вычислительное средство, то и нужно пользоваться им в определении непосредственно Пр по цели. Только не по интерполяции, взятой из таблиц стрельбы, а непосредственно по Дцт. Ведь любую величину, имеющуюся в таблицах стрельбы, можно рассчитать. Соответственно, можно составить программу и пользоваться ею.

Конечно, поначалу этот способ будут применять далеко не все артиллеристы. Но люди быстро разберутся что к чему. Уже на сегодняшний день основная масса офицеров-артиллеристов в войсках умеет пользоваться карманными компьютерами, достаточно много тех, кто способен программировать в Excel.

Применение электроники значительно облегчает задачу. Подготовка установок для открытия огня сегодня готовится либо графическим способом на ПУО, либо аналитически, с помощью расчетов. Но на самом деле, если детально разобраться, эти способы одинаковы, поскольку работают на одном принципе. Даже в аналитическом расчете используется математический аппарат ПУО.

Кроме всего прочего, «одним выстрелом убиваем сразу несколько зайцев», поскольку на основе программы, составленной конкретным офицером (если будет объявлен такой конкурс), можно будет легко составить программу для комплекса автоматизированного управления. Только для этого нужно будет по войскам поездить, с людьми пообщаться...

И ТРЕХДЮЙМОВКА МОЖЕТ СТАТЬ «ЧУДО-ОРУДИЕМ»...

Хочется задать вам следующий вопрос: что вы понимаете под определением «особые условия»? На мой взгляд, раздел «Стрельба и управление огнем в особых условиях» несколько противоречит логике. Так, к особым условиям отнесены особенности стрельбы и управления огнем ночью и в других условиях ограниченной видимости, в горах, при обороне морского побережья и высадке морского десанта, при бое в населенном пункте, при выполнении задач во внутреннем вооруженном конфликте. И все.

Мое мнение: *любая стрельба вне полигона – это стрельба в особых условиях.* Если вы решили такого рода условия перечислить, тогда куда делись горно-пустынная местность, пустыня, боевые действия в лесу и на Крайнем Севере? Или это уже не особые условия? Этот раздел, на мой взгляд, также не нужен в документе, определяющем стрельбу артиллерии. Его можно вынести в учебники.

Вообще же для того, чтобы успешно действовать в особых условиях, необходимо иметь на вооружении современные средства разведки, навигации, связи. Вот и все. При этом не суть важно, какими будут средства доставки (то есть артиллерийские орудия) и где мы будем выполнять задачи.

Это можно было бы доказать экспериментальным путем на полигоне. Допустим, взять два дивизиона. Один из них – на новейших САУ,

но с обычными средствами разведки, навигации и связи, которые имеются в большинстве своем в войсках. А другой дивизион вооружить пушками-гаубицами МЛ-20 выпуска 1945 года и оснастить новейшими, самыми современными средствами разведки, навигации и связи. Создать для стрельбы этим дивизионам одинаковую мишенную обстановку, а после провести анализ. Могу ответить за свои слова, что при проведении такого эксперимента дивизион МЛ-20 был бы на порядок впереди. Просто потому, что любое, даже самое современное орудие при отсутствии новейших средств разведки, навигации и связи – это уже не современное и не новейшее. И наоборот, даже трехдюймовка при использовании с самыми современными средствами разведки будет «чудо-орудием».

НАЙДИТЕ ДЕСЯТЬ ОТЛИЧИЙ...

Вернемся к теме боевого опыта в ПС и УО. Мне кажется, такого рода документы нужно составлять в тесном взаимодействии с офицерами не только общевойсковых подразделений, но и специального назначения. Многие ли артиллеристы, к примеру, ответят на вопрос: *«Что такое левостороннее правило и как его учитывать при ведении боевых действий?»* Думаю, вряд ли. А ведь от знания этого правила будет зависеть жизнь конкретного офицера и его подчиненных, которые с ним действуют при выполнении боевой задачи.

Я еще раз акцентирую внимание на том, что, имея колоссальный боевой опыт, у нас очень мало делается для того, чтобы его использовать. При таком отношении суждено каждый раз при проведении очередных специальных операций, боев и сражений наступать на одни и те же грабли.

Обратите внимание на фотографии: на одной из них изображен КНП (НП) 1950-х–1960-х годов, на другой – тот, что делают сейчас. Найдите, как говорится, десять отличий... Вот и получается, время на месте не стоит, а мы стоим. Другие приборы, другие средства связи и навигации, в интересах командира батареи работают космические средства разведки (правда, только не в нашей стране). А у нас все те же КНП клепают. Хотя еще в наставлениях 1942 года было написано, что от систем КНП (НП) необходимо отказываться...

РАЗЪЯСНИТЕ РАЗ И НАВСЕГДА!

В документе, который вы разрабатываете, не должно быть приложений. Либо, если они имеются, свести их к минимуму. Если требуется пример расчета данных, нужно помещать его под конкретной главой – так будет удобнее и понятнее для пользователей. Во всяком случае, таково мое мнение.

И самое главное. Товарищи ученые, доценты и кандидаты! Объясните, пожалуйста, на одном примере (или на нескольких, но собранных компактно), как считать расход боеприпасов по цели. Но только так, чтобы не нужно было по всему документу рыскать! Так, чтобы не возникало путаницы, чтобы люди понимали, а не только проверяющий. Один раз и навсегда.

НЕ ВЕРЮ

Итак, теперь имеем следующее. На мой взгляд, в документе о стрельбе артиллерии должно быть следующее.

Глава 1. Подготовка стрельбы и управления огнем.

Глава 2. Определение установок для стрельбы.

Глава 3. Стрельба на поражение.

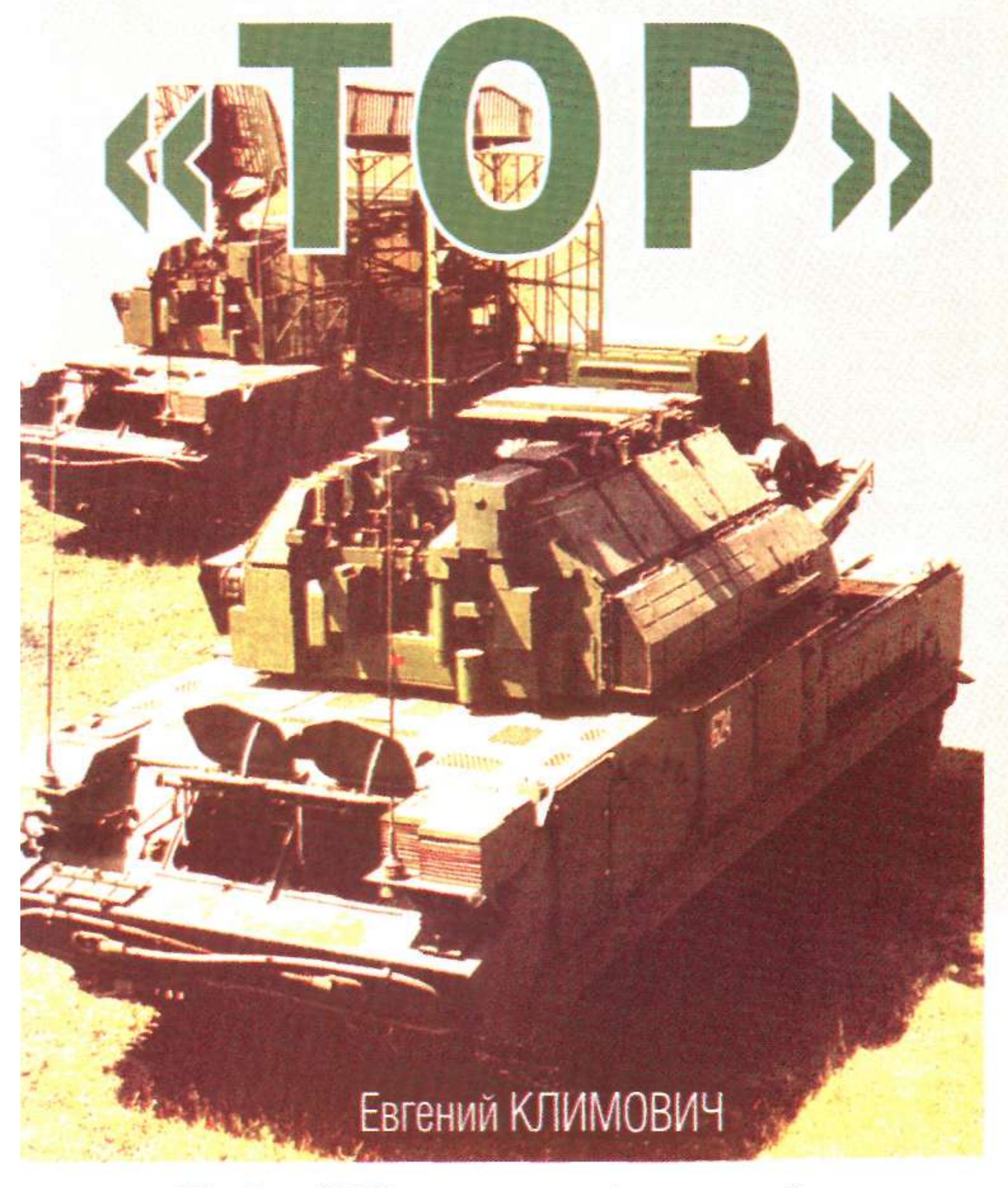
Глава 4. Стрельба и управление огнем прямой наводкой.

Вот и все, больше в нем, по моему глубокому убеждению, ничего быть не должно. И тогда это будут действительно *«Правила стрельбы артиллерии»*.

Но, если оставаться до конца честным, я не верю, что вы что-то измените в разработанном проекте в соответствии с нашими пожеланиями. Почему не верю? Объясню. В армии, где отсутствует современная научная концепция необходимости артиллерии, ее боевого применения, а также перспектив развития в будущем, не может быть документа для этой самой артиллерии. Любые предложения, даже самые умные и обоснованные, не нужны. Потому что нужно подогнать бумагу под начальника, а не под действительность. Плавали, знаем.

Роман Краснянский, Московская область.

САМОХОДНЫЙ ЗЕНИТНЫЙ РАКЕТНЫЙ КОМПЛЕКС «ТОР»

Евгений КЛИМОВИЧ

Зенитный ракетный комплекс «Тор» предназначен для прикрытия войск в подвижных видах боя и на марше от ударов пилотируемых средств воздушного нападения (самолеты тактической авиации и вертолеты) и высокоточного оружия (авиационные ракеты, управляемые авиабомбы, противорадиолокационные ракеты, дистанционно пилотируемые летательные аппараты). ЗРК «Тор» разработан Научно-исследовательским электромеханическим институтом Министерства радиопромышленности СССР, в настоящее время ОАО «НПО «Антей», входящее в концерн ПВО «Алмаз–Антей» (главный конструктор В.П. Ефремов). Головным разработчиком ЗУР 9М330 для этого комплекса было Машиностроительное конструкторское бюро «Факел» Министерства авиационной промышленности СССР, в настоящее время входящее в концерн ПВО «Алмаз–Антей» (главный конструктор ракеты П.Д. Грушин).

ЗРК «Тор» (9К330) принят на вооружение войск ПВО Сухопутных войск в 1986 году. За рубежом комплекс получил наименования: SA-15 (по терминологии США) и Guntlet (по терминологии НАТО). Через три года на вооружение кораблей поступил частично унифицированный с ЗРК «Тор» корабельный комплекс «Кинжал».

Боевые средства ЗРК «Тор», обеспечивающие обнаружение, опознавание и поражение воздушной цели, размещены на одном гусеничном шасси высокой проходимости. Основные характеристики ЗРК «Тор» и его зарубежного аналога приведены в таблице. В состав боевой машины комплекса (9А330) входят:

– станция обнаружения воздушных целей с системой опознавания государственной принадлежности цели по признаку «свой–чужой»;

– станция наведения, обеспечивающая наведение двух ЗУР на одну цель;

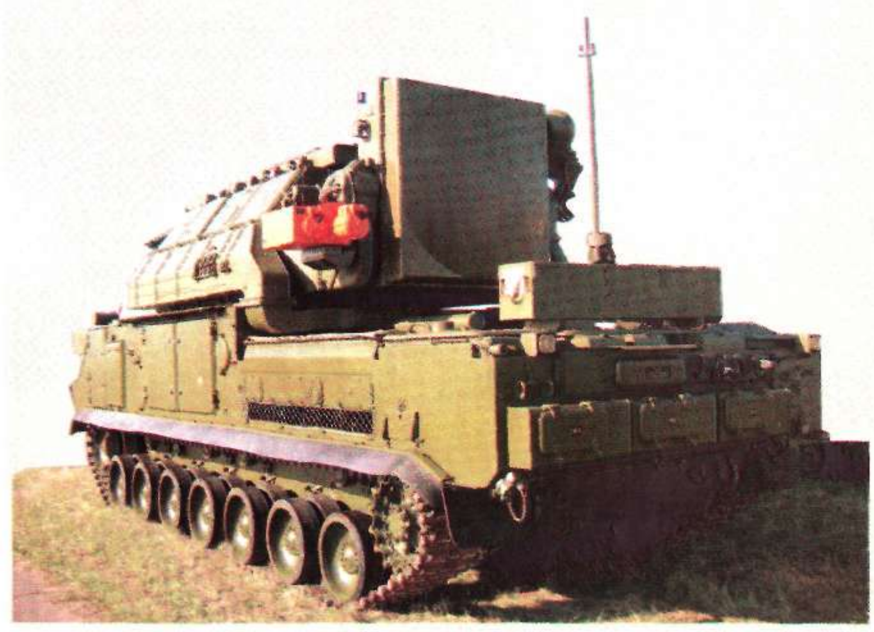
– пусковое устройство, обеспечивающее вертикальный поочередный старт восьми ЗУР, находящихся на боевой машине;

– другие средства и системы, обеспечивающие процесс боевой работы комплекса (система навигации и топопривязки, средства контроля работы аппаратуры, система электропитания и жизнеобеспечения).

Масса боевой машины с восемью ЗУР и боевым расчетом из четырех человек составляет 32 тонны. Кроме перечисленных выше средств на гусеничном шасси боевой машины установлен газотурбинный и дублирующий агрегаты питания. Запас хода по топливу – 500 км, скорость по шоссе – не менее 65 км/час, по грунтовым дорогам и бездорожью – не менее 35 и 15 км/час соответственно.

РЛС обнаружения боевой машины обеспечивает обнаружение и обработку до 48 воздушных целей, из которых 10

определяются в качестве приоритетных по степени опасности (то есть выстраиваются в приоритетный ряд). На индикаторе командира боевой машины воздушные цели высвечиваются в виде точек со стрелками. Направление и величина этих стрелок характеризуют величину скорости движения цели и ее ориентацию. Рядом с символами целей высвечиваются формуляры, содержащие основные сведения о них: приоритетность цели по степени опасности (по минимальному времени до ее вхождения в зону поражения), номер парциала (луча РЛС по углу места), в котором находится цель, признак проводимой операции (поиск цели, сопровождение). РЛС обеспечивает обнаружение самолета-истребителя, летящего на высотах 30–6.000 метров на дальности 25–27 км, вертолетов – на дальностях 13–20 км (в том числе зависших в воздухе).

РЛС наведения оснащена малоэлементной фазированной решеткой, формирующей луч шириной один градус по азимуту и углу места. Станция обеспечивает поиск цели в секторе три градуса по азимуту и семь – по углу места, автосопровождение одной воздушной цели, пуск одной-двух ЗУР с интервалом 4 секунды и их наведение. РЛС наведения комплекса обеспечивает дальность взятия на автосопровождение цели типа истребитель, равную 20–23 км. Среднеквадратическая ошибка сопровождения цели типа самолет-истребитель составляет 7 метров (по дальности). В качестве дублирующего средства для сопровождения воздушных целей используется телевизионно-оптический визир.

ЗУР комплекса (9М330) – твердотопливная, одноступенчатая. Стартовая масса ЗУР – 165 кг, масса боевой части – 14,5 кг, длина ракеты – 2.898 мм, диаметр корпуса – 235 мм, размах крыла – 650 мм. При старте ракета выбрасывалась катапультой вертикально со скоростью около 25 м/с. Запуск двигателя осуществлялся на высоте 16–20 метров от земли. После запуска начинался набор скорости ЗУР, которая на дальности 1,5 км составляла 700–800 м/с. Командное наведение осуществлялось с дальности 250 метров и заканчивалось в момент встречи ракеты с целью.

Ракета оснащена бесконтактным радиовзрывателем и осколочно-фугасной боевой частью с осколками высокой энергии. Высокий уровень располагаемых перегрузок (до 30 единиц), большая скорость полета ЗУР обеспечивают поражение высокоскоростных маневрирующих воздушных целей (от высокоточного оружия до бронированных самолетов). В ЗРК «Тор» реализован вертикальный старт ЗУР, что обеспечивает возможность отражать атаки средств воздушного нападения, действующих с любых направлений, без соответствующего разворота пускового устройства боевой машины. ЗУР поставляются в войска в полностью снаряженном состоянии и не требуют технического обслуживания в течение десяти лет.

Ракета состоит из двух частей: носовой и кормовой. В носовой части размещены бортовое оборудование и боевое снаряжение ЗУР. В кормовой части – ракетный двигатель твердого топлива и крыльевой блок, вращающийся на подшипнике. Носовая часть ракеты состоит из пяти отсеков:

1 – радиопрозрачный обтекатель и передатчик антенны передатчика радиовзрывателя;

2 – отсек управления, состоящий из четырех рулей, четырех рулевых машинок и источника энергии – газогенератора;

3 – аппаратный отсек, включающий электрокоммутирующее оборудование, боевое снаряжение ЗУР и предохранительно-исполнительный механизм. По бортам отсека установлены приемная антенна радиовзрывателя и приемо-

передающая антенна блока радиоуправления;

4 – однокамерный двухрежимный ракетный твердотопливный двигатель. Корпус двигательной установки изготовлен из высокопрочной стали;

5 – крыльевой блок, состоящий из четырех консолей крыльев. Консоли крыльев складываются для обеспечения минимальных поперечных размеров транспортно-пускового контейнера, в котором находится ЗУР. При выходе из контейнера в момент запуска двигательной установки они раскрываются с помощью торсионов.

Необходимо отметить, что управление стрельбой ЗУР и всеми процессами боевой работы ЗРК «Тор» осуществляется с помощью быстродействующей ЭВМ. Процесс боевой работы (от обнаружения воздушной цели до ее поражения) автоматизирован, что обеспечивает комплексу минимальное время реакции, то есть время от обнаружения воздушной цели до схода ЗУР с направляющих пусковой установки (оно не превышает десяти секунд). В этом плане комплекс «Тор» можно рассматривать как автоматизированный робот, обеспечивающий поражение воздушных целей.

Для поддержания необходимой боевой готовности технических средств ЗРК и оценки состояния аппаратуры в комплексе предусмотрена система встроенного контроля функционирования аппаратуры ЗРК. Она автоматически определяет правильность функционирования всех средств боевой машины, степень их готовности. В случае отказа осуществляется поиск отказавшего элемента. Рационально составленный комплект ЗИП обеспечивает возможность его замены.

Расчет боевой машины ЗРК «Тор» состоит из четырех человек: командир, операторы и механик-водитель. Предусмотрена защита экипажа от средств массового поражения. Внутри рабочего отсека башни боевой машины созданы нормальные условия обитаемости. Для подготовки операторов ЗРК «Тор» разработан специальный тренажер. В нем полностью воспроизводится интерьер боевого отсека башни ЗРК и главного пульта боевой машины. Тренажер обеспечивает имитацию воздушной обстановки и всех информационных потоков, поступающих на главный пульт в процессе отражения налета средств воздушного нападения. Сценарии боевых действий войск и прикрываемых объектов, варианты налета средств воздушного нападения задаются руководителем занятий со специального пульта.

ЗРК «Тор» не имеет прямого зарубежного аналога. Наиболее близким зарубежным аналогом комплекса «Тор» можно считать франко-западногерманский ЗРК «Роланд-2», «Роланд-3», который имеет меньшие размеры зоны поражения и является одноканальным по цели (обеспечивает одновременный обстрел только одной воздушной цели).

Организационно зенитные ракетные комплексы «Тор» сводятся в зенитные ракетные полки. Такие полки состоят из командного пункта полка, четырех зенитных ракетных батарей (по четыре боевые машины 9А330 и батарейному командирскому пункту в каждой), подразделений обслуживания и обеспечения. В качестве батарейного командирского пункта используется пункт управления ПУ-12М или машина сбора и обработки информации из состава средств системы автоматизированного управления войсками фронта.

Основным видом боевой работы ЗРК «Тор» является автономная работа зенитных ракетных батарей, но предусмотрена также работа в режиме централизованного и смешанного управления этими батареями начальником ПВО дивизии, куда входит зенитный ракетный полк, или командиром зенитного полка.

Практически одновременно с принятием на вооружение ЗРК «Тор» начались работы по его модификации, в результате которых в 1991 году на вооружение войск ПВО Сухопутных войск был принят ЗРК «Тор-М1». Этот ЗРК (по сравнению с ЗРК «Тор») обеспечивает одновременный обстрел двух воздушных целей, то есть является двухканальным по цели, обладает повышенной помехозащищенностью, имеет улучшенные эксплуатационные показатели, характеристики надежности и обитаемости. Вместо пускового устройства с раздельным заряжанием ЗУР (как это реализовано в ЗРК «Тор») в модернизированном образце применен четырехместный транспортно-пусковой контейнер (9Я81), корпус которого изготовлен из алюминиевого сплава. Контейнер с четырьмя ракетами составляет ракетный модуль (9М334), масса модуля с четырьмя ЗУР – 936 кг.

Корпус контейнера разделен диафрагмами на четыре отсека (полости) для размещения ракет. В нижней части корпуса транспортно-пускового контейнера установлены механизмы электрических разъемов, обеспечивающих соединение электрических цепей ЗУР, контейнера и боевой машины. Для транспортирования и хранения ракет модули с помощью специальных монтажных балок собираются в пакеты (до шести модулей в пакете). Транспортная машина (9Т224) обеспечивает перевозку двух пакетов из четырех модулей (всего 32 ЗУР, то есть четыре боекомплекта), транспортно-заряжающая машина обеспечивает перевозку двух таких модулей, то есть два боекомплекта.

В состав ЗРК «Тор-М1» входит унифицированный батарейный командир-

ский пункт (БКП) «Ранжир» (9С737), обеспечивающий автоматизированное управление боевыми действиями комплекса в составе зенитного ракетного полка. Пункт управления «Ранжир» размещен на гусеничном шасси легкого бронированного тягача МТЛБУ. БКП «Ранжир» обеспечивает управление автономными боевыми действиями зенитных ракетных батарей, контроль выполнения боевых задач и организацию целераспределения между боевыми машинами и выдачу им целеуказания, а также при необходимости выдает команду запрета на стрельбу.

На индикаторе БКП «Ранжир» отображаются до 24 воздушных целей при работе зенитной ракетной батареи в составе зенитного ракетного полка, то есть по данным от вышестоящего командного пункта, и до 16 воздушных целей при работе по данным боевых машин своей батареи. На индикаторе БКП отображаются также не менее 15 наземных объектов, с которыми БКП ведет информационный обмен. Информация, поступающая от боевых машин и других источников и отображаемая на индикаторе БКП, представляется в виде точек с формулярами воздушных целей. В число сведений об этих целях входят признак государственной принадлежности цели (по признаку «свой–чужой») и номер цели. На экране индикатора БКП высвечиваются положение реперной точки вышестоящего КП, РЛС и зоны поражения боевых машин.

В 1993 году на Международной выставке вооружения и военной техники в столице Объединенных Арабских Эмиратов Абу-Даби в составе экспозиции российского вооружения были представлены две серийные боевые машины ЗРК ближнего действия «Тор-М1». Боевые машины были доставлены морским транспортом в порт, оттуда на трейлерах: одна – на выставку, другая – на полигон для проведения демонстрационных стрельб (в 40 км от города). Транспортно-заряжающие машины не брали, так что заряжание осуществлялось с помощью обычного подъемного крана.

Перед началом стрельб российская сторона вышла с предложением к зарубежным разработчикам зенитных комплексов такого типа, также представленных на выставке: «Кроталь» (Франция) и АДАТС (США, Швейцария), о проведении совместных стрельб по одним и тем же мишеням – сначала по российским, затем по зарубежным. Это дало бы возможность наиболее объективного и прямого сравнения конкурирующих средств в равных условиях. Однако согласия зарубежных участников Международной выставки вооружения и военной техники в Абу-Даби не последовало.

После прибытия на полигон и непродолжительных тренировок состоялись демонстрационные стрельбы. По итогам боевых стрельб ЗРК «Тор» на этой международной выставке можно заключить, что комплекс действовал безотказно: все восемь выпущенных ЗУР поразили цели. Система жизнеобеспечения (кондиционер, вентиляция) также выполняла свои задачи по созданию в боевой машине нормальных условий для работы экипажа (это было весьма важно, так как жара в то время достигала +38°С в тени).

Дальнейшая модернизация ЗРК типа «Тор» осуществляется в направлении размещения аппаратуры комплекса на колесном шасси, на буксируемых прицепах, а также разрабатывается стационарный вариант. На Международном авиационно-космическом салоне, состоявшемся в августе 2001 года в подмосковном городе Жуковском (МАКС-2001), сообщалось, что созданы образцы новых модификаций «Тор-М1Т»:

– колесно-кабинный вариант «Тор-М1ТА» (аппаратная кабина размещается на автомобиле Урал-5323, антенно-пусковой пост – на прицепе);

– буксируемый вариант «Тор-М1ТБ» (аппаратная кабина и антенно-пусковой пост размещены на двух специальных автомобильных прицепах);

– стационарный вариант «Тор-М1ТС» (аппаратная кабина размещается в кабине кузова-фургона, антенно-пусковой пост – на стационарном каркасе).

Благодаря использованию общих модулей системы «Тор-М1» и «Тор-М1Т» имеют одинаковые основные боевые характеристики. В то же время новые колесные варианты в сравнении с базовым вариантом «Тор-М1» имеют определенные преимущества: более низкую стоимость, возможность осуществления пуска ЗУР с модуля, расположенного на удалении от аппаратной кабины, возможность передвижения по шоссейным дорогам.

Основные технические характеристики ЗРК «Тор» и его зарубежного аналога

	«Тор»	«Тор-М1»	«Роланд-2», «Роланд-3»
Зона поражения, км			
по дальности	1,5–12	1,5–12	до 6
по высоте	0,01–6	0,01–6	0,01–5
Макс. скорость поражаемых целей, м/с	700	700	450
Макс. скорость ЗУР, м/с	800	800	600
Длина ЗУР, м	2,9	2,9	2,6
Диаметр ЗУР, м	0,23	0,23	0,16
Стартовая масса ЗУР, кг	165	165	62,5
Масса боевой части, кг	14,5	14,5	6,5
Количество ЗУР на ПУ, шт.	8	8	2 (10 – на БМ)
Число одновременно обстреливаемых целей	1	2	1
Год принятия на вооружение	1986	1991	1983
Страна-разработчик	СССР	СССР	ФРГ Франция

1960-Е ГОДЫ СТАЛИ ВРЕМЕНЕМ ПОЯВЛЕНИЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ СНАЙПЕРСКОГО ОРУЖИЯ. ТЕПЕРЬ СНАЙПЕРСКИЕ ВИНТОВКИ РАЗРАБАТЫВАЛИСЬ ОТДЕЛЬНО, С «НУЛЯ», БЕЗ УНИФИКАЦИИ С «ЛИНЕЙНЫМ» ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ (ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО ТАКОВЫМ СТАЛИ ШТУРМОВЫЕ ВИНТОВКИ И АВТОМАТЫ ПОД ПАТРОНЫ ПРОМЕЖУТОЧНОЙ МОЩНОСТИ). ДЛЯ НИХ СОЗДАВАЛИСЬ СНАЙПЕРСКИЕ ПАТРОНЫ И НОВЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОПТИЧЕСКИЕ ПРИЦЕЛЫ, ТО ЕСТЬ ОБНОВЛЯЛСЯ ВЕСЬ КОМПЛЕКС. В АВСТРИИ И ФРАНЦИИ УПОР СДЕЛАЛИ НА МАГАЗИННЫЕ ВИНТОВКИ, ИСПОЛЬЗУЯ ПРИ ИХ СОЗДАНИИ ОПЫТ РАЗРАБОТКИ СПОРТИВНЫХ ИЛИ ОХОТНИЧЬИХ ВИНТОВОК.

Семен ФЕДОСЕЕВ

НЕЗАМЕНИМЫЕ «МАГАЗИНКИ»

АВСТРИЙСКИЕ СНАЙПЕРСКИЕ ВИНТОВКИ «ШТЕЙР»

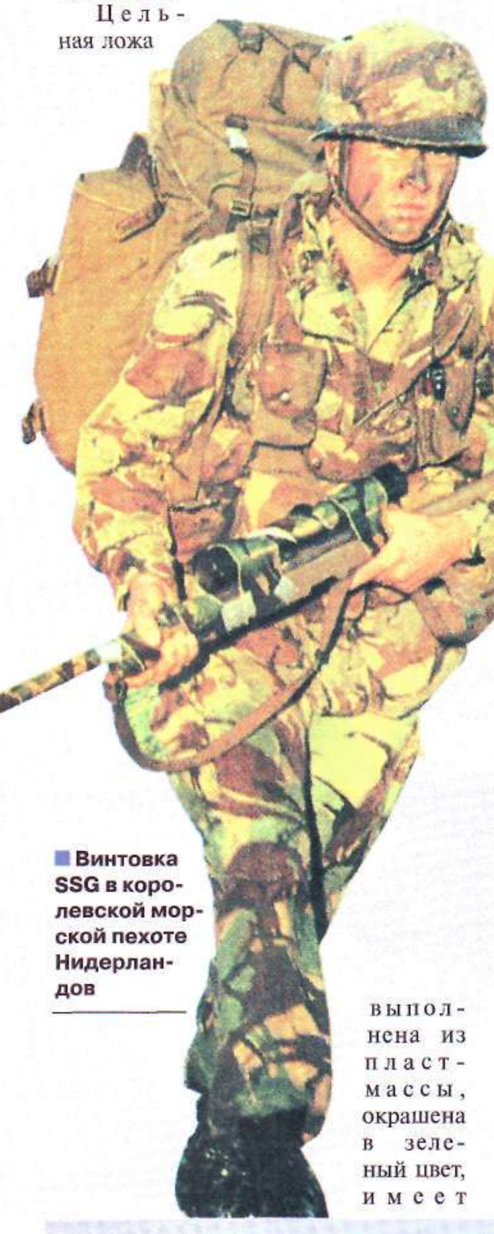
В 1970 году австрийский концерн «Штейр» (позже – «Штейр-Даймлер-Пух») начал выпуск ***снайперской винтовки SSG-69 (Scharfshutzen Gewehr-69 – «снайперская винтовка Штейр 1969 года»)***, созданной на основе охотничьей винтовки модели SL. Винтовка была представлена в двух вариантах – под патрон 7,62х51 (.308 «винчестер») и под .243 «винчестер». Разработка ее велась в соответствии с довольно жесткими требованиями 80-процентной вероятности попадания в грудную фигуру на дальности до 600 м, в ростовую фигуру – до 800 м. В результате появилась винтовка, привлекшая к себе широкое внимание как один из наиболее метких образцов снайперского оружия. Кроме армии и полиции Австрии, она была закуплена для вооруженных сил и полицейских формирований ряда других стран – например, морской пехоты Нидерландов или спецподразделений полиции Сальвадора.

Ствол винтовки изготавливается холодной ротационной ковкой по методу, разработанному самой фирмой «Штейр». Ковка на оправе формирует полный профиль канала, включая нарезы, его внешнюю поверхность, а также упрочняет его стенки. Фрезерованная ствольная коробка посажена на ствол с натягом. В задней части ствольная коробка имеет массивный упор, через который импульс отдачи передается ложе. Запирание канала ствола производится продольно скользящим затвором, состоящим из невращающегося остова и поворотной задней муфты с рукояткой. На муфте попарно тремя группами расположены шесть боевых выступов. Заднее расположение боевых выступов в целом считается менее рациональным, чем на передней боевой личинке, поскольку увеличивается длина узла запирания. Однако в случае SSG такая схема, по отзывам специалистов, работает вполне надежно. При запирании и отпирании затвор поворачивается в поперечной плоскости на 60 градусов. Рукоятка затвора отогнута вниз и снабжена насечкой, предотвращающей соскальзывание руки при отпирании. На хвост ударника навинчен курок с боевым взводом, укрытый съемной крышкой, предохраняющей механизм от засорения, а стрелка – от ранения в случае прорыва пороховых газов через затвор. Во взведенном положении ударник выступает в отверстие крышки затвора, так что состояние ударного механизма можно определить визуально или на ощупь.

Спуск – с предупреждением. Спусковой крючок воздействует на спусковой рычаг головкой винта, ввинченного в его тело. Вращением винта можно регулировать усилие и длину хода спуска, причем делается это снаружи без разборки винтовки. Насеченный ползок предохранителя смонтирован справа в задней части ствольной коробки и доступен для большого пальца руки, охватывающей шейку приклада. Переднее положение ползка (видна красная точка) соответствует положению «огонь», заднее (белая точка) – «предохранитель», при этом запираются затвор и шептало. Обычный спусковой

механизм мог по специальному заказу заменяться механизмом «целевого» типа с взводящим рычагом и шнеллерным спуском, усилие которого уменьшено до нескольких десятков грамм-сил.

Цельная ложа выполнена из пластмассы, окрашена в зеленый цвет, имеет пистолетный выступ шейки приклада, наметку на цевье. Длина приклада регулируется сменными прокладками под его затылок. Винтовка снабжается сменным не выступающим за обводы ложи магазином роторного (на 5 патронов) или коробчатого (10 патронов) типа. Роторный магазин представляет собой модификацию магазина, появившегося в 80-е годы XIX века на винтовке «Манлихер-Шенауэр», выпускавшейся той же «Штейр». Защелки магазина симметрично расположены по бокам его корпуса. Винтовки первого выпуска имели коробчатый магазин, долгое время обе модели соседствовали в производстве, но с 1990 года производство коробчатого магазина было прекращено и основным стал роторный. Корпус и подаватель магазина SSG – пластмассовые, а задняя стенка сделана прозрачной для визуального контроля наполненности.

Винтовка SSG в королевской морской пехоте Нидерландов

Тактико-технические характеристики SSG-69

Патрон	– 7,62x51 (.308 «винчестер) или .243 «винчестер»
Масса оружия без патронов	– 3,9 кг без прицела, 4,6 кг с оптическим прицелом
Длина оружия	– 1.140 мм
Длина ствола	– 650 мм
Число нарезов	– 4
Начальная скорость пули	– 860 м/с
Дульная энергия пули	– 3.513 Дж
Прицельная дальность	– 800 м
Емкость магазина	– 5 (роторный) или 10 (коробчатый) патронов

Антабки для брезентового ремня расположены на правой стороне приклада и на переднем конце цевья. Маркировка обычно включает надпись «STEYR-MANNLICHER SSG69» и заводской номер на левой стороне ствольной коробки.

Оптический прицел крепится на гребень ствольной коробки. Обычно винтовка используется с прицелом «Калес» ZF 69 (6x42) или ZFM. Прицел ZF 69 имеет установки по дальности от 400 до 800 м. Для серии из 10 выстрелов на дальности 100 м указывается поперечник рассеивания 1,5 см, на 300 м – 9 см, на 600 м – 20 см, на 800 – 40 см. То есть жесткие изначальные требования в целом оказались выполнены. Открытые прицельные приспособления включают прицел и мушку спортивного типа с предохранителем. К винтовке разработан ствол с интегрированным глушителем.

Выпускается целевой вариант этой винтовки «Штейр-Матч» с утяжеленным стволом под патрон RWS и измененной формой ложи. Мушка с трубчатым предохранителем и прицел с микрометрическим регулировочным винтом заимствованы у винтовок «Вальтер».

«Полицейская» модификация винтовки обозначалась SSG-P (SSG-PI). В начале 1980-х годов появилась модификация SSG-PII с утяжеленным стволом той же длины, но с увеличенной толщиной стенок. Винтовка не имеет открытых прицельных приспособлений. Рукоятка затвора получила большой пластмассовый набалдашник, ложа изготавливалась из черного пластика. Масса винтовки без прицела увеличилась до 4,12 кг. На переднем конце цевья крепится штырь для складной сошки. Наиболее удобной считают сошку типа «Паркер-Хэйл» из алюминиевого сплава. Кроме утяжеления ствола и установки сошки повышению меткости стрельбы должны были способствовать германские оптические прицелы «Хенсольд» 10-кратного увеличения типа 10x42 – ZF500 для дальностей до 500 м и ZF800 до 800 м. Прицелы снабжены прицельно-дальномерной сеткой, маховичками регулировки с фиксированными установками по дальности через 100 м с отметками через 50.

В 1995 году «Штейр-Манлихер» представила укороченный вариант SSG-PIIK с тяжелым стволом длиной 508 мм и общей длиной 978 мм. По типу спортивных винтовок на дульном срезе ствола выполнена воронка, а

Тактико-технические характеристики SSG

	SSG-PI	SSG-PII	SSG-PIV SD
Патрон	.308 Win (7,62x51)	.308 Win (7,62x51)	.308 Win (7,62x51)
Масса оружия без патронов, кг	4,1	4,3	3,8
Длина оружия, мм	1.130	1.130	1.003
Длина ствола, мм	650	650	407
Тип магазина	роторный	роторный	роторный
Емкость магазина, патронов	5	5	5

«Полицейские» снайперские винтовки SSG-P с нормальной длиной ствола и SSG-PIV с укороченным стволом

снизу цевья – направляющая-паз длиной 200 мм для крепления регулируемой передней антабки с упором для ладони. К упору, в свою очередь, может крепиться складная сошка. SSG-PIIK относится к типу легких «полицейских» снайперских винтовок, удобных в городских условиях, – в полном снаряжении она весит около 5,25 кг. Как утверждают, на обычных дальностях применения таких винтовок кучность стрельбы, даже при укорочении ствола, не ухудшилась – на дальности 100 м поперечник рассеивания составляет 1,2–1,5 см.

Еще более компактен «бесшумный» вариант SSG-PIV SD с интегрированным глушителем.

Стоит заметить, что SSG – недешевое, кстати, оружие – наравне со снайперскими винтовками китайского и югославского производства встречались у албанских террористов в Косово.

Новой моделью магазинной снайперской винтовки «Штейр» стала ***SSG 04 под патрон .308 «винчестер» (7,62х51) или .300 «винчестер»***. Винтовка имеет ствол длиной 600 мм, хотя существует и вариант с длиной ствола 508 мм, ствол может снабжаться дульным тормозом. Продольно скользящий поворотный затвор выполнен по «безопасной» системе SBS («Safe Bolt System»), ранее опробованной фирмой на винтовках «Йагд-Матч» и «Штейр-Скаут». Затвор имеет четыре передних боевых выступа, входящих в пазы муфты, надетой на казенную часть ствола. При перезаряжании затвор поворачивается на 70 градусов. Как утверждается, выброс стреляной гильзы, подача и досылание производятся без стука даже при сравнительно быстром движении затвора, причем наводка в данном случае не сбивается. Утолщение в задней части затвора защищает стрелка в случае прорыва пороховых газов. Выступающий сзади затвора хвост ударника позволяет судить о состоянии ударного механизма. Для большей безопасности при переноске заряженной винтовки рукоятку затвора можно слегка повернуть вверх – при этом запирается ударник.

Спуск – с предупреждением. Предохранитель помещен вверху позади ствольной коробки и имеет три положения – «огонь», «заряжание» и «предохранитель». В положении «заряжание» спуск заперт, но затвор может двигаться. В положении «предохранитель» заперты и спуск и затвор.

Винтовка представлена с отъемными коробчатыми магазинами емкостью 5 и 10 патронов. Цельная пластмассовая ложа имеет черты винтовок «Тактикал Элит» и «Про Хантер» той же фирмы, характерна выраженной шейкой приклада, расширенным снизу цевьем, длина приклада регулируется с помощью сменных прокладок. Имеется регулируемый упор для щеки стрелка. Ложа – черного цвета. На конце цевья крепится складная двуногая сошка. Перед спусковой скобой к ложе крепится адаптер (кожух), позволяющий устанавливать магазины увеличенной емкости. Масса винтовки SSG 04 в зависимости от комплектации – 4,0–4,9 кг.

С винтовкой предлагается использовать оптический прицел «Шмидт унд Бендер» PM/II переменной кратности типа 4-16х50. Винтовка обладает хорошей кучностью стрельбы – серия из 5 выстрелов на дальности 300 м дает поперечник рассеивания 8 см.

ФРАНЦУЗСКИЕ СНАЙПЕРСКИЕ ВИНТОВКИ FR-F1 И FR-F2

На вооружение французской армии в 1965 году поступила 7,5-мм магазинная винтовка FR-F1 (Fusil Repetition Model F1 – «магазинная винтовка модели Ф1»).

Ряд элементов FR-F1 – и прежде всего устройство затвора – заимствован у магазинной винтовки Mle 1936. Стоит вспомнить, что Mle 1936 (Mle 1936 MAS, или MAS-36) была разработана в связи с принятием на вооружение французской армии в 1929 году нового 7,5-мм винтовочного патрона и стала последней принятой на вооружение системой массовой военной магазинной винтовки (с учетом модернизаций она продержалась в производстве до 1955 года). После Mle 1936 MAS заново для вооруженных сил магазинные винтовки создавались только в качестве снайперских. И среди них FR-F1 под тот же патрон 7,5х54 оказалась одной из первых.

Винтовка имеет тяжелый ствол с навинченным на дульную часть дульным тормозом-пламегасителем. У французской винтовки боевые выступы затвора также расположены сзади. Стреляная гильза захватывается выбрасывателем при отпирании затвора. Отражатель гильзы закреплен на стенке ствольной коробки. Смонтированный в затворе ударник взводится при досылании патрона в патронник и запирании затвора. Изогнутая вниз рукоятка затвора расположена с правой стороны.

Спусковой крючок имеет форму коленчатого рычага и связан своей осью вращения с шепталом. При нажатии на крючок его ось опускается, а конец верхнего плеча упирается в дно ствольной коробки. Затем в дно ствольной коробки упирается конец винта, и стрелок чувствует упор – «предупреждение». С помощью винта можно менять усилие и момент спуска. При дальнейшем нажатии шептало опускается, и происходит выстрел.

Снайпер с винтовкой FR-F2 (с маскировочными чехлами) на позиции

Винтовка Mle 1936 предохранителя не имела, на FR-F1 был установлен флажковый неавтоматический предохранитель. Он смонтирован внутри спусковой скобы позади спускового крючка и, будучи опущен вниз, запирает спусковой крючок. Для выключения предохранителя его флажок нужно поднять вверх-влево.

Питание патронами – из отъемного коробчатого магазина. При переноске магазина отдельно его гнездо закрывается резиновой крышкой; при присоединении магазина крышка надевается на него снизу. Защелка магазина расположена с правой стороны ствольной коробки впереди и выше магазина.

FR-F1 имеет разрезную ложу, включающую деревянный приклад с пистолетной рукояткой, цевье и ствольную накладку. Приклад имеет надставной затылок и съемную пластмассовую «щеку» высотой 8 или 17 мм. Надставки увеличивают длину приклада на 20 или 40 мм. Вблизи центра тяжести крепится складная регулируемая по высоте сошка.

На винтовке устанавливается оптический прицел «53 bis» (APXL 806) кратности 3,85х на кронштейне с зажимным винтом. Пластмассовые кольца, помещенные между муфтами кронштейна и корпусом прицела, служат для регулировки положения прицела после его установки на винтовку. Имеются также вспомогательные открытые прицельные приспособления: целик и мушка со съемным трубчатым предохранителем, снабженные светящимися точками для стрельбы в сумерки. Целик может заменяться регулируемым диоптром.

В 1980 году к FR-F1 был принят бесподсветный ночной прицел OB-48 с усилителем яркости на основе микроканальной пластины и автоматической регулировкой усиления. Масса прицела – 1 кг, кратность – 3,5-3,85х, дальность обнаружения крупных целей – до 600 м, малых – до 200–400 м.

На экспорт FR-F1 выпускалась под патрон 7,62x51 НАТО с соответствующими изменениями ствола, затвора, магазина. Тип патрона выштампован на левой стороне ствольной коробки – например «FR-F1 7.62 N M.A.S.». Здесь же указан заводской номер.

Кроме снайперского варианта FR-F1 делались также целевой («Тир Спортив») и охотничий («Гран Шарпс») варианты. Собственно, винтовка изначально и создавалась как спортивная целевая и лишь потом была выбрана в качестве снайперской.

Модернизированная винтовка FR-F2 выпущена в 1984 году под патрон 7,62x51. Тяжелый ствол той же длины заключен в цилиндрический кожух, покрытый слоем пластика (нейлон) и переходящий впереди в щелевой пламегаситель. Кожух обеспечивает теплоизоляцию ствола, повышает его жесткость, уменьшает колебания, защищает поле зрения прицела от бликов и «миража», несколько уменьшает тепловую заметность винтовки. Изменена форма приклада. Вместо деревянного цевья установлено цевье с металлическим каркасом и пластмассовой накладкой. Сошка усилена и крепится на особой муфте, имеющей возможность поворота вокруг оси канала ствола и смещения по его длине.

На винтовку устанавливаются прежний прицел «53 bis» либо новый типа 6x42 марки «Хенсольдт» или «Леупольд», а также ночные прицелы вроде OB50 «Сопием». Для маскировки имеются мягкие чехлы на ствол и прицел различной окраски.

Винтовки FR-F2, выпущенные корпорацией GIAT, состоят на вооружении армии, спецподразделений национальной жандармерии и полиции Франции. Судя по сообщениям в печати, FR-F2 неплохо проявила себя в «контрснайперской борьбе», которую вели в Югославии французские морские пехотинцы из состава сил ООН. Так что отдаленный потомок Mle 1936 MAS, можно сказать, удался. Экспортные модификации FR-F2 имеют некоторые отличия: FR-G1 – деревянное цевье без кожуха ствола и нерегулируемую сошку, FR-G2 – то же, но с регулируемой по высоте и углу поворота сошкой.

Винтовка FR-F1 – с оптическим прицелом и сложенной сошкой – в руках снайпера

Тактико-технические характеристики FR-F1

Патрон	– 7,5x54 или 7,62x51
Масса без патронов	– 5,2 кг
Масса с патронами и оптическим прицелом	– 5,66 кг
Длина без надставок на приклад	– 1.138 мм
Длина ствола	– 552 мм
Число нарезов	– 4
Длина хода нарезов	– 305 мм
Начальная скорость пули	– 850 м/с
Дульная энергия пули	– 3.251 Дж
Эффективная дальность	– 800 м
Емкость магазина	– 10 патронов

Оптический прицел APXL 806 на винтовке FR-F2

«НЕ ИМЕЯ ГЕРБОВОЙ...»

Здравствуйте, уважаемые друзья!

Более десятилетия я жду каждый новый номер журнала «Солдат удачи», прочитываю его от корки до корки, конспектирую, ксерокопирую, даже использую в работе (почему даже, станет ясно дальше). Не раз и не два хотел написать вам. Но давил в себе эти желания.

Дело в том, что я человек сугубо штатский – историк, краевед. Работаю в музее небольшого городка Заводоуковск Тюменской области. Но военная история – тема мне очень близкая. Помимо личного к ней интереса тут еще и интерес профессиональный.

И вот сегодня наконец я рискнул предложить вам свою точку зрения, скорее, даже заметки на полях вашего журнала.

Когда В.В. Путин при посещении горных бригад в СКВО восхищался продемонстрированной ему бронетехникой, я поморщился. Но когда на страницах вашего журнала появились статья Михаила Гусева и «ответный выстрел» Дмитрия Бата...

Не буду касаться основной темы этих статей – вооружение горнострелкового взвода. Специалистам виднее. Хотя... Можно, конечно, помечтать о АВБ. Действительно, для хорошо подготовленного стрелка в горных условиях она была бы лучше любого автомата. А если ее перестволить под 7,62x51 NATO или другой патрон без фланца, немцы со своей HK G8 вообще бы умылись. Но *«не имея гербовой...»* На вооружение уже приняты АН-94, СВУ-АС и «Печенег», и хотим мы того или нет, но в обозримом будущем именно эти системы будут и у горных, и у равнинных и, как в том анекдоте, у водоплавающих. Переживать по этому поводу уже поздно. В конце концов, «Калаш» тоже не без недостатков, но он уже 60 лет воюет.

Взяться за перо заставило меня другое. Оба автора единодушно предлагают включить в штат горнострелкового взвода бронетехнику. Спорят только о том, что лучше: БПМ-97 или БМД-4. А что так скромно?! Каждому горному отделению – по БМП-3. И Ми-26 в придачу, чтобы это богатство в гору затаскивать!

Позвольте напомнить вам штат горнострелкового полка Красной Армии времен Великой Отечественной: 5 горнострелковых рот, рота автоматчиков, пулеметная, 2 минометные, саперная рота, горноартиллерийская батарея, взводы связи, конной и пешей (альпинисты) разведки. И где вы видите здесь мотострелков?

Мне скажут, ты еще времена *«Очакова и покорения Крыма»* вспомни. А я отвечу: за прошедшие 70 лет Эльбрус не стал ни на сантиметр ниже. Как тут не вспомнить незабвенного А. Райкина: *«Время было нелегкое, тяжелое было время, и атмосфера была мерзопакостная. Но тем не менее рыба в Каме была!»* В 1940-е годы в нашей стране были горнострелковые части.

Нет, я не против мотострелков. И БМП – отличная машина. Для прорыва обороны противника в условиях массового применения ОМП, да еще на равнинных центральноевропейском или ближневосточном ТВД – вообще незаменимая. Но мы что, создаем горные части для последнего броска к Ла-Маншу?

Даже в 1970-е–1980-е годы в составе 68-й отдельной мотострелковой бригады (горной) помимо двух мотострелковых (на БМП-1) было и два горных батальона. В то время не были сняты с вооружения БТР-40 и БТР-152 – последние наши классические бронетранспортеры. В горных батальонах стояли на вооружении ГАЗ-66, так как еще были живы генералы, воевавшие *в 1940-е роковые* на Кавказе и в Карпатах и отдающие себе отчет, что АБТ для горных частей – всего лишь средство повышения мобильности.

Не должно быть, по моему мнению, в составе горного взвода (роты) тяжелого оружия, которое не смог бы переносить на марше его расчет, ну, в крайнем случае, с привлечением нескольких носильщиков (специально выделенных, а не вырванных из стрелковых подразделений!) А в структуре батальон–полк не должно быть никаких других артсистем, кроме горновьючных. Да, «Василек» – отличная машинка, но в горы надо идти все-таки с «Подносом», СПГ-9, «Градом-П» и «Метисом-М» с 9М131Ф, ну может быть, с М-107, если их удастся найти на складах. А коли эти системы не смогут справиться с противником – на то существуют «Китоловы», «Краснополи», «Смельчаки» и «Сантиметры». Нужно только, чтобы эти шедевры в войсках не экономили, понимали, что как бы ни был дорог снаряд, он не дороже солдатской жизни.

Ну и, наконец, где-то в природе есть Ми-28Н и Су-39 (на выставках и авиасалонах точно летают, сам видел). Вот если мы повременим вооружать современной авиатехникой наших потенциальных союзников и вспомним про родную армию... (А то наше мудрое руководство не знает, куда Стабфонд девать). И чтобы авианаводчики в частях стали родными, а не пришельцами с Марса... Вон в Персидском заливе штурмовики и ударные вертолеты в войсках интервентов брали на себя подчас функции батальонной артиллерии.

А автомобили – ну пусть они будут в подразделениях тылового обеспечения. Мы же давайте обсудим, что лучше в горных частях – лошадь или мул.

Нет, если вас так заботит действие горных стрелков на равнине, введите в состав горного полка (бригады) роту (батальон) мотострелков. Хотя у меня сразу возникает вопрос: а чем тогда у вас будут заниматься линейные мотострелковые части, коих в СКВО при всей его горной специфике было, есть и будет подавляющее большинство?

У нас уже был, к сожалению, опыт использования горных стрелков на равнине. Летом 1941-го горнострелковые дивизии 9-й, 12-й, 18-й, 26-й армий пытались остановить фашистские танки в степях Украины. А потом, в 1942-м, на Кавказ со всей страны альпинистов с бору по сосенке собирали...

Создавать горнострелковые части, комплектуемые за счет найма добровольцев (ну не нравятся мне слова *контрактник* и *профессионал!* Воинская служба есть *служение*, а не коммерческая сделка или работа), натаскивать их в альпинистской и горнолыжной подготовке... А потом ставить задачи, для которых их подготовка не нужна... Это бесхозяйственность в высшей степени!

Пусть *сапоги тачает сапожник, а пироги печет пирожник.* Пусть мотопехота готовится прорывать оборону врага, а горные стрелки осваивают сложнопересеченную горно-лесистую местность.

А я возвращаюсь к своим пыльным книгам.

С уважением А. Севостьянов, Тюменская область.